

Юрий Жуков
Вадим Кожин
Юрий Мухин

Загадка 37 года

Классика
русской
мысли

**Юрий Николаевич Жуков
Вадим Валерьянович Кожинов
Юрий Игнатьевич Мухин
Загадка 37 года (сборник)
Серия «Классика русской мысли»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6113302
Загадка 37-го : Эксмо:Алгоритм; М.:; 2010
ISBN 978-5-699-40624-1*

Аннотация

В чем причина сталинских репрессий 1937 года? Какой был их масштаб? Какую роль они сыграли в истории нашей страны? Ответы на эти вопросы, которые по-прежнему занимают исследователей, политологов, публицистов, да и всех, кому интересно прошлое СССР, – в этой книге трех известных авторов.

В книге, представленной вашему вниманию, собраны произведения на данную тему лучших российских авторов. Обширность фактического материала, глубокий его анализ, доступность и простота изложения, необычный взгляд на «загадку 37-го года» — все это присутствует в работах Ю.Н. Жукова, В.В. Кожинова и Ю.И. Мухина; работах, по праву признанных классикой современной русской общественной мысли.

Содержание

В.В. Кожин	4
Часть 1	4
Часть 2	10
Часть 3	24
Приложение А. Север	65
Революционеры или бизнесмены?	65
Из ювелиров – в главного чекиста	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Юрий Жуков, Вадим Кожинов, Юрий Мухин Загадка 37-го

В.В. Кожинов
1937 год

Часть 1 **Вожди и история**

К сожалению, в литературе о революции большое место занимают чисто «субъективистские» толкования. Со времени известного XX съезда партии все сводили к злодейской личной воле Сталина, а в последнее время достаточно широко распространилось аналогичное истолкование гибели людей в первые годы революции, когда роль чудовищного злодея исполнял Ленин.

Характерный образец такого истолкования – книга Владимира Солоухина «При свете дня», изданная в 1992 году в Москве, но, как сообщается на последней ее странице, «при участии фирмы «Belka Trading Corporation» (США)». У нашего известнейшего писателя есть свои очень весомые заслуги, но все же не могу умолчать, что данная его книга отнюдь не несет в себе того «света», который обещает ее заглавие. «Методология», сконструированная в многочисленных сочинениях о Сталине, предстает здесь даже в утрированном виде. Так, «причина» коллективизации «освещена» здесь следующим образом: «Сталину, постоянно бегавшему и скрывавшемуся от полиции (до 1917 года. – В.К.), в каждом бородатом мужике чудился враг, смертельный враг, готовый всякую минуту мгновенно кинуться ему под ноги... Свалить на землю, скрутить и сдать потом в полицию... И... дорвавшись до власти, Сталин именно на мужике начал вымещать, пусть с опозданием, всю свою злобу и обиды...». Вот, оказывается, где корни трагедии 1929—1933 годов! Но в таком случае будет логичным сделать вывод, что виноваты сами «бородатые мужики»: не сдавали бы в свое время смутьянов в полицию, и Сталин не устроил бы им коллективизацию...

Не менее «замечательно» предложенное в книге «При свете дня» объяснение гигантских жертв и бедствий первых послереволюционных лет: причина-де в том, что Россией правил «человек с больным, пораженным мозгом, а значит... и с больной психикой... С агрессивными наклонностями... По личным распоряжениям, по указаниям, приказам Ленина уничтожено несколько десятков миллионов россиян» (с. 187, 189, 190).

Началось это уничтожение, утверждает В. Солоухин, уже в первые минуты власти Ленина – в ночь с 25 на 26 октября (7—8 ноября) 1917 года, когда по приказу вождя в Зимнем дворце арестовали министров Временного правительства и, «не мешкая ни часу, ни дня, посадили их в баржу, а баржу потопили в Неве» (с. 161—162). Дело не только в том, что перед нами непонятно откуда взявшаяся выдумка; не менее прискорбно искажение картины реального бытия русских людей в революционную эпоху: потопили баржу – и дело с концом, между тем как и движение истории в целом, и судьбы отдельных людей являли собой исполненную прямо-таки невероятных поворотов и противоречий драму.

Ведь в действительности все пятнадцать арестованных в Зимнем дворце в 01.50—02.10 час. 26 октября (8 ноября) 1917 года министров Временного правительства (послед-

него его состава) были вскоре же освобождены, и большинство из них прожили долгую и по-своему содержательную жизнь. Так, министр исповеданий А. В. Карташев эмигрировал, был одним из наиболее выдающихся историков Православия и умер в 1960 году в Париже в возрасте 85 лет. А его коллега министр путей сообщения А. В. Ливеровский никуда не уехал, играл немалую роль в транспортных делах страны, в том числе в героическом строительстве «Дороги жизни» во время немецкой блокады Ленинграда, – города, где он и скончался уважаемым человеком в 1951 году в возрасте 84 лет.

Вообще же из пятнадцати арестованных 26 октября министров семь остались в России, а восемь эмигрировали. Живший во Франции военно-морской министр адмирал Д. Н. Вердеревский в 1945 году явился в посольство СССР, пил там за здоровье Сталина и даже успел стать гражданином СССР, хотя в 1946-м его постигла смерть (ему было 73 года). А исполнявший (в последние дни существования Временного правительства) обязанности военного министра генерал А. А. Маниковский не пожелал эмигрировать и стал – ни много ни мало – начальником снабжения Красной армии, правда, ненадолго: в 1920 году он погиб в железнодорожной аварии.

Конечно, часть оставшихся в России министров не избежала репрессий, но умер насильственной смертью, насколько известно, только один из них – министр земледелия С. Л. Маслов. До 1929 года он был видным деятелем российской кооперации («Центросоюза»), а также преподавал в Московском университете и других высших учебных заведениях. В 1930-м его отправили в ссылку, в 1934-м он вернулся в Москву, но 20 июня 1938 года был расстрелян НКВД.

Словно ради некой трагической симметрии казнь постигла также и одного из эмигрировавших – министра-председателя Экономического совета С. Н. Третьякова – внука одного из создателей Галереи С. М. Третьякова: в декабре 1943 года он был расстрелян (согласно другим сведениям, ему отсекали голову) немецкими нацистами как виднейший тогда агент советской (!) контрразведки в Париже (он стал им еще в 1929 году – как раз в тот момент, когда в Москве его коллегу Маслова отстранили от руководящей работы в кооперации).

Владимир Солоухин зачем-то решил мгновенно отправить на неевское дно всех этих людей с их удивительными судьбами (я сказал о шести из пятнадцати министров, но и истории остальных достаточно яркие). Нельзя не опровергнуть еще одно совершенно ложное утверждение В. Солоухина. Он пишет, что-де «в первом составе Совета Народных Комиссаров соотношение евреев к неевреям 20:2» (с. 212). Между тем абсолютно точно известно, что в этом «первом составе» (утвержденном 26 октября) из 15 наркомов евреем был только один – Л. Д. Бронштейн (Троцкий), если не считать «еврейских корней» Ленина (евреем был его дед по материнской линии Бланк). Сравнительно небольшой оставалась доля евреев и в последующих составах Совнаркома – вплоть до середины 1930-х годов, когда около половины наркомов (но все же не девять десятых, как уверяет В. Солоухин) были евреями, в том числе наиболее важные наркомы внутренних и иностранных дел, путей сообщения, внешней торговли, оборонной промышленности и т. д.

Это вообще непростая и по-своему чрезвычайно интересная тема, к которой мы еще специально обратимся. Что же касается «информации», предлагаемой в книге «При свете дня», остается только руками развести – откуда такое берется?!

Как ни прискорбно, подобные вещи встречаются на многих страницах книги Владимира Солоухина, хотя несправедливо было бы умолчать, что то же самое характерно едва ли не для большинства нынешних сочинений о 1920—1930-х годах. Владимир Солоухин утверждает, что в 1918 году Ленин «бросил крылатую фразу: пусть 90% русского народа погибнет, лишь бы 10% дожили до мировой революции. Тогда-то заместитель Дзержинского Лацис (на деле – пред. ЧК 5-й армии. – В.К.)... опубликовал в газете «Красный террор» 1 ноября 1918 года своеобразную инструкцию всем своим подчиненным: "...Мы истребляем

буржуазию как класс... Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти"...» (с. 145—146).

Но, во-первых, сия «крылатая фраза» принадлежит не Ленину, а Г. Е. Зиновьеву, который к тому же говорил все-таки о гибели 10, а не 90%, а, во-вторых, ознакомившись с тем самым журналом (а не газетой) «Красный террор», Ленин тут же не без резкости заявил: «... вовсе не обязательно договариваться до таких нелепостей, которую написал в своем казанском журнале «Красный террор» товарищ Лацис... на стр. 2 в № 1: «не ищите (!!?) в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом...» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 310).

Вообще нетрудно доказать, что Ленин как человек, стоявший во главе всего, вел себя «умереннее» многих деятелей того времени и не раз стремился занять «центристскую» позицию, хотя Владимир Солоухин голословно утверждает обратное. Доказательства ленинской «умеренности» еще будут приведены, а пока скажу о самом существенном.

В книге «При свете дня» многократно повторяется, что, мол, «болезнь мозга... в зрелом возрасте Владимира Ильича развила в нем чудовищную, бешеную, не знающую никаких преград агрессивность. Если бы больной сидел дома под присмотром родных – это одна картина. Но он волею судеб сделался диктатором над сотнями миллионов людей. И полились реки крови...» (с. 50). Притом диктатор «сидел в Кремле, защищенный... высокими зубчатыми стенами» (с. 78), и потому, мол, злодействовал без всякого риска.

Вот такое «толкование» истории... При этом как бы полностью исчезает бушевавшая в России в 1917—1922 годы революция, о которой Сергей Есенин сказал в 1924 году:

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело...

Тот ураган был небезопасен и для самого Ленина. Широко известно только одно покушение на его жизнь – 30 августа 1918 года. Но еще 1(14) января этого года автомобиль, в котором Ленин ехал по центру Петрограда, был обстрелян залпом из нескольких винтовок, и лишь находчивость сидевшего рядом соратника спасла вожда: рука, которой спаситель мгновенно пригнул голову Ленина, была задета пулей... Через четыре дня, 5(18) января, Ленин отправился разгонять Учредительное собрание, и ему, ввиду опасности, вручили револьвер, который был тут же у него украден и возвращен лишь на следующий день после настойчивых розысков. Далее, 10 марта в обстановке строжайшей секретности Ленин переезжает из опасного Петрограда в Москву, и ему преграждает путь эшелон, переполненный анархически настроенными матросами; положение спасает сопровождающий беглецов вышколенный батальон латышских стрелков, без которых Ленин вообще едва ли уцелел бы в 1918—1919 годах.

9 июля 1918 года автомобиль Ленина был обстрелян из револьверов у Николаевского (позднее Октябрьского) вокзала в Москве. 30 августа его – что общеизвестно – тяжело ранили. А 19 января 1919 года его автомобиль около Сокольников остановил знаменитый тогда, пользуясь нынешним словечком, «авторитет» Кошельков: предсовнаркома Ленин был вышвырнут (буквально) из своей машины, у него отняли бумажник и револьвер, а машину угнали и т. д.

Все это показывает, в какой стране, в каком мире правил диктатор... И я обратился к вышеизложенным фактам отнюдь не для того, чтобы вызвать «сочувствие» к Ленину и, тем более, как-то «оправдывать» его действия; цель моя только в воссоздании истинного положения в послереволюционной России. Ураган, бушевавший в стране, был настолько всепроникающим, что и всевластный, казалось бы, диктатор не мог избежать его смертоносного натиска.

Атмосфера революции создавала достаточно напряженное положение и внутри самой власти. Хорошо известно, что любое существенное «решение» Ленина в 1917—1921 годах резко оспаривалось многими его соратниками, и ему приходилось вести нелегкую борьбу. Когда же в 1922 году его ослабила тяжелая болезнь, он не раз «проигрывал».

Владимир Солоухин возмущенно говорит в своей книге, что в составе высшей революционной власти, которая объявила себя властью «рабочих и крестьян», «один только был рабочий – М. И. Калинин, да и то его держали для вывески» (с. 81). Это действительно так, но В. Солоухин умалчивает (или же не знает), что в 1922 – начале 1923 года именно Ленин пытался кардинально изменить положение дел. В его последних сочинениях, известных под названием «Завещание», главная, стержневая мысль – мысль о необходимости безотлагательно передать верховную власть «рабочим и крестьянам, поставив их во главе нашей партии» (т. 45, с. 345); притом Ленин подчеркивал, что это должны быть рабочие и крестьяне, «стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет» (с. 348).

Когда говорят о «завещании» Ленина, как правило, сосредоточивают все внимание на содержащейся в нем «сенсационной» критике главных «вождей», особенно Сталина. Однако Ленин начал свое «завещание» заявлением о необходимости «предпринять... ряд перемен в нашем политическом строе (а не перемен в личном составе руководства. – В.К.)... В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни» (с. 343); в ЦК тогда числилось 27 человек, и Ленин далее объявил, что в новый орган высшей власти следует «выбрать 75—100... новых членов... из рабочих и крестьян» (с. 384), которые, следовательно, должны были занять три четверти (!) мест в этом всевластном органе.

И вот что поистине примечательно: «опасный» и потому засекреченный элемент ленинского «завещания» обычно усматривают в критике «вождей», а ведь в основе своей эта критика стала общеизвестной из ряда публикаций уже в 1927 году. Между тем важнейшие суждения Ленина о необходимости «передачи» власти из рук профессиональных революционеров в руки рабочих и крестьян были опубликованы только в 1956 году! Правда, в 1923 году появилась в печати ленинская статья «Как нам реорганизовать Рабкрин», но, во-первых, ее публикация поначалу вызвала решительное сопротивление всей партийной верхушки (собирались даже напечатать единственный спецэкземпляр «Правды» с этой статьей для успокоения Ленина), во-вторых, в этой статье главная мысль Ленина не выступала с такой ясностью, как в других его тогдашних текстах, и, наконец, сразу же после опубликования статьи в парторганизации было разослано письмо Политбюро и Оргбюро ЦК, в котором ленинская статья, по сути дела, дискредитировалась как полубред тяжелобольного человека.

Но важнее всего, конечно, тот факт, что настоятельное предложение Ленина ни в коей мере не было реализовано, хотя он видел в нем «шаг государственной важности» (с. 483). Вообще, как уже сказано, с самого начала тяжелой болезни Ленина его власть стали все более урезать. Подчеркну еще раз, что, излагая факты, я не оцениваю (по крайней мере, пока не оцениваю) их, не ставлю вопроса о «правоте» или «неправоте» какого-либо деятеля; речь идет только о характеристике реального положения в революционной России – положения, которое определяло судьбу и рядовых граждан, и самого Ленина.

* * *

Целесообразно еще раз сказать о существеннейшей «поправке» к подавляющему большинству нынешних рассуждений о варварстве и жестокости революционной политики. Как правило, эти крайне прискорбные явления пытаются объяснить, исходя из характера того или иного деятеля, – характера, так сказать, политического и идеологического (хотя подчас выдвигается уж совсем поверхностная точка зрения, сводящая все к чисто индивидуальной

психике, как в цитированной книге В. Солоухина). Отсюда и проистекает возложение всей «вины» на Сталина, а в последнее время – и на Ленина.

Между тем варварство и жестокость были порождены самим существом революционной эпохи. В связи с этим стоит еще раз вспомнить о Бухарине, которого постоянно сопоставляют со Сталиным. Нет сомнения, что Бухарин был если и не «мягким» (как заявляют его апологеты), то, уж во всяком случае, не столь уж «решительным» человеком, склонным к колебаниям и сомнениям (так, в 1918-м он являлся «самым левым» коммунистом, а в 1928-м – «самым правым»). Однако и его политическое поведение определялось общей атмосферой эпохи и было в конечном счете не менее «жестоким», чем у других руководящих лиц. К сожалению, внедренный в умы «либеральный» бухаринский «имидж» заставляет многих попросту закрывать глаза на реальные факты.

Так, например, бывший министр юстиции В.А. Ковалев издал книгу, повествующую прежде всего о грубейших нарушениях правовых норм в 1920—1930-х годах (Ковалев В. Два сталинских наркома. М., 1995). Он размышлял, в частности, об известном Шахтинском деле 1928 года – о «вредителях» в Донбассе:

«Задолго до суда и даже до окончания предварительного следствия с изложением своей оценки Шахтинского дела выступил Сталин. В докладе на активе Московской партийной организации 13 апреля 1928 года этому делу он посвятил целый раздел: «Факты говорят, что Шахтинское дело есть экономическая контрреволюция, затеянная частью буржуазных спецов, владевших ранее угольной промышленностью. Факты говорят далее, что эти спецы, будучи организованы в тайную группу, получали деньги на вредительство от бывших хозяев, сидящих теперь в эмиграции, и от контрреволюционных антисоветских организаций на Западе».

Так задолго до судебного разбирательства и вынесения приговора, – возмущался В.А. Ковалев, – факты были установлены, акценты расставлены, выводы сделаны... Вся последующая судебная процедура заведомо превращалась в фикцию. Для того чтобы правильно понять мотивы... прямого и открытого вмешательства в деятельность уголовной юстиции по конкретному делу, следует иметь в виду политическую ситуацию, сложившуюся в то время в стране. Все большее распространение приобретали идеи так называемых «правых» уклонов во главе с Бухариным, Рыковым, Томским»...

Итак, с одной стороны, злодей Сталин, организующий Шахтинское дело, к тому же, как оказывается, для противостояния «правым», а с другой – «невинные» Бухарин и его сподвижники Рыков и Томский. Но на самом деле, во-первых, именно ближайший единомышленник Бухарина М. П. Томский возглавлял комиссию ЦК, расследовавшую «вредительство» в Донбассе, а, во-вторых, в один день со Сталиным, 13 апреля 1928 года, Бухарин сделал доклад «Уроки хлебозаготовок, Шахтинского дела и задачи партии», где «расставил акценты» намного хлеще, чем Сталин!..

В Донбассе, заявил Бухарин, «при помощи рядовых рабочих раскрыли вредительскую организацию, которая через ряд посредствующих звеньев была связана с иностранным капиталом, с крупными иностранными капиталистическими организациями, с эмигрантскими кругами, наконец, с военными штабами некоторых иностранных держав. Она состояла в значительной мере из бывших собственников соответственных шахт и рудников, причем некоторые из них имели очень гнусный контрреволюционный стаж... Она состояла из белогвардейских инженеров и техников, из которых многие оказались бывшими денкинцами, некоторые – бывшими контрразведчиками Деникина... Они имели связь через некоторых иностранных инженеров с границей, причем некоторые из этих инженеров оказались членами фашистских организаций... Идеологией этой организации являлось свержение Советской власти, восстановление капиталистического режима... Ближайшей их задачей была решительная спекуляция на войне и на новой интервенции... не исключена возможность

существования организаций, подобной этой, в других областях; нет гарантии, что такая гнусность не завелась в военной промышленности или в химической; хотя прямых данных для этого предположения нет...».

Таким образом, Бухарин далеко «превзошел» Сталина и, между прочим, как бы разработал сценарий того «разоблачения», которое было применено через десять лет к нему самому... Естественно, и конкретное «решение» Бухарина по Шахтинскому делу было более жестоким, чем Сталина. Очень симпатизировавший Бухарину историк М.Я. Гефтер все же, в силу своей объективности, привел бухаринский рассказ о заседании Политбюро (Гефтер М. Апология слабого человека. «Российская провинция», 1994, № 5), на котором утверждался приговор по Шахтинскому делу: «Он, – сказал Бухарин о Сталине, – предлагал ни одного расстрела по Шахтинскому делу (мы голоснули против)». Мы – это Бухарин, Рыков и Томский, к которым присоединилось большинство Политбюро. «...»Правые», стало быть, за расстрел. И чем побуждаясь? – вопрошал в своей статье М.Я. Гефтер. – В пику Сталину? Блюдя в чистоте заповедь классовой борьбы?...».

Принято считать, что Сталин отказывался от жестоких решений только ради «игры». Допустим даже, что это так. Допустим и то, что тройка «правых» также проголосовала за расстрел ради «игры» – «в пику Сталину». Но это-то и обнаруживает с особенной наглядностью суть сознания и поведения руководителей революционной эпохи: они, не дрогнув, готовы расстрелять кого угодно и ради чего угодно... Когда 25 августа 1936 года были казнены Зиновьев и Каменев, Бухарин написал об этих людях, с которыми была теснейшим образом связана вся его жизнь: «Что расстреляли собак – страшно рад».

Могут сказать, что эти слова вызваны стремлением «отмежеваться» от «врагов народа». Но в чрезмерной резкости проступает привычная для Бухарина готовность без каких-либо треволнений «голоснуть» (по его словечку!) за убийство людей.

И это не «личная» черта, а типовой признак всех вождей революции, то есть черта историческая, которую бессмысленно специально выискивать в Сталине или Ленине и пытаться «не замечать» в том же Бухарине...

Часть 2

Роль евреев в послереволюционной России

А теперь перейдем к вопросу, с давних пор возбуждающему острейшие споры и порождающему самые разные, нередко прямо противоположные ответы. Полярность ответов на поставленный вопрос особенно очевидна в наше время: одни утверждают, что в октябре 1917 года в России устанавливается чисто «еврейская власть», что большевики того времени – это либо евреи, либо послушные исполнители их воли, а другие, напротив, что большевистская власть была враждебна евреям, что к власти в Октябре пришли люди, которых уместно даже назвать «черносотенцами»...

Так, имеющий влияние на Западе автор, Дмитрий Сегал (в 1970-х годах эмигрировал из России в Израиль), опубликовал в 1987 году в парижском альманахе «Минувшее» (выпуски которого массовым тиражом переиздавались в Москве) пространную статью, призванную, так сказать, открыть глаза на факты, которые доказывают-де, что Октябрьский переворот (в отличие от Февральского) сразу же привел к жестоким гонениям на евреев. В начале статьи ее задача четко сформулирована: «Обратить внимание исследователей... на дополнительные факты, которые лишь теперь начинают собираться в осмысленную картину...».

Собранные в статье «факты» в самом деле способны произвести сильное впечатление на неподготовленного читателя. Так, оказывается, уже 28 ноября (11 декабря) 1917 года – то есть через месяц после большевистского переворота – один из виднейших меньшевиков А.Н. Потресов заявил на страницах газеты «Грядущий день» что «идет просачивание в большевизм черносотенства». Чуть позднее, 3(16) декабря, некто В. Вьюгов публикует в популярной эсеровской газете «Воля народа» статью, где речь идет уже не о «просачивании», а о тождестве большевизма и черносотенства; статья так и названа: «Черносотенцы-большевики и большевики-черносотенцы», и автор «разгадывает» в ней «черносотенную политику Смольного», обитатели которого, по его словам, «орудуют вовсю... восстанавливая старый (то есть дофевральский! – В.К.) строй».

«Той же общей теме разгула черносотенной, охотнорядской стихии в революции, – продолжает Дмитрий Сегал, – посвящают свои статьи в газете партии народной свободы (то есть кадетской. – В.К.) «Наш век» в номере от 3 декабря 1917 года А. С. Изгоев («Путь реставрации») и Д. Философов («Русский дух»)

Далее, 17 января 1918 года широко известный тогда (в частности, своей необычайной переменчивостью) литератор А.В. Амфитеатров ставит задачу «конкретизировать» образ большевика-черносотенца, и Дмитрий Сегал так излагает содержание его статьи, опубликованной в газете «Петроградский голос» под названием «Троцкий-великоросс»: «Амфитеатров выступает с опровержением традиционно принятого тогда в некоторых кругах мнения о чуждости Троцкого России, о том, что он – «инородец». Напротив, говорит автор... беда как раз в том, что Троцкий слишком хорошо усвоил типичные черты великоросса, причем великоросса-шовиниста».

Наконец, Дмитрий Сегал как бы демонстрирует позднейшие «плоды» деятельности Троцкого и других обитателей Смольного, цитируя опубликованный 14 июня 1918 года (то есть через восемь месяцев после Октября) в либеральной газете «Молва» очерк С. Аратовского из цикла «Белые ночи и черные дни». Очеркист рассказывает, как «собираются пестрыми толпами голодные люди на Знаменской площади:

– Помитинговать, што ль, немножко?...

Против всех протестуют, но на «жидах» все соглашаются, как один. И не только свободные граждане, но и красногвардейцы охотно поддакивают им.

– Конечно, жида много портят. Они социализму вредят, потому ведь в банках – жида, в газетах – жида... А при настоящей коммуне – перво-наперво, конечно, всех жидов потопить...».

В последнем тексте есть, правда, деталь, явно противоречащая «концепции», которую пытается обосновать Дмитрий Сегал: очеркист отмечает, что «красногвардейцы» только «поддакивают». А ведь, казалось бы, именно красногвардейцы, вдохновляемые «черносотенной политикой Смольного», должны были выступать как инициаторы борьбы с вредящими социализму «жидами»...

Неизбежно возникает и еще одно недоумение по поводу этих цитат из антибольшевистских газет конца 1917 – начала 1918 года: ведь в том самом Смольном (откуда исходила-де «черносотенная политика») заседал тогда всевластный ЦК РКП(б), около трети членов которого составляли евреи: Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Я.М. Свердлов, Г.Я. Сокольников, Л.Д. Троцкий, М.С. Урицкий. Еще более «еврейским» был верховный, с формальной точки зрения, орган власти – Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов (ВЦИК), избранный 26 октября 1917 года: из шести его большевистских членов четверо были евреи – В. Володарский, Каменев, Свердлов и Ю.М. Стеклов, чья настоящая фамилия – Нахамкис (кроме них в Президиум были избраны еще два большевика – поляк Дзержинский и латыш Стучка; русских там не имелось вообще).

Но Дмитрий Сегал на последней странице своей статьи стремится, так сказать, рассеять это недоумение. Он цитирует газету «Вечерний час» от 27 ноября (10 декабря) 1917 года, опубликовавшую изложение речи видного еврейского деятеля М.С. Шварцмана на состоявшемся накануне в Петрограде «митинге сионистов»:

«Мы хотим, чтобы за тех отщепенцев еврейства, которые сейчас играют отвратительную роль насильников, отвечал не весь еврейский народ, а чтобы такие насильники были ответственны за свои преступления перед всем народом» (имеется в виду еврейский народ. – *В.К.*)... Оратор не называл имен (комментирует газета. – *В.К.*), но чуткая аудитория узнала в этой реплике гг. Нахамкисов, Бронштейнов и пр.».

Многие наверняка воспримут сегодня это заявление сиониста М.С. Шварцмана как «хорошую мину при дурной игре», ибо широко распространено представление, согласно которому сионисты – это и есть, так сказать, наиболее «опасная» для России часть евреев, и Троцкого и других большевистских вождей еврейского происхождения сплошь и рядом зачисляли именно в «сионисты», нередко даже противопоставляя их иным, не проникнутым сионистской идеологией евреям, которые, мол, не наносили столь большого вреда России.

Но такое представление обусловлено, увы, элементарным незнанием исторических фактов. Здесь невозможно обсуждать вопрос о сионизме вообще и, в особенности, о его современном, сегодняшнем значении и роли в мире. Если же говорить о месте сионизма в революционной России, о деятельности российских сионистов в 1900—1920-х годах, нет никаких оснований усомниться в искренности приведенных только что высказываний М.С. Шварцмана.

Сионист М.С. Шварцман определил оказавшихся у власти в октябре 1917 года евреев как играющих «отвратительную» роль «отщепенцев» и «преступников». Могут возразить, что гонения на сионистов со стороны большевистской власти и позже были явно и гораздо менее последовательными и жестокими, нежели гонения на национально мыслящих русских людей. Это действительно так, и имелись, очевидно, две причины более «мягкого» отношения власти к еврейским «националистам». Во-первых, противостояние власти и сравнительно немногочисленных (в соотношении с русскими) национально ориентированных евреев не представляло грозной опасности для большевиков, а во-вторых, сказывалось, конечно, единство происхождения, племенная солидарность. Вот характерный факт. В 1920 году группа деятелей еврейской культуры во главе с крупнейшим поэтом Х.Н. Бяли-

ком решила эмигрировать из Советской России. И ходатайствовать о разрешении на отъезд берется еврей-меньшевик И.Л. Соколовский – родной брат первой жены Троцкого, в молодости друживший со своим впоследствии столь знаменитым зятем. Однако, советуясь с людьми, которые были осведомлены о послереволюционной деятельности Троцкого, Соколовский «узнал множество фактов о жестокости Троцкого», о том, что он «нес ответственность за террор и казни ЧК», и отказался от своего намерения встретиться с бывшим зятем. Но далее делу все же помог другой еврей – большевик, который ранее был национально мыслящим и, даже став впоследствии большевиком, продолжал в высшей степени ценить поэзию сиониста Бялика. В конце концов поэт благополучно эмигрировал вместе со всей своей группой.

В этой истории просматривается многозначность проблемы. Если же говорить о ходе событий в самом общем плане, нельзя не признать, что российские сионисты после революции либо эмигрировали, либо, оставаясь под властью большевиков, рисковали подвергнуться репрессиям, что и постигло многих из них в 1920—1930-х годах.

Как уже сказано, речь идет здесь не о сионизме вообще и не о его деятельности на всем протяжении нашего века, а только о судьбе сионистов в России в первые послереволюционные годы. Несмотря на то, что еврейская племенная солидарность облегчала эту судьбу, совершенно ошибочно все же «объединять» сионистов и евреев-большевиков (и тем более отождествлять их!), хотя подобная тенденция, увы, очень широко распространена сегодня.

Так что Дмитрий Сегал в той или иной мере справедливо разграничивает национальное еврейство и большевистских вождей-евреев, – «отщепенцев», боровшихся против «национального» вообще. Но в то же время едва ли хоть сколько-нибудь основательна его попытка усмотреть в большевистской власти нечто «черносотенное». Он, кстати сказать, приводит в своей статье отнюдь не реальные факты (как он обещал в начале), подтверждающие его точку зрения, а чисто субъективные мнения представителей различных политических партий, находившихся тогда в остром конфликте с захватившими власть большевиками. В цитируемых им антибольшевистских статьях использован весьма нехитрый, в сущности, прием идеологической борьбы: поскольку к 1917 году в общественное сознание было внедрено крайне негативное представление о «черносотенцах», сближение или прямое отождествление с ними большевиков призвано было полностью дискредитировать последних.

Повторю еще раз, что большевики (в том числе и еврейского происхождения) в самом деле были чужды или даже враждебны сионизму и вообще собственно национальным устремлениям евреев, но объявление Троцкого «великороссом-шовинистом» в полном смысле слова нелепо, и Дмитрий Сегал, всерьез ссылаясь на подобное «откровение», по сути дела, ставит себя в смешное положение...

Фигура Троцкого имеет, в сущности, центральное значение для понимания обсуждаемого вопроса – и по той исключительно важной роли, которую он играл в первые послереволюционные годы (его тогдашнее место в большевистской иерархии – сразу вслед за Лениным и Свердловым, к тому же последний умер уже в начале 1919 года), и в силу того, что он был, несомненно, «умнее» многих других большевистских «вождей».

Однако, прежде чем сосредоточиться на этой фигуре, следует вернуться к цитированному выше изложению речи сиониста М.С. Шварцмана, назвавшего большевиков-евреев «отщепенцами» и заявившего, что еврейский народ не несет за них ответственности, – напротив, они сами несут ответственность перед этим народом за свои «преступления».

Как уже сказано, Троцкий и другие «вожди» действительно были «отщепенцами» еврейства, – хотя ныне многие стремятся увидеть в них чуть ли не сионистов. В 1923 году группа видных еврейских деятелей, эмигрировавших из большевистской России, издала в

Берлине сборник статей «Россия и евреи», который достаточно убедительно продемонстрировал их неприятие большевизма и принадлежащих к нему евреев.

Но в то же время без особо сложного раздумья можно понять, что сионист М.С. Шварцман – пусть сам он даже и не осознавал это с полной ясностью – все же считал Троцкого и других евреями (хотя и «отщепенцами»): ведь, отрицая ответственность за них еврейского народа, он вместе с тем возлагал на них ответственность именно перед этим народом!

И сам Троцкий (как и другие деятели его типа) испытывал вполне очевидное чувство ответственности перед своими одноплеменниками, – хотя он и утверждал (эти его слова уже цитировались), что «национальный момент» не играл в его жизни «почти никакой роли» и интернационализм «всосался» в самую его «плоть и кровь». Что дело обстоит иначе, ясно хотя бы из статьи страстного современного апологета Троцкого В.З. Роговина, который приводит целый ряд высказываний своего кумира, недвусмысленно свидетельствующих о весьма неравнодушном отношении к судьбе одноплеменников. Так, Троцкий возмущался даже тогда, когда «при судебных процессах взяточников и других негодяев» выдвигались «еврейские имена на первый план». Нет никакого сомнения, что Троцкому даже не могло бы прийти в голову гневаться в тех случаях, когда «на первом плане» оказывались «негодяи» с какими-либо иными национальными именами...

Описанное В.З. Роговиным возмущение Троцкого имело место в 1925 году. Ранее, во время гражданской войны, когда Троцкий был всевластным «предреввоенсовета», он не просто «возмущался». Известно, что в казачестве к началу XX века так или иначе сохранилась давняя «традиция» (разумеется, глубоко прискорбная, варварская) грабежа попавшихся на его боевом пути селений. В 1920 году во время боев с «белополяками» находившиеся в составе красных конных армий казаки подчас грабили еврейские местечки. И участник похода на Польшу Исаак Бабель свидетельствовал, что в результате «300 казаков, наиболее активных участников погромов, были по распоряжению Троцкого расстреляны». В своей «Конармии» сам Бабель не раз упоминал, что казачья «вольница» в тех или иных случаях вела себя варварски в отношении любого населения; но нет никаких сведений, что Троцкий принимал столь беспощадные, «чрезвычайные» меры ради возмездия за обиду каких-нибудь других людей, кроме евреев...

* * *

При уяснении роли евреев в большевизме часто утверждают, что их было все же весьма немного, и, следовательно, они, мол, не могли в большой мере определять жизнь страны. Скажем, американский «русовед» Уолтер Лакер, даже признав, что «евреи составляли высокий процент большевистского руководства», тут же пытается посеять сомнение относительно этого факта: «Однако из пятнадцати членов первого Советского правительства тринадцать были русские, один грузин и один еврей». Это действительно так (хотя для точности отмечу, что нарком продовольствия в первом правительстве И.А. Теодорович – не русский, а поляк, к тому же выросший, согласно его собственному рассказу, в националистически и антирусски настроенной семье). Однако правительство имело тогда в иерархии власти в прямом смысле слова третьестепенное значение (так, даже в справочных сведениях о власти сначала указывался ЦК с его Политбюро, затем ВЦИК Советов и лишь на третьем месте – Совнарком).

Немаловажен и тот факт, что в предшествовавшем Советскому Временному правительстве из 29 человек, побывавших на постах министров, 28 были русские, 1 – грузин (меньшевик И.Г. Церетели) и ни одного еврея, – хотя во главе тех партий, чьи представители становились тогда министрами, евреев было немало. Но, например, один из главных эсеровских лидеров, А.Р. Гоц, которому предлагали войти во Временное правительство, «и слышать не

хотел вообще ни о каком министерском poste; свой отказ он мотивировал еврейским происхождением».

Точно так же – возможно, не без «подражания» А.Р. Гоцу – способный к предвидению Троцкий настаивал, что «в первом революционном правительстве не должно быть ни одного еврея, поскольку в противном случае реакционная пропаганда станет изображать Октябрьскую революцию «еврейской революцией»...». Комментируя эту «позицию» Троцкого, его нынешний горячий поклонник В.З. Роговин стремится, в частности, убедить читателей в том, что Лев Давидович был-де лишен властолюбия, имел твердое намерение «после переворота остаться вне правительства и... Согласился занять правительственные посты лишь по настоячивому требованию ЦК».

Но эти рассуждения рассчитаны на совершенно простодушных людей, ибо ведь Троцкий никогда не отказывался от членства в ЦК и Политбюро, а член Политбюро стоял в иерархии власти несоизмеримо выше, чем любой нарком! И Троцкий, кстати сказать, не скрывал своего крайнего негодования, когда его в 1926 году «освободили от обязанностей члена Политбюро»...

Забегая вперед, стоит отметить, что отсутствие евреев после 1926 года в Политбюро (кроме одного лишь введенного в его состав в 1930 году Л.М. Кагановича) объяснялось вовсе не «антисемитизмом» (хотя многие толкуют это именно так), а как раз напротив, стремлением не пробуждать в стране противоеврейские настроения, поскольку в середине 1920-х годов всем стало ясно, что верховная власть сосредоточена отнюдь не в правительстве, не в Совнаркоме, а в Политбюро. В высшей степени характерно, что если в 1920-х годах в составе правительства – особенно во главе ведущих наркоматов – было не так уж много евреев, то в 1930-х дело обстояло обратным образом: наркомом внутренних дел стал Ягода, иностранных – Литвинов-Валлах, внешней торговли – Розенгольц, путей сообщения – Рухимович, земледелия – Яковлев-Эпштейн, председателем правления Госбанка – Калманович и т. д. К этому времени, повторяю, все понимали, что высшей властью в стране является не Совнарком, а Политбюро, которому всецело подчинены эти наркомы-евреи. Иначе обстояло дело в первые послереволюционные годы. Так, в сентябре 1922 года встал вопрос о введении поста «первого заместителя председателя Совнаркома», который в периоды обострения болезни Ленина должен был автоматически заменять его. На этот пост прочили Троцкого, но он, по его же признанию, «решительно отказался... чтобы не подать нашим врагам повода утверждать, что страной правит еврей». Между тем впоследствии, в 1930—1940-х годах, заместителями председателя Совнаркома назначались – кроме пресловутого Кагановича – Землячка-Залкинд и Мехлис, но на этом основании не могло возникнуть представление, что евреи правят страной; ведь этих деятелей (в отличие от членов Политбюро, даже портреты которых приобрели всеобщее «ритуальное» значение) и знали-то не столь уж широкие слои населения СССР.

Впрочем, есть еще и иная сторона проблемы. Троцкий, как мы видим, отказался от поста первого заместителя Предсовнаркома, дабы, мол, нельзя было утверждать, что «страной правит еврей». Однако лучший современный исследователь жизненного пути Троцкого, Н.А. Васецкий, показал, что Лев Давидович отнюдь не возражал, когда ему однажды – пусть ненадолго – представилась возможность действительно «править страной» (а не быть «заместителем»).

30 августа 1918 года Ленин, как всем известно, был тяжело ранен, но «в литературе, – отметил Н. А. Васецкий, – как-то упускается из виду один факт... Свердлов телеграммой срочно вызвал в Москву с Восточного фронта Троцкого. 2 сентября ВЦИК объявил страну на положении военного лагеря. Чуть позже он же по предложению Свердлова утвердил наркомвоенмора Троцкого председателем Реввоенсовета (РВС) Республики – пост гораздо более емкий, чем у председателя Совнаркома, которым был Ленин. Эти расхождения Ленин устра-

нит потом в ноябре 1918 года созданием Совета Труда и Оборона (СТО) республики, в который введет РВС, подчинив его СТО».

В этот текст Н.А. Васецкого вкралась, правда, неточность. 30 ноября 1918 года Ленин добился создания нового «чрезвычайного высшего органа власти – «Совета рабочей и крестьянской обороны», а в «Совет труда и обороны» этот орган был преобразован только в апреле 1920 года, когда он, кстати сказать, уже не играл столь важной роли. Но неожиданное создание оправившимся от ранения Лениным новой «структуры», которая, в сущности, лишала возглавленный 6 сентября Троцким РВС верховной власти, весьма впечатляет; Ленин тогда ловко «переиграл» Троцкого. Вместе с тем становится ясно, что Троцкий отказывался от тех или иных постов не только (или даже не столько) из-за своего «еврейства», но и из-за нежелания быть не «первой скрипкой»... Н.А. Васецкий напоминает очень выразительное признание Троцкого: «Ленину нужны были послушные практические помощники. Для такой роли я не годился».

Как уже говорилось, многие нынешние публицисты пытаются всячески преуменьшить роль евреев в тогдашней власти. Для этого, в частности, используется статистика. Известно, что в 1922 году, к XI съезду, в большевистской партии, насчитывавшей 375 901 человек, евреев было всего лишь 19 564 человека – то есть немногим более 5 процентов... Какое уж тут «еврейское засилье»! Однако совсем другое обнаруживается при обращении к более высоким уровням «пирамиды» власти: так, среди делегатов съезда партии евреев было уже не 5%, то есть один из 20, а один из шести, в составе избранного на съезде ЦК – более четверти членов, а из пяти членов Политбюро ЦК евреями были трое – то есть три пятых!

Впрочем, уже отмечалось, что даже эти цифры не вполне раскрывают положение вещей, ибо руководители еврейского происхождения чаще всего играли более важную роль, чем занимавшие те же самые «этажи» власти русские, которых нередко выдвигали на первый план, в сущности, ради «прикрытия» (как мы видели, Троцкий не раз призывал не выдвигать на первый план евреев). В связи с этим уместно сослаться на свидетельства двух сторонних наблюдателей.

Доктор богословия А. Саймонс из США жил во время революции в Петрограде, являясь настоятелем местной епископальной церкви. Он заявил в 1919 году: «Многие из нас были удивлены тем, что еврейские элементы с самого начала играли такую крупную роль в русских делах... Я не хочу ничего говорить против евреев как таковых. Я не сочувствую антисемитскому движению... Я против него. Но я твердо убежден, что эта революция... имеет ярко выраженный еврейский характер. До того времени... существовало ограничение права жительства евреев в Петрограде; но после революции (имеется в виду Февраль. – В.К.) они слетелись целыми стаями... в декабре 1918 г. в так называемой Северной Коммуне (так они называют ту секцию советского режима, председателем которой состоит мистер Апфельбаум) (т. е. Зиновьев. – В.К.), из 388 членов только 16 являются русскими».

А. Саймонс явно «недоволен» этим «еврейским засильем» и, хотя он уверяет, что он – не «антисемит», его заявление все же могут считать тенденциозным. Но вот суждения другого иностранца – знаменитого писателя Герберта Уэллса, посетившего Россию в 1920 году. Он писал о главной «силе» революции, о множестве «энергичных, полных энтузиазма, еще молодых (так, Троцкому к 1917 году было 37 лет. – В.К.) людей, утративших... русскую непрактичность и научившихся доводить дело до конца (очень многозначительная характеристика! – В.К.)... Эти молодые люди и составляют движущую силу большевизма. Многие из них – евреи... но очень мало кто из них настроен националистически. Они борются не за интересы еврейства, а за новый мир... Некоторые (вот именно: всего лишь некоторые! – В.К.) из самых видных большевиков, с которыми я встречался, вовсе не евреи... У Ленина... татарский тип лица, и он, безусловно, не еврей».

В отличие от Саймонса, Уэллс ни в коей мере не может быть заподозрен в «антисемитизме», ибо ведь он всецело одобряет деятельность евреев-большевиков. И тот факт, что столь разные по своим взглядам иностранные наблюдатели согласно говорили о господствующей роли евреев в послеоктябрьской власти, придает их одинаковому «диагнозу» особенную весомость.

Известный сионистский деятель М.С. Агурский, не боявшийся острых проблем, писал в своем содержательном сочинении «Идеология национал-большевизма», что в 1920-х годах установился взгляд «на советскую власть как на власть с еврейским доминированием», и «советское руководство... должно было постоянно изыскивать средства, дабы... убеждать внешний мир, что дело обстоит как раз наоборот. Это было нелегко, особенно в 1923 г., когда в первой четверке советского руководства не оказалось ни одного русского. Оно состояло из трех евреев и одного грузина...».

М.С. Агурский, говоря о «первой четверке», имел в виду, что пятый член тогдашнего Политбюро, Ленин, к 1923 году в силу болезни уже не мог исполнять свои обязанности. Но на деле Ленин надолго вышел из строя еще в конце 1921 года и, покинув Москву, впервые появился публично лишь 6 марта 1922 года. В своем выступлении в этот день он сказал о болезни, «которая несколько месяцев не дает мне возможности непосредственно участвовать в политических делах и вовсе не позволяет мне исполнять советскую должность, на которую я поставлен» (Ленин даже зачеркивал тогда свой титул «Председатель Совнаркома», когда ему приходилось набрасывать записки на имевшихся под рукой официальных бланках).

Словом, «первая четверка», о которой говорится в книге М.С. Агурского, правила страной в 1922-м, а не в 1923 году; последняя дата неверна потому, что Политбюро, «изыскивая средства» (как сформулировал Агурский) для опровержения тех, кто указывал на «еврейское доминирование», как-то неожиданно 3 апреля 1922 года приняло в свой состав двух русских – А.И. Рыкова и М.П. Томского (Ефремова), которые ранее даже не были кандидатами в члены Политбюро. Возможно, это было сделано по инициативе Троцкого, а не Ленина, ибо имеется свидетельство, что «после первых же заседаний Политбюро с участием двух новых его членов Ленин заметил: «Ну вот, и представительство от комобывателей (т. е. коммунистических обывателей. – В. К.) есть теперь в нашем Политбюро». Показательно, что в своем «завещании» – «Письме к съезду» от 24 декабря 1922 года – Ленин охарактеризовал всех четырех нерусских членов Политбюро (в таком порядке: Сталин, Троцкий, Зиновьев, Каменев), но вообще не упомянул ни Рыкова, ни Томского. Тем не менее именно Рыков после смерти Ленина стал главой правительства – без сомнения, именно как русский и к тому же сын крестьянина (поскольку тогда еще многим казалось, что страной правит Совнарком). Но роль Рыкова и других занимавших высокие посты русских в определении основ политического курса страны едва ли имела решающий характер.

* * *

Между прочим, мало кто знает, что до 1917 года евреи занимали в верхах большевистской партии сравнительно скромное место – явно менее значительное, чем в партиях меньшевиков и даже эсеров. Так, из тех четырнадцати евреев, которые входили в число членов и кандидатов в члены большевистского ЦК в 1917—1921 годах, всего лишь двое занимали эти партийные посты в период с 1903 года (год создания собственно большевистской партии) по 1916 год – это Зиновьев (с 1907 года) и Свердлов (с 1912 года). И особенно примечателен тот факт, что такие «цекисты» с 1917 года, как Троцкий, Урицкий, Радек, Иоффе, только в этом самом году и вошли-то в большевистскую партию! То есть получается, что евреи особенно «понадобились» тогда, когда речь пошла уже не о революционной партии, а о власти...

Можно, конечно, попросту объяснить это тем, что, мол, евреи сделали ставку на большевистскую партию не тогда, когда это грозило правительственными репрессиями, а тогда, когда сама партия готова была стать правящей. Однако, во-первых, большевики – сравнительно, скажем, с террористической партией эсеров – преследовались в дореволюционное время гораздо менее жестоко. А, во-вторых, 10 из 14 евреев, которые в 1917–1921 годах были членами и кандидатами в члены ЦК, все же вступили в партию намного раньше – еще до 1907 года. Словом, в том факте, что до 1917 года большевистская «верхушка» не была очень уж «еврейской», а затем стала таковой, выразилась, надо думать, объективная «закономерность». Особенно наглядно она проявилась в своего рода послеоктябрьском «скачке»: из 29 цекистов (членов и кандидатов в члены ЦК), избранных на VI съезде, в 1917 году, было 6 евреев (то есть немногим более одной пятой части) и 7 других «нерусских» (всего «нерусских» около половины), а из 23 цекистов, избранных на VII съезде, в 1918 году, – 8 евреев (уже более трети) и 5 других «нерусских» (то есть всего «нерусских» намного более половины!).

Выше уже говорилось подробно о наиболее общем «законе»: в периоды великих смут для любой страны характерен приход к власти «чужаков». Более конкретные суждения о «закономерности» прихода в революционную власть «чужаков» не раз высказывал Ленин: наиболее ясно и резко он поведал об этом в одном личном разговоре, состоявшемся в конце июля – начале августа 1918 года, когда уже во всю силу разразилась гражданская война:

«Русский человек добр, – говорил Ленин. – Русский человек рохля, тютя... У нас каша, а не диктатура... если повести дело круто (что абсолютно необходимо), собственная партия помешает: будут хныкать, звонить по всем телефонам, уцепятся за факты, помешают. Конечно, революция закаливает, но времени слишком мало».

Предвижу негодование многих читателей по этому поводу: вот, скажут они, чудовищная постановка вопроса – вместо «добрых» русских надо поставить во главе «чужаков», которые будут расправляться без колебаний! Подобное восприятие вполне естественно, но необходимо понять, что объективная историческая задача состояла все же не в некоем самоцельном подавлении всяческого сопротивления революционной власти, а в создании государства, – в частности, в преодолении начавшегося после Февраля распада страны. Десятки тысяч русских офицеров именно поэтому стали служить большевистской власти; они убеждались на опыте, что ни белые, ни, тем более, «зеленые» – то есть предводители народных бунтов – фатально не могут возродить в России государство...

Известнейший лидер дореволюционной русской партии националистов В.В. Шульгин, ставший затем одним из видных идеологов Белого движения, постоянно и подчас крайне негодуяще писал о «еврейском засилье» в большевистской власти, о том, что евреи, как он определил, «явились спинным хребтом и костяком коммунистической партии», которую они «своей организованностью и сцепкой, своей настойчивостью и волей... консолидировали и укрепили». Однако еще до окончания гражданской войны, в 1921 году, способный к трезвому размышлению Василий Витальевич недвусмысленно заявил, что именно большевики «восстанавливают военное могущество России... восстанавливают границы Российской державы до ее естественных пределов». Он уточнял: «Конечно, они думают, что они создали социалистическую армию, которая дерется «во имя Интернационала», – но это вздор. Им только так кажется. На самом деле, они восстановили русскую армию... Как это ни дико, но это так... Знамя Единой России фактически подняли большевики... Конечно, Ленин и Троцкий продолжают трубить Интернационал... На самом деле их армия была поляков как поляков. И именно за то, что они отхватили чисто русские области» (имелась в виду война с Польшей Пилсудского в 1920 году).

И Шульгин прямо сказал о полной бесперспективности в тогдашних условиях программы Белого движения, которое стремилось вернуть к власти Учредительное собрание:

«...русский парламент героических, ответственных, безумно смелых решений принимать не может... Их (большевиков. – *В.К.*) решимость – принимать на свою ответственность, принимать невероятные решения. Их жестокость – проведение однажды решенного».

К суждениям такого человека, как В.В. Шульгин, – человека, который, во-первых, с молодых лет активнейшим образом участвовал в российской политической жизни и знал ее досконально и, во-вторых, до самого конца своей почти столетней жизни был убежденнейшим русским патриотом, – стоит внимательно прислушаться.

Шульгин явно считает «еврейское засилье» в послереволюционной России неизбежным и даже имеющим определенный позитивный смысл явлением. Кстати сказать, Шульгин видел и более общую закономерность: выдвижение на первый план «чужаков» вообще, а не только одних евреев; он писал в 1929 году, что большую и необходимую роль играли в большевистской власти поляки, латыши, грузины и т. п. (напомню, что Польша, Латвия и – до конца 1922 года – Грузия были самостоятельными государствами и, следовательно, речь шла об «иностранцах»).

Вместе с тем В.В. Шульгин не считал (как это характерно и ранее и теперь для многих людей), что Российскую революцию вообще совершили-де «чужаки», и прежде всего, евреи. Вот его суждение о взбунтовавшемся русском народе: «...»жиды» виноваты только в том, что они его, народ, натравили на самого себя», то есть на его собственную историческую власть, а в определенной мере и на русскую национальную культуру. Кто-нибудь скажет, что «натравить» – заведомо нехорошее дело. Однако в конечном счете более «виновен» все же тот, кто дал себя, позволил себя натравить на свою собственную власть и культуру. К тому же Шульгин в этой фразе не вполне точен: народ (или, вернее, наиболее активная и вольнолюбивая его часть) явно сам был готов к безудержному бунту, и евреи, если выразиться вполне адекватно, не «натравили» некий до того «мирный» народ, а лишь дополнительно его «натравливали» (эта глагольная форма имеет более «ограниченное» значение, чем «натравили»). Впрочем, и сам Шульгин со всей определенностью утверждает: «Никогда евреям не удалось бы соткать сие чудовище, которое поразило мир под именем «большевизма», если бы их сосредоточенная ненависть не нашла сколько угодно «злобствующего материала» в окружающей среде». Обратим внимание, что и Шульгин употребляет слово «среда», и это в данном случае точное слово, ибо для большевистской власти русская жизнь поначалу была именно «средой» (а не, допустим, «почвой», «основой» и т. п.)

И, наконец, еще одно суждение Шульгина о русском народе, которое, без сомнения, трудно принять, но и столь же трудно опровергнуть: «Сняв самому себе голову (то есть русскую власть и, отчасти, культуру. – *В.К.*), он теперь бесится, что сие совершил...» Но «ежели русскую голову этот народ сам себе «оттяпал», то «жиды», пожалуй, даже услугу оказали, что собственную свою еврейскую голову ему на время приставили: совсем без головы еще хуже было бы!», – громадное безголовое тело напрочь разбило бы себя в нескончаемых «пугачевщинах»...

* * *

Итак, Василий Витальевич, прошедший весь крестный путь Белой армии, признает, что большевистская – во многом «еврейская» – власть все же «лучше» безвластия, и, кроме того, вообще не видит другой силы, которая в тогдашних условиях могла бы восстановить государственность. Целесообразно напомнить и точные характеристики самого состояния России после Февральского переворота – характеристики, которые согласно сформулировали совершенно разные люди, – гениальный «черносотенный» мыслитель В.В. Розанов: «Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска... Что же осталось-то? Станным образом – буквально ничего», – и влиятельный сподвижник Керенского В.Б. Стан-

кевич: «стихийное движение» русского народа, «сразу испепелившее всю старую власть без остатка: и в городах, и в провинции, и полицейскую, и военную, и власть самоуправлений».

И восстановить власть «на пустом месте» можно было только посредством самого жестокого насилия и, как оказалось, при громадной и, более того, необходимой роли «чужаков», способных «идти до конца»... Словом, есть все основания согласиться с приведенными суждениями В.В. Шульгина.

Вместе с тем нельзя, конечно, не видеть, что восстановление власти «чужаками» имело свою тяжелейшую «оборотную» сторону: они ничего не щадили в так или иначе чуждом им русском бытии, они подавляли и то, что вовсе не обязательно нужно было подавлять... И это уже в первые послереволюционные годы вызывало решительное сопротивление даже в тех кругах, которые всецело поддерживали дело Октября...

Нельзя также не видеть, что власть «чужаков» являла собой тогда своего рода фатальную необходимость, которая столь резко обнаруживается в составе верховного органа – Политбюро ЦК, где к концу гражданской войны числились, помимо Ленина, три еврея и один грузин... И несколько неожиданное введение в Политбюро в апреле 1922 года, – когда война уже закончилась, – русских Рыкова и Томского опять-таки очень показательны.

А в конце 1922-го – начале 1923 года Ленин попытался совершить своего рода переворот, – о чем недвусмысленно свидетельствуют его тексты, обращенные им к XII съезду партии, который был намечен на апрель, и впоследствии названные «политическим завещанием» Ленина. Как ни странно (и прискорбно), почти все «аналитики» этого завещания, полностью замороженные «проблемой Сталина», ухитрились заметить в этих ленинских текстах, в сущности, только одну, имеющую в конечном счете частное значение деталь – предложение «переместить» одного человека с поста генсека.

Между тем Ленин начал свое «завещание» так (цитирую по 45-му тому Полного собрания сочинений, указывая в скобках страницы): «Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе» (с. 343). Да, ни много ни мало – изменение самого «политического строя» (!). И конкретизирует: «В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни» (там же; в ЦК тогда было всего 27 человек). При этом, – как неоднократно затем подчеркнул Ленин, – в новый ЦК должны войти рабочие и крестьяне, «стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян...» (с. 348). «Я предлагаю съезду выбрать 75—100... рабочих и крестьян... выбранные должны будут пользоваться всеми правами членов ЦК» (с. 384).

В ЦК состояло, как говорилось, 27 человек, и присоединение к ним 75—100 рабочих и крестьян означало бы, что четыре пятых членов ЦК оказались бы людьми из народа в прямом смысле этого слова.

У нас нет никаких сведений о том, что Ленин ставил тем самым задачу изменить национальный состав высшей власти. Он определял цель предлагаемого политического акта как обращение «за поисками новых сил туда, где лежит наиболее глубокий корень нашей диктатуры» (с. 383), и установление «связи с *действительно широкими массами*» (с. 384. Выделено мною. – В.К.).

Однако вполне ясно, что при осуществлении ленинского «завещания» новый, очень значительно «расширенный» орган верховной власти состоял бы в основном из русских. Повторю еще раз: я вовсе не утверждаю, что Ленин сознательно преследовал именно эту цель: для такого вывода нет каких-либо доказательств. Однако результат предложенной Лениным «перемены» в политическом строе был бы все же именно таким, и естественно полагать, что искушенный политик это сознавал...

Партийные верхи отвергли предложение Ленина, причем особенно решительно выступил против него Троцкий, заявивший в специальном письме в ЦК от 13 февраля 1923 года,

что это «расширение» состава ЦК лишит его «необходимой оформленности и устойчивости» и нанесет «чрезвычайный ущерб точности и правильности работ Цека». Ленин не имел возможности отстаивать свое предложение. Во-первых, – что не так давно перестало быть «секретом», – ЦК возражал против самой публикации его статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин», в которой было частично сформулировано это предложение. В ЦК даже возник план «напечатать эту статью в номере газеты с тиражом... в одном экземпляре – специально для Владимира Ильича». 25 января 1923 года статья все же была опубликована в «Правде», однако через день, 27 января, Политбюро разослало во все губкомы партии циркуляр, в котором объявлялось, что «Ленину из-за переутомления не разрешено читать газеты; что он не принимает участия в заседаниях Политбюро... что врачи сочли возможным ввиду невыносимости для него полной умственной бездеятельности вести нечто вроде дневника, куда он заносит свои мысли по разным вопросам; что отдельные части этого дневника по указанию и настоянию самого Владимира Ильича появляются на страницах печати»; предложение Ленина тем самым полностью дискредитировалось...

В работе XII съезда, к которому Ленин и обращал свое «предложение», он, в силу резкого обострения болезни, не принимал никакого участия. Но поскольку авторитет Ленина все равно был, конечно, огромен, на съезде не решились вообще игнорировать его предложение: состав ЦК был значительно расширен – в полтора раза (с 27 до 40 человек), однако среди вновь избранных не было ни рабочих, ни крестьян, то есть «расширение» было чисто показное...

Как уже говорилось, нельзя безоговорочно утверждать, что Ленин, предлагая ввести в ЦК множество не «профессиональных революционеров», а рабочих и крестьян, подразумевал тем самым и «национальный» сдвиг в составе высшей власти. Но именно такой сдвиг все же затем в течение всего нескольких лет совершился. Между прочим, В.В. Шульгин в 1926 году цитировал суждение одного наблюдателя (возможно, небезызвестного А.А. Якушева): «Многие... полагают, что в России царит беспросветное еврейское засилье. Я бы несколько смягчил этот диагноз, я бы сказал, что в современной русской жизни рядом с еврейским потоком, несомненно, пробивается и очень сильная русская струя на верхи».

И действительно, если к 1922 году в Политбюро русским можно было считать только одного Ленина, то к 1928 году из 9 членов тогдашнего Политбюро 7(!) были русскими (остальные – грузин и латыш). Правда, период коллективизации явно вновь востребовал «чужаков», и к 1931 году из 10 членов Политбюро уже только половина – 5 человек – были русскими, которых «дополняли» еврей, поляк, латыш и два грузина. Такие изменения «национальных пропорций» на наивысшем уровне власти едва ли уместно считать «случайными», несущественными, и есть достаточные основания полагать, что именно новая «революция» в деревне продиктовала возврат к большой роли «чужаков». А к концу тридцатых годов соотношение русских и нерусских в Политбюро опять изменилось: из 9 его членов 6 были русскими, а остальные, кроме одного еврея, – грузин и армянин, то есть «представители» народов СССР, а не поляков, латышей и т. д.

В связи с тем, что в 1926 году были «освобождены от обязанностей членов Политбюро» Каменев, Зиновьев и Троцкий, возникло острое словцо, приписываемое Радеку: «Какая разница между Сталиным и Моисеем? Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин из Политбюро». Фраза эта воспринимается обычно как разоблачение «антисемитизма» Сталина, который изгнал этих людей из Политбюро именно как ненавистных ему евреев.

Правда, как раз в 1926 году кандидатом в члены Политбюро стал еврей Каганович, который с 1930 года и до кончины Сталина являлся членом Политбюро, а в 1935—1938 годах был даже «вторым» человеком после Сталина, что с очевидностью выражалось в объединении в его лице сразу трех высших функций: он, как и сам Сталин, был одновременно членом Политбюро, секретарем ЦК и членом Оргбюро ЦК (других таких лиц не имелось). Однако

Кагановича все же склонны рассматривать как чисто показную фигуру, долженствующую демонстрировать отсутствие «антисемитизма».

В конце концов можно даже допустить, что в таком мнении есть своя правота. Но нельзя закрывать глаза на целый ряд других сторон проблемы. Во-первых, за удаление Троцкого, Зиновьева и Каменева из Политбюро не менее, а подчас и более решительно выступал, наряду со Сталиным, также и Бухарин, которого трудновато заподозрить в «антисемитизме». Во-вторых, выведение из Политбюро трех наиболее влиятельных евреев ни в коей мере не сопровождалось устранением евреев из «второго» эшелона высшей власти – ЦК.

* * *

Впрочем, прежде чем говорить об этом, следует опровергнуть совершенно произвольные (и тем не менее широко распространенные) «сведения» о чуть ли не абсолютном большинстве, которым будто бы обладали евреи в составе ЦК первых революционных лет. В действительности в составах ЦК, начиная с 1919 года и кончая 1939-м (следующий съезд партии был созван лишь в 1952 году) лица еврейского происхождения занимали 1/5—1/6 часть общего количества. Правда, их было больше в 1917 году (6 из 21 члена ЦК) и, особенно, в 1918 (5 из 15). Но в обоих случаях имели место особенные обстоятельства. В принципе количество членов ЦК должно было составлять тогда 19 человек; именно таковы составы ЦК 1919 и 1920 гг. Но в 1917 году к большевикам присоединились так называемые межрайонцы, лидеры которых – Троцкий и Урицкий – вошли в ЦК, увеличив количество его членов до 21, а долю евреев – до более чем четверти состава. А в 1918 году не были – из-за их резкого расхождения с ленинской линией – введены в новый состав ЦК четверо ранее входивших в него русских (А. С. Бубнов, В. П. Милютин, В. П. Ногин и А. И. Рыков), в результате чего количество членов ЦК сократилось до 15, и хотя лиц еврейского происхождения в ЦК стало меньше, чем в 1917-м (5, а не 6), «доля» их выросла до одной трети. Но в дальнейшем, до 1939 года включительно – как бы следуя негласному «правилу» – эта доля составляла 1/5—1/6. Нередко объявляют, что террор 1937—1938 годов имел-де, в частности, целью удаления из органов власти евреев. Между тем доля людей еврейского происхождения в составах ЦК 1934 и 1939 годов одинакова (12 из 71)...

Тем более безосновательна версия Троцкого, который в середине 1930-х годов начал уверять, что-де его еще в 1920-х годах изгнали из власти в силу «антисемитской» политики Сталина и других. Ныне эту версию усиленно пропагандируют. Между тем сам Троцкий в ряде сочинений по сути дела опровергает эту свою позднейшую версию. Так, в изданном им в 1930 году автобиографическом сочинении «Моя жизнь» он с полной ясностью показал, что инициатива его отстранения от высшей власти исходила не от каких-либо «антисемитов», а прежде всего от Зиновьева и Каменева. Уже в начале 1923 года, когда стало очевидно, что Ленин едва ли выздоровеет и вернется к власти, «Каменев допрашивал, – сообщает Троцкий, – наиболее доверенных «старых большевиков»... «Неужели же мы допустим, чтоб Троцкий стал единоличным руководителем партии и государства?...» На первое место стали ставить Зиновьева... Еще через некоторое время стали появляться почетные президиумы без Троцкого... Потом (именно потом, несколькими годами позже! – В.К.) первое место стало отводиться Сталину...»

Итак, отстранение Троцкого от верховной власти начали Каменев и Зиновьев, предложивший в январе 1925 года Пленуму ЦК резолюцию, а которой взгляды Троцкого квалифицировались как «фальсификация коммунизма», и на этом основании тот 26 января был освобожден от обязанностей председателя Реввоенсовета. Естественно, было бы абсурдно, если бы Троцкий приписал «антисемитизм» Зиновьеву и Каменеву. Но позднее, в середине 1930-х годов, умалчивая о том, что инициаторами лишения его верховной власти были эти

евреи, он обвинил в «антисемитизме» Сталина. Насколько это было натяжкой, явствует из более раннего сочинения Троцкого, написанного вскоре после его «падения», в 1927 году. Здесь он сообщал, что решающую роль в борьбе с ним сыграли «Сталин, Ярославский, Гусев и пр. агенты Сталина». То есть выходит, что «антисемитскую» акцию по свержению Троцкого осуществляли вместе со Сталиным Яков Давидович Драбкин (Гусев) и Миней Израилевич Губельман (Ярославский)... Разгадка здесь в том, что Троцкий в 1930-х годах стремился дискредитировать Сталина в глазах «левых» кругов Европы и Америки, где большую роль играли евреи; отсюда и не имевшее реальных оснований обвинение в «антисемитизме» (выше уже сказано об очень значительной «доле» евреев в 1930-х годах в органах верховной власти СССР; об «антиеврейских» акциях Сталина речь может идти только по отношению к периоду конца 1940-х – начала 1950-х годов, о чем мы еще будем говорить подробно).

В принципе постепенное вытеснение евреев из высшей власти страны было, по верному определению сиониста М.С. Агурского, естественным, «органическим» процессом: «чужаки» сыграли в пору всеобщего хаоса свою закономерную роль, а в дальнейшем пребывание множества таких людей на верховных постах было уже ничем не оправданным явлением.

Те, кто объявляет подобную постановку вопроса «антисемитской» или «шовинистической», валят, как говорится, с больной головы на здоровую. Ибо обилие евреев, а также латышей, поляков и т. д., которые составляли незначительную долю населения страны, на верхних этажах власти едва ли можно считать «нормальным» явлением (другое дело – явно «ненормальная» ситуация первых послереволюционных лет).

Более того: есть серьезные основания полагать, что сосредоточение евреев на вершине власти было само по себе чревато внутренней несостоятельностью. Казалось бы, такая точка зрения противоречит несомненной еврейской сплоченности, способности к прочному единству. Но мудрейший В.В. Розанов прозорливо написал в 1918 году, что напрасно евреи «думают в целом руководить... Россией... когда их место – совсем на другом месте, у подножия держав (так ведь и поступают и чтут старые настоящие евреи, в благородном «Мы – рабы Твои», у всего настояще Великого)». В этом, разумеется, нет ничего «антисемитского» (Розанов в конце его жизни можно, скорее, заподозрить в «филосемитизме»); он отметил здесь же, что революция евреям «не обещает ничего. Даже обещает плохо».

Глубоко верны слова «место – у подножия держав», у подножия трона. Еврейская пропаганда с давних пор и до сего дня пытается внушить, что-де до революции евреи в России не могли занимать сколько-нибудь высоких постов. Но вот хотя бы несколько внушительнейших примеров: еврей Шафиров был вице-канцлером при Петре I, еврей Нессельроде – канцлером при Николае I, еврей Перетц – статс-секретарем при Александре II, еврей Гурлянд – фактическим руководителем министерства внутренних дел при Николае II. Разумеется, они так или иначе служили именно трону, державе (хотя Нессельроде, как можно догадываться, тайно служил и чему-то иному), а не осуществляли свою «программу». Но так или иначе все они благоденствовали при своих повелителях.

Между тем евреи, оказавшиеся на самом верху после 1917 года, уже в 1923 году, как мы видели, «передрались» – несмотря на свою достославную сплоченность... Тем более это относится к более позднему времени, – о чем и пойдет речь далее (в частности, о «загадке» 1937 года). Здесь же только подведу определенный итог вышесказанному.

Если уж ставить вопрос о связи устранения Троцкого, Зиновьева и Каменева из верховной власти с пресловутым «антисемитизмом», то только в том плане, что их присутствие в Политбюро неизбежно стимулировало антисемитские настроения в стране, – о чем не раз и не без глубокого беспокойства говорил и сам Троцкий. Особенно остро встала эта проблема в середине 1920-х годов, когда большинство населения осознало, что страной правит

не Совнарком, а Политбюро. И не исключено, что сей факт оказал воздействие на решение в 1926 году судьбы еврейских членов Политбюро.

Характерно, что на уровне ЦК эта проблема не вставала столь остро (как в отношении Политбюро), и на ближайшем съезде партии, в 1927 году, в ЦК вошли трое евреев – Я.Б. Гамарник, Ф.И. Голощекин и И.А. Пятницкий (Таршис), как бы заменив удаленную из ЦК «тройку», и «доля» евреев осталась прежней.

Но в наиболее общем и глубоком смысле конец «еврейского засилья» в Политбюро означал, что их роль – притом роль, как говорилось выше, закономерная, даже необходимая – уже сыграна.

Еще раз напомним, что великий поэт сказал в 1924 году в стихотворении «Русь советская»:

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело...

В неистовом урагане первых послереволюционных лет неизбежна была отчужденная, ничего не щадящая власть, а затем начался, по определению стремившегося к объективности сиониста М.С. Агурского, «органический процесс» восстановления национальной государственности – правда, не без замедлений и даже отступлений. Так, – о чем уже шла речь – в пору коллективизации половину Политбюро составили «чужаки», хотя в 1928 году их было там всего только двое (из девяти). Наконец, господство «чужаков» сохранялось и в 1930-х годах в «органах безопасности», которые были призваны беспощадно бороться со всяческими «врагами». Но об этом мы еще будем говорить подробно.

Часть 3

Загадка 37-го

Об этой «загадке» я, как и многие люди моего поколения, начал размышлять еще в 1950-х годах, – в особенности, конечно, после ныне всем известного доклада, произнесенного Н.С. Хрущевым 25 февраля 1956 года на «закрытом заседании» XX съезда КПСС, но вскоре ставшего достоянием весьма широких кругов населения страны, поскольку его текст зачитывался на партийных и даже комсомольских собраниях.

Террор 1937 года предстал в этом докладе как следствие «культа личности Сталина», – культа, который привел к (цитирую доклад) «сосредоточению необъятной, неограниченной власти в руках одного лица», требовавшего «безоговорочного подчинения его мнению. Тот, кто сопротивлялся этому или старался доказывать свою точку зрения, свою правоту, тот был обречен на исключение из руководящего коллектива с последующим моральным и физическим уничтожением... жертвами деспотизма Сталина оказались многие честные, преданные делу коммунизма, выдающиеся деятели партии и рядовые работники партии».

Некоторые из этих людей, говорилось в докладе, «совершали ошибки», – например, Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев, – но и их не следовало уничтожать: «Владимир Ильич требовал жестокой расправы с врагами революции и рабочего класса и, когда возникала необходимость, пользовался этими мерами со всей беспощадностью... Но Ленин пользовался такими мерами против действительных врагов, а не против тех, которые ошибаются...»

В докладе цитировалось «Письмо» Ленина XII съезду ВКП(б) от 4 января 1923 года («Сталин слишком груб...» и т. п.) и утверждалось: «Те отрицательные черты Сталина, которые при жизни Ленина проступали только в зародышевом виде, развились... в тяжкие злоупотребления властью со стороны Сталина, что причинило неисчислимый ущерб нашей партии». Как было сообщено в докладе, на XIII съезде партии, в мае 1924 года (то есть уже после смерти Ленина), обсуждалось ленинское предложение о замене Сталина на посту генсека ЦК другим лицом, но все же, к прискорбию, решили, что Иосиф Виссарионович «сумеет исправить свои недостатки». Однако последний, мол, либо не сумел, либо не пожелал «исправиться»...

Итак, террор 1937 года был объяснен в знаменитом докладе, по сути дела, чисто личными качествами Сталина. Конечно, как констатировалось в докладе, 1937 год стал возможен в силу того обстоятельства, что вождь сосредоточил в своих руках «необъятную, неограниченную власть», но причиной террора были все же объявлены именно «отрицательные черты» сталинского характера, которые-де и привели к «тяжким злоупотреблениям» этой властью.

Со времени хрущевского доклада прошло ни много ни мало сорок лет, однако и по сей день «феномен 1937 года» во многих сочинениях по-прежнему истолковывается именно в этом духе. Таково, например, изданное с 1989 года громадными тиражами пространное сочинение А.В. Антонова-Овсеенко, – сына известного революционного деятеля, который, в частности, руководил чудовищным по своей жестокости подавлением Тамбовского крестьянского восстания 1920—1921 годов, а затем назначался начальником Политуправления Реввоенсовета, прокурором РСФСР, наркомом юстиции РСФСР, – на какой должности он был в декабре 1937-го арестован и погиб. Позднее, в 1943-м, арестовали и его сына – будущего автора книги. Считая главным и даже вообще единственным виновником всех репрессий 1930—1940-х годов Сталина, А.В. Антонов-Овсеенко стремится представить его беспримерным патологическим злодеем. И 1937 год, с его точки зрения, породили присущие Сталину «всепожирающая месть и неутолимая злоба».

Можно понять точку зрения Антона Владимировича, безвинно пережившего тяжкие злоключения, но все же едва ли есть серьезные основания усматривать в Сталине некое уникальное средоточие злобности и мстительности, — хотя об этом и говорили так или иначе многие. Беспощадные расправы с людьми — в том числе ни в чем не повинными, — неотъемлемая «особенность», даже своего рода «норма» поведения преобладающего большинства руководящих деятелей того времени; вспомним, как отец Антона Владимировича приказывал расстреливать сотни тамбовских заложников, скорее всего попросту и не знавших, где скрываются повстанцы, которых их принуждали под угрозой смерти выдать...

О том, что Сталин лично не был из ряда вон выходящим воплощением злобы и мести, достаточно убедительно свидетельствует хотя бы такой эпизод его жизни. В октябре 1942 года сын Сталина, Василий Иосифович, задумал снять кинофильм о летчиках и пригласил к себе известных режиссеров и сценаристов, среди которых были Роман Кармен, Михаил Служкий, Константин Симонов и Алексей (его звали в этой компании «Люся») Каплер — соавтор сценариев прославленных фильмов о Ленине, лауреат Сталинской премии, присужденной в 1941 году, и т. п.

Как вспоминала впоследствии дочь Сталина, Светлана Иосифовна, этот почти сорокалетний и уже располневший мужчина имел «дар легкого непринужденного общения с самыми разными людьми». Он стал показывать шестнадцатилетней школьнице Светлане заграничные фильмы с «эротическим» уклоном (кстати, на спецпросмотрах для двоих), вручил ей машинописный текст перевода хемингуэевского романа «По ком звонит колокол» (где десятки страниц занимает впечатляющее изображение «любви» в американском значении этого слова) и другие «взрослые» книги о любви, танцевал с ней игривые фокстроты, сочинял и даже публиковал в газете «Правда» любовные письма к ней и, наконец, приступил к поцелуям (все это подробно описано в воспоминаниях С.И. Сталиной). При этом нельзя умолчать, что дочь вождя отнюдь не отличалась женским обаянием (могу об этом свидетельствовать, поскольку в конце 1950 — начале 1960-х годов был сослуживцем Светланы Иосифовны в Институте мировой литературы Академии Наук), а к тому же в 1942 году она еще не перешла рубеж подростковой «недоформированности» и, по ее собственному определению, «была смешным цыпленком». Словом, едва ли есть основания усматривать в описанном поведении «Люси» выражение роковой страсти, и трудно усомниться в том, что на деле «Люсей» была предпринята попытка «завоевания» дочери великого вождя...

Светлана Иосифовна писала впоследствии об отце: «Пока я была девчонкой, он любил целовать меня, и я не забуду этой ласки никогда. Это была чисто грузинская горячая нежность к детям...». Сказанное убедительно подтверждают опубликованные теперь переписка Сталина с дочерью (до сентября 1941 года — то есть незадолго до появления «Люси») и семейные фотографии. И вот в эти сентиментальные отношения вторгся чужой мужчина, о котором Сталин веско сказал дочери: «У него кругом бабы, дура!»

Попытка «совращения» многоопытным мужчиной несовершеннолетней школьницы сама по себе являлась предусмотренным уголовным кодексом деянием, но Сталин, конечно же, никак не мог допустить официального расследования «дела», касающегося его дочери. И Каплеру, постоянно общавшемуся с иностранцами, НКВД предъявило 2 марта 1943 года стандартное обвинение в «шпионаже». Однако «наказание» было прямо-таки до изумления мягким: «Люсю» отправили заведовать литературной частью Воркутинского драматического театра (помимо этого — или даже позже — он работал фотографом)! Правда, через пять лет, в 1948 году, за самовольный приезд в Москву его осудили на пятилетнее заключение, но едва ли Сталин диктовал это новое наказание: оно было обычным в те годы за дерзкое нарушение режима ссыльного.

Впрочем, суть дела в другом. Не будет преувеличением утверждать, что почти каждый (или уж, по крайней мере, подавляющее большинство) человек с «кавказским мента-

литетом», окажись он на месте Сталина, – то есть в ситуации «совращения» дочери-школьницы сорокалетним мужчиной и при наличии безграничной власти – поступил бы гораздо более жестоко! В разгар своего «романа» Каплер выезжал в Сталинград (откуда прислал в «Правду» любовное письмо «лейтенанта Л.» – то есть «Люси», – вполне очевидно обращенное к Светлане). И Сталину ничего не стоило отдать тайный приказ пристрелить Каплера в прифронтовой обстановке, – хотя, конечно, и в Москве для этого годился любой «несчастный случай»... Тем не менее сталинская «всепожирающая месть» (по выражению А.В. Антонова-Овсеенко) не пошла дальше «административной высылки» Каплера, которая в те суровые времена явно была редким исключением, а не правилом: так, в 1943 году по «политическим» обвинениям в лагеря, колонии и тюрьмы было заключено 68 887 человек, а в ссылку отправлено всего только 4787 человек, – то есть лишь один из пятнадцати осужденных...

Все это, конечно, отнюдь не означает, что Сталин не диктовал самые жестокие приговоры, но вместе с тем история с Каплером вызывает самые глубокие сомнения в основательности версии об из ряда вон выходящей личной злобности и мстительности Иосифа Виссарионовича.

Впрочем, эта проблема, как мы еще увидим, вообще не имеет существенного значения, и я обратился к ней только для того, чтобы, так сказать, расчистить путь к пониманию действительного смысла 1937 года. В конце концов даже если характер Сталина и был бы уникально «злодейским» (а «случай Каплера» являл, мол, собой некое странное отклонение от обычного поведения вождя), все равно объяснение террора 1937 года индивидуальной сталинской психикой – это крайне примитивное занятие, не поднимающееся над уровнем предназначенных для детей младшего возраста книжек, объясняющих всякого рода бедствия кознями какого-либо лубочного злодея...

В кругу моих друзей подобное «толкование» террора отвергалось и даже высмеивалось еще в конце 1950-х годов. В частности, я в то время, скрывая иронию, небезуспешно уверял иных простодушных собеседников, что 1937 год превосходно изображен в популярной стихотворной сказке Корнея Чуковского «Тараканище». Сначала там рисуется радостная картина «достижений первых пятилеток»: «Ехали медведи на велосипеде... Зайчики – в трамвайчике, жаба – на метле... Едут и смеются, пряники жуют» и т. д. Но, увы, наступает 1937-й: «Вдруг из подворотни – страшный великан, рыжий (тут я сообщал, что Иосиф Виссарионович до того, как поседел, был рыжеват) и усатый та-ра-кан. Он урчит и рычит и усами шевелит: «Приводите ко мне своих детушек, я их нынче за ужином скушаю». Звери задрожали – в обморок упали. Волки от испуга скушали друг друга (какая точная картина 1937-го! – комментировал я), а слониха, вся дрожа, так и села на ежа», – разумеется, на знаменитого наркома с «удачной» фамилией!

При этом я, естественно, умалчивал о том, что сказка «Тараканище» была опубликована не в 1938-м, а еще в 1923 году, и многие из тех, кому я читал процитированные только что строки, восхищались и меткостью, и редкостной смелостью сочинения Чуковского... И в конечном счете именно такое «толкование» 1937 года преподнесено в сочинениях о Сталине, написанных сыном Антонова-Овсеенко, или высокопоставленным армейским партаппаратчиком Волкогоновым, или литератором Радзинским, – сочинениях, которыми и по сей день увлекаются широкие круги людей, не отдающих себе отчета в том, что в основе «методологии» этих авторов как бы лежит та самая «модель», которая легла в основу увлекавшего их в детские годы «Тараканища»...

Впрочем, хватит об этом – в сущности, комическом – мифе о злодее Сталине, который-де единолично осуществил 1937 год (вернее, 1936—1938), когда были репрессированы 60—70 процентов людей, находившихся у власти – с самого верха и донизу, – хотя жестоко пострадали в той ситуации вовсе не только «руководители» (о чем еще будет речь). И громадные масштабы репрессий, между прочим, не скрывались. Еще в декабре 1956 года на

широком обсуждении знаменитого тогда романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым», состоявшемся в набитом битком зале Института мировой литературы, я процитировал сталинский доклад на XVIII съезде партии (10 марта 1939 года): «...за отчетный период (то есть с 1934 года – года предшествующего, XVII съезда. – *В.К.*) партия сумела выдвинуть на руководящие посты по государственной и партийной линии более 500 тысяч молодых большевиков, партийных и примыкающих к партии». Это значит, резюмировал я в своем выступлении, что более 500 тысяч людей, находившихся ранее на «руководящих постах», сумели «задвинуть»... Я был за это свое выступление подвергнут резким нападкам, – в частности, со стороны имевшего репутацию «либерала» (впоследствии – замредактора «Нового мира») А.Г. Дементьева, принадлежавшего к «номенклатуре ЦК» и в 1930—1960-х годах гибко повторявшего «извивы» генеральной линии партии (обсуждение признанного крамольным дудинцевского романа состоялось в Институте мировой литературы слишком «поздно» – уже после венгерского восстания, разразившегося 23 октября 1956 года).

Кажется, совсем нетрудно понять, что «замена» более полумиллиона (!) руководителей никак не могла быть проявлением личной воли одного – пусть и всевластного – человека, и причины такого переворота неизмеримо масштабнее и глубже пресловутого «культ личности». Помню, как еще в те же давние времена Георгий Гачев предложил своеобразие объяснение 1937 года. Победившие в октябре 1917-го революционеры были убеждены, рассуждал он, что они сами по себе суть власть, что «Советское государство – это мы сами». Но затем постепенно создалась прочная и многосторонняя государственная структура, и люди, продолжавшие сознать и вести себя так, как будто именно и только они являются воплощением всей власти, стали «лишними» и уже потому «вредными». Гачевская мысль производила особенно сильное впечатление и потому, что собственный его отец, – эмигрировавший в 1926 году в СССР болгарский революционер – был в 1938 году репрессирован и в 1945-м скончался в лагере...

Через много лет я встретил, в сущности, то же самое толкование в изобилующем прониковенными записями дневнике Михаила Пришвина:

«1 марта (1935)... Несколько дней занимает меня мысль о том, что всякая мораль имеет внутреннее стремление превратиться в учреждение. Замечательный пример – конец Горького: превратился в учреждение... Так все движение интеллигенции, даже и анархистское, таило в себе государство, и умерла интеллигенция, и государство стало могилой интеллигенции...»

Тезис о том, что «революционеры» к середине 1930-х годов стали излишним «элементом», раскрывает только одну сторону дела, но все же он важен и объективен.

Скажу еще о том, что в кругу моих друзей уже сорок лет назад сложилось убеждение о неосновательности «деления» деятелей 1937 года по категориям «жертвы» и «палачи», – хотя и до сего дня попытки такого деления весьма популярны.

Помню, как на рубеже 1950—1960-х годов нас пригласили на «нелегальную» выставку рисунков зауряднейшего, но идеологически активного графика, поставившего задачу наглядно представить 1937 год. Одновременно с нами эти рисунки разглядывали артисты недавно созданного театра «Современник» во главе с Олегом Ефремовым. Они особенно заахали перед рисунком «Тройка», где были изображены сидящие на сцене страшные трое обвинителей, а перед ними – многолюдный зал беззащитных обвиняемых. И я заметил тогда, вызвав недоумение и даже протест «либеральных» артистов, что эти трое судей почти наверняка вскоре будут пересажены в зал уже в качестве подсудимых...

Позднее факты подобного превращения вчерашних «палачей» в «жертвы» стали общеизвестны; так, например, крупнейшие военачальники Я.И. Алкснис, И.П. Белов, В.К. Блюхер, П.Е. Дыбенко и другие 11 июня 1937 года осудили на расстрел своих сослуживцев В.М.

Примакова, М.Н. Тухачевского, И.П. Уборевича, И.Э. Якира и других, но в следующем, 1938 году сами были расстреляны...

И те, кто занят ныне главным образом выявлением «палачей» и, с другой стороны, «жертв» 1937 года, едва ли способны приблизиться к пониманию сути дела, – так же, как и те, кто видит главного или даже единственного «палача» в Сталине, в его личном характере и индивидуальной воле. То, что происходило в 1937 году, было своего рода завершением громадного и многогранного движения самой истории страны, начавшегося примерно в 1934 году, после периода коллективизации. За краткий срок страна очень резко, можно даже сказать, до удивления резко изменилась, хотя знающим историю России в XX веке нет оснований особенно удивляться скорости колоссальных перемен.

Так, 10(23) июня 1917 года Ленин на заседании Первого съезда Советов (большевики составляли там незначительное меньшинство – менее 10 процентов) объявил, что его партия готова взять власть в России. В 1930-х годах и позднее реакция эсеро-меньшевистского Съезда на это заявление изображалась в виде приступа бессильной злобы; между тем очевидец, известный литератор Вячеслав Полонский, вспоминал в 1927 году, «как в июне 1917 года Первый съезд Советов хохотал над заявлением Ленина... несколько минут, которые показались мне очень долгими, съезд не мог успокоиться от хлынувшего на него веселья». Однако не прошло и полгода, как «весельчаки» вынуждены были осознать свою полнейшую недальновидность...

Скорее всего именно долгим хохотом встретили бы делегаты XVII съезда партии, избравшие 9 февраля 1934 года новый состав ЦК, чье-либо заявление о том, что в близком будущем почти две трети членов избранного ими верховного органа власти расстреляют «свои»... Но, повторяю, террор 1937 года – это только один из результатов совершавшейся с 1934 года политико-идеологической метаморфозы, хотя, конечно, наиболее поражающий ее результат...

* * *

Сосредоточение, даже, если прибегнуть к современному жаргонному словечку, «заклиненность» на фигуре Сталина фатально мешала и мешает увидеть реальное движение истории в 1930-х годах, – движение, о котором достаточно весомо и верно сказал, например, такой деятель и идеолог, как Л.Д. Троцкий. Речь идет о его книге «Преданная революция», законченной к началу августа 1936 года (то есть еще до 1937-го и до расстрела Зиновьева и Каменева 25 августа 1936 года) и издававшейся также под названием «Что такое СССР и куда он идет?» Троцкий считал эту книгу «главным делом своей жизни». Однако нынешних авторов, пишущих о 1930-х годах, как правило, интересуют другие сочинения Троцкого, написанные несколько позже, – сочинения, посвященные «разоблачению» личных пороков Сталина. Дело в том, что в левых кругах Запада в течение 1930-х годов все нарастал культ Сталина, Троцкого это крайне раздражало, и он стремился всячески дискредитировать своего победившего «соперника». Эти сочинения Троцкого гораздо более легковесны, чем «Преданная революция», о чем без обиняков говорится даже в апологетической книге Исаака Дойчера «Троцкий в изгнании», однако сегодняшние авторы, заклинившиеся на Сталине, ценят более всего именно «сталиниану» Троцкого.

В сочинении же «Преданная революция» Троцкий явно ставил перед собой задачу понять ход самой истории, а не личные сталинские «козни»:

«Достаточно известно, – совершенно верно писал он, – что каждая революция до сих пор вызывала после себя реакцию или даже контрреволюцию, которая, правда, никогда не отбрасывала нацию полностью назад, к исходному пункту... Жертвой первой же реакционной волны являлись, по общему правилу, пионеры, инициаторы, зачинщики, которые сто-

яли во главе масс в наступательный период революции... Аксиоматическое утверждение советской литературы, будто законы буржуазных революций «неприменимы» к пролетарской, лишено всякого научного содержания».

И далее Троцкий конкретизировал понятия «реакция» и «контрреволюция» непосредственно на «материале» жизни СССР в середине 1936 года: «...вчерашние классовые враги успешно ассимилируются советским обществом... – писал он. – Ввиду успешного проведения коллективизации дети кулаков не должны отвечать за своих отцов»...» Мало того: «...теперь и кулак вряд ли верит в возможность возврата его прежнего эксплуататорского положения на селе. Недаром же правительство приступило к отмене ограничений (это началось в 1935 году. – В.К.), связанных с социальным происхождением!» – восклицал в сердцах Троцкий.

Ныне об этой стороне дела уже мало кто знает, а между тем «ограничения» были чрезвычайно значительными. Так, например, в высшие учебные заведения принимались почти исключительно «представители пролетариата и беднейшего крестьянства». Выразителем в этом отношении написанный в октябре 1923 года «отчет» профессора Факультета общественных наук (ФОН) Московского университета В. Я. Брюсова – знаменитейшего тогда поэта, ставшего в 1920 году большевиком. В отчете речь шла, в частности, о «чистке» студенческого состава: «...принимался во внимание и момент социальный... результат чистки оказался, в общем, удачным. Надо признать, что в прошлом, 1922—1923-м, академическом году состав студенчества ФОНа оставлял много желать... В текущем году это значительно изменилось. Что касается 1-го курса, то в текущем году состав его должен оказаться совершенно иным, так как принимались почти исключительно окончившие рабфаки» (то есть подготовительные «рабочие факультеты»).

Отказ от такого рода «ограничений» возмущал Троцкого, – хотя сам-то он вырос в весьма богатой семье... Резко писал он и о другом «новшестве» середины 1930-х годов: «По размаху неравенства в оплате труда СССР не только догнал, но и далеко перегнал (это, конечно, сильное преувеличение. – В.К.) капиталистические страны!.. трактористы, комбайнеры и пр., т. е. уже заведомая аристократия, имеют собственных коров и свиней... государство оказалось вынуждено пойти на очень большие уступки собственническим и индивидуалистическим тенденциям деревни...».

С негодованием писал Троцкий и о стремлении возродить в СССР семью: «Революция сделала героическую попытку разрушить так называемый «семейный очаг», т. е. архаическое, затхлое и косное учреждение... Место семьи... должна была, по замыслу, занять законченная система общественного ухода и обслуживания», – то есть «действительное освобождение от тысячелетних оков. Доколе эта задача не решена, 40 миллионов советских семей остаются гнездами средневековья... Именно поэтому последовательные изменения постановки вопроса о семье в СССР наилучше характеризуют действительную природу советского общества... Назад к семейному очагу!.. Торжественная реабилитация семьи, происходящая одновременно – какое providенциальное совпадение! – с реабилитацией рубля (имеется в виду денежная реформа 1935—1936 гг. – В.К.)... Трудно измерить глазом размах отступления!.. Азбука коммунизма объявлена «левацким загибом». Тупые и черствые предрассудки малокультурного мещанства возрождены под именем новой морали».

И другая сторона этой проблемы: «Когда жива была еще надежда сосредоточить воспитание новых поколений в руках государства, – продолжал Троцкий, – власть не только не заботилась о поддержании авторитета «старших», в частности, отца с матерью, но наоборот, стремилась как можно больше отделить детей от семьи, чтобы оградить их от традиций косного быта. Еще совсем недавно, в течение первой пятилетки (то есть в 1929—1933 годах. – В.К.), школа и комсомол широко пользовались детьми для разоблачения, устыжения, вообще «перевоспитания» пьянствующего отца или религиозной матери... этот метод

означал потрясение родительского авторитета в самых его основах. Ныне и в этой немало-важной области произошел крутой поворот: наряду с седьмой (о грехе прелюбодеяния. – *В.К.*) пятая (о почитании отца и матери. – *В.К.*) заповедь полностью восстановлена в правах, правда, еще без бога... Забота об авторитете старших повела уже, впрочем, к изменению политики в отношении религии... Ныне штурм небес, как и штурм семьи, приостановлен... По отношению к религии устанавливается постепенно режим иронического нейтралитета. Но это только первый этап...».

Наконец, возмущался Троцкий, «советское правительство... восстанавливает казачество, единственное милиционное формирование царской армии (имелось в виду постановление ЦИК СССР от 20 апреля 1936 года. – *В.К.*)... восстановление казачьих лампасов и чубов есть, несомненно, одно из самых ярких выражений Термидора! Еще более оглушительный удар нанесен принципам Октябрьской революции декретом (от 22 сентября 1935 года. – *В.К.*), восстанавливающим офицерский корпус во всем его буржуазном великолепии... Достойно внимания, что реформаторы не сочли нужным изобрести для восстанавливаемых чинов свежие названия (в сентябре 1935 года были возвращены отмененные в 1917-м звания «лейтенант», «капитан», «майор», «полковник». – *В.К.*)... В то же время они обнаружили свою ахиллесову пятку, не осмелившись восстановить звание генерала». Впрочем, Троцкий, который был убит 20 августа 1940 года, успел убедиться в последовательности «реформаторов»: 7 мая 1940-го и генеральские звания были возрождены...

* * *

Итак, Троцкий определил поворот, совершившийся в середине 30-х годов, как «контрреволюцию» (которая, помимо прочего, закономерно привела в конце концов к уничтожению массы революционных деятелей; Троцкий написал приведенные выше тексты еще до второго суда над группой Зиновьева – Каменева, обречшего ее на казни). Естественно может возникнуть вопрос о своего рода абсурде: в стране идут контрреволюционные изменения, а между тем репрессии квалифицируют именно как контрреволюционеров! Это было настолько общепринятым обвинением, что возникло даже ходовое словечко «казэры» (так произносилась аббревиатура «КР»). Но к вопросу об этом «абсурде» мы еще вернемся; рассмотрим сначала феномен «контрреволюции» 1930-х годов в освещении другого «наблюдателя».

В том же 1936 году, когда Троцкий писал о громадных изменениях, произошедших за краткий срок в СССР, о том же самом, но с прямо противоположной «оценкой» писал видный мыслитель Георгий Федотов, эмигрировавший из СССР осенью 1925 года, то есть сравнительно поздно (это обеспечило ему хорошее знание послереволюционного положения на родине). Он утверждал, что 1934 год начал «новую полосу русской революции... Общее впечатление: лед тронулся. Огромные глыбы, давившие Россию семнадцать лет своей тяжестью, подтаяли и рушатся одна за другой. Это настоящая контрреволюция, проводимая сверху. Так как она не затрагивает основ ни политического, ни социального строя, то ее можно назвать бытовой контрреволюцией. Бытовой и вместе с тем духовной, идеологической... право юношей на любовь и девушек на семью, право родителей на детей и на приличную школу, право всех на «веселую жизнь», на елку (в 1935 году было «разрешено» украшать новогодние – бывшие «рождественские» – елки, что я, тогда пятилетний, хорошо помню. – *В.К.*) и на какой-то минимум обряда – старого обряда, украшавшего жизнь, – означает для России восстание из мертвых...».

И далее: «Начиная с убийства Кирова (1 декабря 1934 г.) в России не прекращаются аресты, ссылки, а то и расстрелы членов коммунистической партии. Правда, происходит это под флагом борьбы с остатками троцкистов, зиновьевцев и других групп левой оппозиции. Но

вряд ли кого-нибудь обманут эти официально пришиваемые ярлыки. Доказательства «троцкизма» обыкновенно шиты белыми нитками. Вглядываясь в них, видим, что под троцкизмом понимается вообще революционный, классовый или интернациональный социализм... Борьба... сказывается во всей культурной политике. В школах отменяется или сводится на нет политграмота. Взамен марксистского обществоведения восстанавливается история. В трактовке истории или литературы объявлена борьба экономическим схемам, сводившим на нет культурное своеобразие явлений... Можно было бы спросить себя, почему, если марксизм в России приказал долго жить, не уберут со сцены его полинявших декораций. Почему на каждом шагу, изменяя ему и даже издеваясь над ним, ханжески бормочут старые формулы?... Отрекаться от своей собственной революционной генеалогии – было бы безрассудно. Французская республика 150 лет пишет на стенах «Свобода, равенство, братство», несмотря на очевидное противоречие двух последних лозунгов самим основам ее существования; и в самом деле – между богатыми собственниками и наемными рабочими и служащими нет ни «братства», ни «равенства»...»

Характерно, что Георгий Федотов здесь же вспомнил о Троцком: «Революция в России умерла. Троцкий наделал много ошибок, но в одном он был прав. Он понял, что его личное падение (в 1927 году. – В.К.) было русским «термидором». Режим, который сейчас установился в России, это уже не термидорианский режим. Это режим Бонапарта», – то есть нечто подобное режиму ставшего в конце концов императором полководца Французской революции Наполеона.

Немаловажно, что единое понимание (правда, с совершенно разной «оценкой»!) происходившего в 1934—1936 годах было высказано двумя столь различными деятелями. Правда, оба они явно преувеличивали результаты «контрреволюционных» изменений, делая это опять-таки по разным причинам: Троцкий стремился как можно более решительно разоблачить «предательство» революции, а Федотов, напротив, – внушить надежду на «воскрешение» России, какой она была до революционного катаклизма. И то и другое стремления мешали объективному пониманию происходившего.

В рассуждениях Троцкого с очевидностью предстает «дурное» противоречие: он ведь сам заявил, что «каждая революция» сменялась «реакцией» или даже «контрреволюцией», то есть справедливо увидел в перевороте 1934—1936 годов воплощение неотменимой исторической закономерности, однако далее начал негодовать по поводу вполне «естественных» последствий этого поворота истории (определенное «восстановление» прошлого).

В свою очередь, Федотов совершенно уместно напомнил о ходе Французской революции, которая закономерно породила Наполеоновскую империю, однако тут же заговорил о возможности «восстания из мертвых» дореволюционной России, – хотя, как ему хорошо было известно, ни «бонапартизм», ни даже позднейшая реставрация монархии (в 1814 году) не смогли «отменить» основные результаты Французской революции (стоит, правда, отметить, что впоследствии Федотов «разочаровался» в совершившейся в СССР 1930-х годов, согласно его определению, «контрреволюции» и перестал усматривать в ней «восстание из мертвых» прежней России, – но это уже другой, особый вопрос).

При всех возможных оговорках и Троцкий, и Федотов были правы в основной своей мысли, – в том, что страна, начиная с 1934 года, переживала «контрреволюционный» по своему глубокому смыслу поворот.

Нельзя не задуматься о самом этом слове «контрреволюция». В устах Троцкого оно имело самый что ни есть «страшный» обличительный смысл, в то время как Федотова это слово явно не «пугало». Об этом необходимо сказать потому, что и до сего дня в массовом сознании «контрреволюция» воспринимается скорее «по-троцки», чем «по-федотовски», – хотя в истории нет ничего «страшнее» именно революций – глобальных катастроф, неотвратимо ведущих к бесчисленным жертвам и беспримерным разрушениям.

Господствовавшее в продолжении десятилетий прославление и Российской революции, и — что закономерно — любых революций вообще, посеяло прочное, но заведомо ложное представление о сущности этих катаклизмов. Беспощадность, которая была присуща всем революциям, когда они сталкивались с каким-либо сопротивлением, поистине не сравнима ни с чем. Вот типичные факты.

После победы Английской революции в 1648 году часть тогдашней Великобритании — Ирландия — не признала новой власти. Началась жесточайшая борьба, и в 1650 году, как констатируется в специальном исследовании, «английское командование прибегло... к таким средствам, как выкуривание (поджог мелкоколесья) и голодная блокада (поджог и истребление всего, что могло служить повстанцам продовольствием)... После трех лет борьбы Ирландия к концу 1652 г. лежала в развалинах. Запустение страны было столь велико, что можно было проехать десятки верст и не встретить ни одного живого существа... население Ирландии сократилось почти вдвое».

Через полтора столетия, во время Французской революции, примерно то же самое произошло в своеобразной области страны — Вандее, которая также сопротивлялась новой власти. Борьба с вандейцами «была чрезвычайно кровопролитной... по наивысшим оценкам, погиб 1 млн. человек (учитывая тогдашнее население Франции — примерно 25 млн. человек, — это было колоссальное количество. — *В.К.*)... целые департаменты обезлюдели».

В ходе Российской революции такая же ситуация имела место, например, в Области Войска Донского (ее и называли тогда «казацкой Вандеей»), где также погибла примерно половина населения... И, конечно, жертвы «контрреволюции» 1930-х годов несопоставимы в этом отношении с результатами революции: напомним, что в 1934—1938 годах погибло примерно в 30 раз (!) меньше людей, чем в 1918—1922 годах...

* * *

Впрочем, к этой теме мы еще вернемся. Сначала следует рассмотреть конкретные черты «контрреволюционного» поворота середины 1930-х годов.

Кардинально изменилось тогда само отношение к «дореволюционной» истории России. В 1930—1932 годах издавалась десяти томная Малая советская энциклопедия, в статьях которой, несмотря на их предельную лаконичность, все же нашлось место для всяческого поношения величайших исторических деятелей России:

«Александр Невский... оказал ценные услуги новгородскому торговому капиталу... подавлял волнения русского населения, протестовавшего против тяжелой дани татарам. «Мирная» политика Александра была оценена ладившей с ханом русской церковью: после смерти Александра она объявила его святым... Минин-Сухорук... нижегородский купец, один из вождей городской торговой буржуазии... Буржуазная историография идеализировала М.-С. как бесклассового борца за единую «матушку Россию» и пыталась сделать из него национального героя... Пожарский... князь... Ставший во главе ополчения, организованного мясником Мининым-Сухоруким на деньги богатого купечества. Это ополчение покончило с крестьянской революцией... Петр I... был ярким представителем российского первоначального накопления... Соединял огромную волю с крайней психической неуравновешенностью, жестокостью, запойным пьянством и безудержным развратом» и т. д. и т. п.

Начиная с 1934 года об этих русских деятелях заговорили совершенно по-иному, и вскоре вся страна восхищенно воспринимала апофеозные кинопоэмы «Петр Первый» (1937), «Александр Невский» (1938), «Минин и Пожарский» (1939), «Суворов» (1940) и др.

Нельзя не вспомнить и о том, что в 1929—1930 годах по обвинению в «монархическом заговоре» и других подобных грехах было арестовано большинство виднейших историков

России разных поколений – С.В. Бахрушин, С.К. Богоявленский, С.Б. Веселовский, Ю.В. Готье, Б.Д. Греков, В.Г. Дружинин, А.И. Заозерский, Н.П. (не путать с Д.С.) Лихачев, М.К. Любавский, В.И. Пичета, С.Ф. Платонов, С.В. Рождественский, Б.А. Романов, Е.В. Тарле, Л.В. Черепнин, А.И. Яковлев и многие другие. Но всего через несколько лет все они – за исключением Любавского, Платонова и Рождественского, которые, увы, не дожили до освобождения – не только возвратились к работе, но и были вскоре удостоены самых высоких почестей и наград. К этому следует добавить, что почти все «обвинители» С.Ф. Платонова и других, начиная от воинствующих марксистских историков Г.С. Фридлянда и М.М. Цвибака и кончая руководителями ОГПУ и ЦКК ВКП(б) Я.С. Аграновым и Я.Х. Петерсом были в 1937—1938 годах репрессированы. Поистине символическим актом явилось переиздание в том же 1937 году основного труда скончавшегося в 1933-м главного обвиняемого, С.Ф. Платонова, и избрание в 1939 году недавних «врагов» Ю.В. Готье действительным членом и С.В. Бахрушина – членом-корреспондентом Академии наук...

Конечно, коренная перемена в отношении власти к дореволюционной истории (и, соответственно, историкам) – это только одна сторона поворота, о котором идет речь, и для воссоздания полной картины пришлось бы подробно говорить чуть ли не обо всех областях и аспектах жизни страны в 1934—1936 годах.

Но в данном случае важнее всего понять, что столь масштабный и многосторонний поворот неверно, даже нелепо рассматривать как нечто совершившееся по личному замыслу и воле Сталина. Как уже говорилось, позднее тот же Троцкий, стремясь переломить нараставшие тогда симпатии левых кругов Запада к Сталину, приписывал его личным усилиям чуть ли не все, что происходило в 1930-х годах в СССР. Об этом критически говорится в восторженном в целом жизнеописании Троцкого, принадлежащем Исааку Дойчеру, который, в частности, счел нужным написать: «Апологетами Сталина... Троцкий отвечал с таким гневом, который, хотя был и оправдан, выставлял его фольклорным злоумышленником», – то есть сочинителем «сказок» в духе упомянутого выше «Тараканища».

Но это, повторяю, было попыткой остановить рост культа Сталина на Западе. На деле же Троцкий был, конечно, много умнее, и в своем дневнике (который был опубликован лишь в 1986 году) вполне обоснованно записал еще 18 февраля 1935 года, что «победа... Сталина была предопределена. Тот результат, который зеваки и глупцы (позже он сам в сущности присоединился к таковым! – В.К.) приписывают личной силе Сталина, по крайней мере его необыкновенной хитрости, был заложен глубоко в динамику исторических сил. Сталин явился лишь полубессознательным выражением второй главы революции, ее похмелья».

Впрочем, и в своем опубликованном в 1936 году сочинении «Преданная революция» Троцкий, ставя вопрос, «почему победил Сталин?», ответил так (эти слова уже цитировались): «Каждая революция вызывала после себя реакцию или даже контрреволюцию», – то есть суть дела заключалась в закономерном ходе истории после любой революции, а не в «индивидуальной» идеологии и политике Сталина, который, правда, сумел так или иначе понять реальную «динамику исторических сил».

Эту «динамику», как видим, понимал и сам Троцкий, но он – в сущности, противореча своему собственному верному «диагнозу», – оценивал закономерный отказ от крайних разрушительных последствий революционного катаклизма безоговорочно отрицательно. Он явно жаждал все более интенсивного «углубления» революционной «переделки» жизни, в конце концов – полного уничтожения складывавшегося в течение столетий бытия России, пытаясь приписывать это устремление большинству ее населения, которое будто бы возмущалось явлениями «реставрации».

В противовес Троцкому Георгий Федотов (который, как мы помним, сам был в свое время, до революции, членом РСДРП) писал в том же 1936 году: «Россия, несомненно, возрождается материально, технически, культурно... Одно время можно было бояться, что

сознательное разрушение семьи и идеала целомудрия со стороны коммунистической партии загубит детей. Мы слышали об ужасающих фактах разврата в школе, и литература отражала юный порок. С этим, по-видимому, теперь покончено... Школы подтянулись и дисциплинировались. Нет, с этой стороны русскому народу не грозит гибель... Строится, правда, очень элементарное, но уже нравственное воспитание. Порядок, аккуратность, выполнение долга, уважение к старшим, мораль обязанностей, а не прав – таково содержание нового послереволюционного нравственного кодекса. Нового в нем мало. Зато много того, что еще недавно клеймилось как буржуазное... В значительной мере реставрировано десятословие (то есть десять христианских заповедей, – что, в противоположность Троцкому, Федотов приветствует. – *В.К.*). Правда, по-прежнему с приматом социального, с принесением лица в жертву обществу, но и лицо уже имеет некоторый малый круг, пока еще плохо очерченный, своей жизни, своей этики: дружбы, любви, семьи. И тот коллектив, которому призвана служить личность, уже не узкий коллектив рабочего класса – или даже партии, а нации, родины, отечества, которые объявлены священными. Марксизм – правда, не упраздненный, но истолкованный – не отравляет в такой мере отроческие души философией материализма и классовой ненависти. Ребенок и юноша поставлены непосредственно под воздействие благородных традиций русской литературы. Пушкин, Толстой – пусть вместе с Горьким – становятся воспитателями народа. Никогда еще влияние Пушкина в России не было столь широким. Народ впервые нашел своего поэта. Через него он открывает собственную свою историю. Он перестает чувствовать себя голым зачинателем новой жизни, будущее связывается с прошлым. В удушенную рационализмом, технически ориентированную душу вторгаются влияния и образы иного мира, полнозвучного и всечеловечного, со всем богатством этических и даже религиозных эмоций. Этот мир уже не под запретом».

Федотов, конечно же, и в этом рассуждении (как и в цитированном выше) весьма и весьма преувеличивал плоды чаемого им «воскрешения» России, но само направление поворота – которое так возмущало Троцкого – он обрисовал верно (и сочувственно). И это был, повторю еще раз, ход самой истории, а не реализация некой личной программы Сталина, который только в той или иной мере осознавал совершавшееся историческое движение и так или иначе закреплял его в своих «указаниях». И, как явствует из многих фактов, его поддержка этого объективного хода истории диктовалась прежде всего и более всего нарастающим угрозой глобальной войны, которая непосредственно стала в повестку дня после прихода к власти германских нацистов в 1933 году.

Вполне естественно, что Георгий Федотов не без волнения писал в конце 1936 года: «Еще очень трудно оценить отсюда (то есть из эмиграции. – *В.К.*) силу и живучесть нового русского патриотизма... Сталин сам, в годы колхозного закрепощения, безумно подорвал крестьянский патриотизм, в котором он теперь столь нуждается... Мы с тревогой и болью следим отсюда за перебоями русского надорванного сердца. Выдержит ли?».

То есть победа в грядущей войне, по убеждению Федотова, всецело зависит от того, насколько глубок и всеобъемлющ совершающийся поворот. Троцкий же, проявляя в данном случае поразительную недальновидность, утверждал тогда же: «Опасность войны и поражения в ней СССР есть реальность... Судьба СССР будет решаться в последнем счете не на карте генеральных штабов, а на карте борьбы классов. Только европейский пролетариат, непримиримо противостоящий своей буржуазии... сможет оградить СССР от разгрома...» (на деле «революционный» пролетариат не играл во Второй мировой войне существенной роли, и вполне закономерно, что в ходе этой войны был распущен Коминтерн).

Позднее, в 1939 году – то есть уже после периода террора – Троцкий писал: «Сталин не способен воевать... Он не способен дать ничего, кроме поражений». И объяснял это тем, что в СССР «задушен» (к 1939 году) «революционный народ». То есть Троцкий представлял себе войну с нацистской Германией как, по сути дела, «гражданскую», «классовую» войну...

Троцкий «забыл» или же вообще не сумел понять глубокое различие между «классовыми» схватками и войной в собственном смысле слова. Когда РСФСР в 1920 году оказалась в состоянии войны с Польшей, с поляками как нацией, предреввоенсовета Троцкий отправил командовать сражениями почти весь интернациональный сонм победителей в «классовых битвах»: руководили польской войной Гай (Бжишкян), Гамарник, Корк, Лазаревич, Мясников (Мясникян), Раковский, Розенгольц, Смилга, Тухачевский, Уборевич, Якир и другие – в числе их и Сталин-Джугашвили. Но в единоборстве со сравнительно небольшой польской нацией они потерпели настолько сокрушительное поражение, что пришлось отдать Польше громадные территории Украины и Белоруссии, возвращенные лишь в 1939 году... Нельзя исключить, что Сталин, испытавший на себе горечь поражения 1920 года, в конечном счете извлек из него важный урок...

Господствует мнение, что гибель в 1937—1938 годах всех (кроме Сталина) перечисленных руководителей прискорбной войны с Польшей привела к крайне тяжким последствиям в 1941 году. Но это, надо прямо сказать, весьма спорный вопрос. Гитлер, который отнюдь не был лишен проницательности (хотя это принято отрицать), в конце войны неоднократно говорил об одной из причин победы СССР: «Правильно сделал Сталин, что уничтожил всех своих военачальников...». Но к этой нелегкой проблеме мы еще вернемся.

* * *

26 января 1934 года Сталин заявил на заседании XVII съезда партии об «изменении политики Германии», о смене предшествующей – «мирной» – политической линии Германии в отношении СССР «политикой – как он иронически определил в кавычках – «новой», напоминающей в основном политику бывшего германского кайзера, который оккупировал одно время Украину и предпринял поход против Ленинграда» (то есть – тогда – Петрограда). Речь шла о политике Германии в 1918 году, то есть уже в отношении советской, а не царской России. Но, конечно, «политика кайзера» была той же самой до 1917 года; об этом просто неудобно было говорить в начале 1934 года, когда еще всецело господствовало большевистское толкование Первой мировой войны, согласно которому царская Россия рассматривалась в качестве столь же враждебной пролетариату силы, как и кайзеровская Германия...

Но вот что в высшей степени важно. Сталин, говоря об угрозе войны с Германией, подчеркнул: «...дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной (Италия как таковая, сама по себе, действительно никогда не имела планов войны против СССР. – В.К.)... Дело в изменении политики Германии» (там же). Эта постановка вопроса и по сей день вызывает негодование тех или иных идеологов: смотрите, говорят они, Сталин еще в январе 1934 года готов был иметь «наилучшие отношения» с фашизмом! Между тем, в стратегическом и, шире, геополитическом плане такая постановка вопроса была всецело обоснованной. Ибо германский фашизм или, точнее, нацизм лишь в пропагандистских целях уверял, что ведет борьбу именно и только с большевизмом; действительной его целью было сокрушение России как геополитической силы, и Сталин правильно видел в этом давнюю «традицию»: политика Гитлера была «новой» именно в кавычках. Не исключено, что разведка сообщила Сталину хотя бы о первом выступлении Гитлера перед германским генералитетом 3 февраля 1933 года (фюрер нацистов стал рейхсканцлером всего четыремя днями ранее – 30 января): «Цель всей политики в одном: снова завоевать политическое могущество», а затем – «захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация».

Иными словами, противостояние «фашизм – большевизм» – это лишь внешняя оболочка принципиально более глубокого и широкого исторического содержания. Заявив еще в 1934 году, что «дело не в фашизме», Сталин обнаружил тем самым осознание внутрен-

него смысла этого геополитического противостояния и, естественно, по-иному стал воспринимать историческое прошлое России, ограничившись, правда, поначалу напоминанием о политике кайзеровской Германии в 1918 году, то есть уже после превращения Российской империи в РСФСР, а не о войне, начавшейся в 1914 году.

Однако, осознав, что назревающая война будет, по существу, войной не фашизма против большевизма, но Германии против России, Сталин, естественно, стал думать о необходимости «мобилизации» именно России, а не большевизма. По-видимому, именно в этом и заключалась главная причина сталинской поддержки той «реставрации», которая так или иначе, но закономерно совершалась в 1930-х годах в самой стране (а не в личной политической линии Сталина, которая ее только «оформляла»).

Впоследствии Сталин будет утверждать, что он всегда, с молодых лет был озабочен судьбой России (а не только большевистской политикой); так, выступая по радио с «обращением к народу» 2 сентября 1945 года, он скажет: «Поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны... легло на нашу страну черным пятном... Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной...»

Ясно помню, что я, тогда пятнадцатилетний, испытал чувство глубокого удивления, услышав из тарелки репродуктора эти произносимые подчеркнуто спокойным тоном Сталина слова. Об историческом «реванше» за поражение 1904 года как-то ничего до тех пор не говорилось, это поражение было только одним из поводов для обличения «самодержавия» (например, во всем известной тогда повести Валентина Катаева «Белеет парус одинокий»). И несмотря на свой столь юный возраст, я не очень поверил тому, что Сталин в самом деле с 1904 года «ждал» этого реванша. Сейчас я допускаю, что он мог его ждать, но только не сорок, а максимум десять лет.

До 1934 года, в сущности, нет и намека на приверженность Сталина собственно русской (а не только революционной) теме. В своем докладе на XVI съезде партии (27 июня 1930 года) он посвятил целый раздел разоблачению «уклона к великорусскому шовинизму»: «Нетрудно понять, что этот уклон отражает стремление отживающих классов господствовавшей ранее великорусской нации вернуть себе утраченные привилегии. Отсюда опасность великорусского шовинизма, как главная опасность» (т. 12, с. 370—371). К этому времени, кстати сказать, уже были арестованы почти все виднейшие русские историки...

Позднее, 5 февраля 1931 года, Сталин публикует следующее прямо-таки удивительное рассуждение: «История старой России (вся ее история вообще! — В.К.) состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били... Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны» и т. д. Впоследствии Сталин «вспомнит» и о Дмитрии Донском, и о Суворове и Ушакове, триумфально бивших этих самых «турецких беков», и о сокрушающих победах России над «шведскими феодалами», которые в результате навсегда отказались от каких-либо военных предприятий вообще, и о Минине и Пожарском и т. д. Но, повторяю, это было позже — после 1934 года, явившего собой определенную историческую грань. И опять-таки повторяю, что суть дела не в выяснении развития личных сталинских представлений, а в понимании исторического развития самой страны.

Приписывание Сталину роли инициатора того (разумеется, весьма относительного) «воскрешения» России, которое совершалось в 1930-х годах, несостоятельно уже хотя бы потому, что в течение всего послеоктябрьского времени в стране было немало пользовавшихся более или менее значительным влиянием людей, которые никогда и не «отказывались» от тысячелетней России, — несмотря на риск потерять за эту свою приверженность свободу или даже жизнь. Ведь именно таковы были убеждения названных выше крупнейших историков во главе с С.Ф. Платоновым, арестованных в 1929—1930 годах! То же самое было присуще Сергею Есенину и писателям его круга (Клюев, Клычков, Павел Васильев и

другие), которых начали арестовывать еще в 1920-х годах. И с теми или иными оговорками это можно сказать и о таких достаточно влиятельных в 1920-х – начале 1930-х годов писателях (пусть и очень разных), как Михаил Булгаков, Иван Катаев (не путать с Валентином!), Леонид Леонов, Михаил Пришвин, Алексей Толстой, Вячеслав Шишков, Михаил Шолохов, да и многих других. Притом нет сомнения, что за этими писателями стояла, как говорится, целая армия читателей, в той или иной мере разделявших их убеждения. Люди этого склада вели более или менее упорную духовную борьбу за Россию, и совершенно ясно, что поворот середины 1930-х годов был подготовлен и их усилиями.

Стоит коснуться здесь одного эпизода из жизни Михаила Булгакова – тем более, что он преподносился подчас с грубейшими искажениями. Так, театровед А. Смелянский писал в своем изданном в 1989 году 50-тысячным тиражом сочинении: «Осенью 1936 года в доме Булгаковых были поражены разгромом «Богатырей» в Камерном театре по причине «глумления над крещением Руси». В 1939 году ура-патриотические тенденции стали официальной доктриной режима». Незнакомый с фактами читатель неизбежно поймет процитированные фразы в том смысле, что-де «в доме Булгаковых были поражены» прискорбно, или даже возмущенно... На деле же все было, как говорится, с точностью до наоборот.

Пресловутая «опера» по пьеске Демьяна Бедного-Придворова была беспримерным издевательством над «золотым веком» Киевской Руси, – над великим князем Владимиром Святославичем, его славными богатырями и осуществленным им Крещением Руси. «Опера» эта была поставлена впервые еще в 1932 году и всячески восхвалялась. Журнал «Рабочий и театр» захлебывался от восторгов: «Спектакль имеет ряд смелых проекций в современность, что повышает политическую действенность пьесы. Былинные богатыри выступают в роли жандармской охраны. Сам князь Владимир... к концу спектакля принимает образ предпоследнего царя-держиморды» и т. п. (1934, № 1, с. 14). Через четыре года, в 1936-м, один из влиятельнейших режиссеров, Таиров-Корнблит, решил заново поставить в своем театре эту стряпню, – явно не понимая, что наступает иное время. «Спектакль» был, если воспользоваться булгаковскими образами, зрелищем, организованным Берлиозом на стишки Ивана Бездомного (еще не «прозревшего»).

Е.С. Булгакова записала в своем дневнике 2 ноября 1936 года: «Днем генеральная репетиция «Богатырей» в Камерном. Это чудовищно позорно». А 14 ноября она записывает: «Миша сказал: «Читай» и дал газету. Театральное событие: постановлением Комитета по делам искусств «Богатыри» снимаются, в частности, за глумление над Крещением Руси. Я была потрясена». Вот фрагменты из постановления: «Спектакль... а) является попыткой возвеличивания разбойников Киевской Руси как положительный революционный элемент, что противоречит истории... б) огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются... носителями героических черт русского народа; в) дает антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа...»

Все это настолько «отличалось» от насаждаемой ранее идеологии, что «потрясение», испытанное и супругой писателя и, без сомнения, им самим, вполне понятно. Не прошло и десяти дней, как М. А. Булгаков (23 ноября) делает наброски к либретто другой оперы, озаглавленные для начала просто: «О Владимире». Он сгоряча преувеличил последствия совершающегося политико-идеологического поворота, но, очевидно, понял затем его «ограниченность» и не продолжил работу над произведением о Крестителе Руси.

* * *

Но поворот все же совершался. Как мы видели, Троцкий был непримиримым противником этого поворота. В первое послереволюционное десятилетие он – о чем подробно гово-

рилось выше – стремился постоянно подчеркивать «видимость» русского национального характера революции, но когда видимость начала становиться реальностью, он не жалел проклятий по этому поводу. Однако совершенно неверно полагать, что яростными противниками «реставрации» были только Троцкий и близкие ему деятели «левацкого толка». Бухарин, который в середине 1920-х годов активнейшим образом боролся против Троцкого, в середине 1930-х годов мог бы быть его вернейшим союзником.

В последние годы фигура Бухарина была представлена множеством авторов в заведомо ложном освещении – притом, пожалуй, в большей мере, чем какой-либо другой «вождь». Это искажает и общую картину 1920—1930-х годов, и потому необходимо хотя бы кратко сказать о действительной сущности идеологии Бухарина.

В 1930-х годах Троцкий – что вполне понятно – сделал главной мишенью своих обличений Сталина, который в результате стал восприниматься как главный или даже единственный его враг. Между тем ранее, сразу после окончательного отстранения его от власти в октябре 1927 года, Троцкий совершенно недвусмысленно писал: «Всем известно, что Бухарин был главным и, в сущности, единственным теоретиком всей кампании против троцкизма...» Ныне нередко утверждают, что за спиной Бухарина стоял Сталин, который им манипулировал. Но это едва ли верно. Бухарин – что явствует из множества его вполне определенных высказываний – к середине 1920-х годов проникся чрезвычайно тревожными опасениями, полагая, что преобладающее в стране крестьянство, если его охватит сильное недовольство, неизбежно погубит большевистскую власть. И в «левацкой» программе Троцкого и его единомышленников, постоянно требовавших усиления нажима на «мелкую буржуазию», Бухарин видел смертельную угрозу. Это выражено в целом ряде его важнейших докладов и статей 1925—1927 годов, посвященных непримиримой борьбе с «троцкизмом».

В докладе же 13 апреля 1928 года Бухарин удовлетворенно констатировал: «После разгрома оппозиции (троцкистской. – В.К.) вся наша партия, естественно, должна приняться за деловую работу». Однако всего лишь через полтора месяца, 28 мая, Сталин неожиданно выступил с заявлением о необходимости неотложной коллективизации (об этом подробно говорилось выше). И, как иронически писал 7 февраля 1930 года – уже в Константинополе – высланный из СССР Троцкий, «правое крыло (Бухарин, Рыков, Томский) порвало со Сталиным, обвинив его в троцкизме...»

Благодаря этому конфликту со Сталиным Бухарин обрел, пользуясь модным сегодня словечком, имидж «защитника крестьянства» – крестьянства в целом, включая «кулаков» – и потому чуть ли не патриота, – поскольку речь шла прежде всего о русском крестьянстве; именно так его необоснованно воспринимал, в частности, ряд писателей есенинского круга. И в наше время сей бухаринский имидж внедрен в сознание самых широких кругов.

В действительности же Бухарин, выступая против «сплошной коллективизации», стремился «защитить» тем самым вовсе не крестьянство, а большевистскую власть, для которой, по его убеждению, крестьянское сопротивление представляло смертельную опасность. В своем вызвавшем резкие нападки Сталина докладе «Политическое завещание Ленина» (21 января 1929 года) он заявил, что «если возникнут серьезные классовые разногласия» (выделено самим Бухариным) между рабочим классом и крестьянством, «гибель Советской республики неизбежна».

И нетрудно показать, что своей репутацией защитника крестьянства и даже – страшно подумать! – кулака Бухарин целиком и полностью обязан именно Сталину и его сподвижникам по борьбе с «правым уклоном». Стремясь всячески очернить Бухарина, ему совершенно безосновательно приписали тогда эти ни в коей мере не свойственные ему устремления (для политической борьбы такое искажение взглядов противника – дело типичное).

По мере развертывания коллективизации Бухарин убедился в том, что ни о какой «гибели Советской республики» не может идти речи, и в статье, опубликованной в «Правде»

19 февраля 1930 года, далеко «обгоняя» самого Сталина, громогласно заявил, что с кулаками «нужно разговаривать языком свинца».

После этого с Бухарина были полностью сняты те – в сущности, чисто клеветнические – обвинения, в силу которых он предстал как некий пособник кулачества; сохранилось лишь обвинение в крайнем преувеличении кулацкой опасности. Судите сами: в своем «заключительном слове» на XVI съезде партии (2 июля 1930 года) Сталин свел всю «вину» Бухарина и «правого уклона» в целом к необоснованной «тревоге», которую вызвало у них решение о «чрезвычайных мерах против кулаков»: «Помните, – вопрошал Сталин, – какую истерику закатывали нам по этому случаю лидеры правой оппозиции?.. «Не лучше ли проводить либеральную политику в отношении кулаков? Смотрите, как бы чего не вышло из этой затеи»... Появилась у нас где-либо трудность, загвоздка, – они уже в тревоге... приходят в ужас и начинают вопить о катастрофе, о гибели Советской власти... И – «пошла писать губерния»... Бухарин пишет по этому поводу тезисы и посылает их в ЦК, утверждая, что политика ЦК довела страну до гибели... Рыков присоединяется к тезисам Бухарина... Правда, потом, через год, когда всякому дураку становится ясно, что... опасность не стоит и выеденного яйца, правые уклонисты начинают приходить в себя... заявляя, что они не боятся... Но это через год. А пока – извольте-ка маяться с этими канительщиками...»

Поскольку с лидеров так называемых «правых» были тем самым сняты заведомо клеветнические обвинения в защите кулаков, то есть «классового врага», Бухарин, Рыков и Томский тут же, 13 июля 1930 года, были переизбраны членами ЦК партии – то есть высшего эшелона власти, состоявшего тогда всего из семи десятков человек. «Врагами» эти трое «оказались» намного позднее, в 1937 году; в 1929—1930 гг. они потеряли только свои места на самой что ни есть вершине власти – в Политбюро ЦК (ранее роль Бухарина была сравнима лишь с ролью самого Сталина).

Но Бухарин – и в этом он не отличался от Троцкого, – был полностью чужд повороту, начавшемуся в 1934 году. По словам американского историка С. Козна, Бухарин попросту отказывался от уступок и не участвовал в неонационалистической реабилитации царизма. Так как ясно, что под «реабилитацией царизма» С. Козн имеет в виду частичные попытки восстановить уважение к достижениям прошлого России и что никакой реабилитации царизма на самом деле не происходило, становится очевидным, что непримиримый протест Бухарина вызывало возвращение с середины 30-х годов в учебники истории и публикации имен героев русской истории, свидетельств побед русского народа.

Между прочим, то же самое писал о Бухарине и совершенно другой исследователь – сионист М.С. Агурский: «О нем сложилось немало легенд, и одна из них заключается в том, что он якобы был настоящим русским человеком, близко к сердцу бравшим страдания русского народа и, в особенности, крестьянства...»; на деле же «Бухарин испытывал подлинную ненависть к русскому прошлому... он до самого конца пытался сражаться, как только мог, с русским национализмом... Он говорил (имеется в виду статья Бухарина в редактируемой им газете «Известия» от 21 января 1936 года. – В.К.), что русские были нацией Обломовых, а слово «русский» было синонимом жандарма и т. п. При этом Бухарин прославлял современный ему русский рабочий класс за то, что ему удалось победить в себе отрицательное наследие прошлого (как и Сталин до 1934 года. – В.К.). «Правда» резко отозвалась на эту статью Бухарина: «Партия всегда (сие, конечно, никак не соответствовало действительности! – В.К.) боролась против... «Иванов, не помнящих родства», пытающихся окрасить все историческое прошлое нашей страны в сплошной черный цвет» (цитируется «Правда» от 10 февраля 1936 года).

* * *

Как уже говорилось, «реабилитация» исторического прошлого была лишь одним из проявлений того поворота, той «контрреволюции», которая совершалась в 1930-х годах, но проявлением особенно наглядным, особенно выразительным, – почему и уместно говорить о нем подробно. Троцкий определил «восстановление» в 1935 году дореволюционных воинских званий как «самый оглушительный» удар по «принципам Октябрьской революции». Но едва ли иначе воспринимал это «восстановление» столь, казалось бы, далекий от Троцкого Бухарин (Троцкий, кстати сказать, относился к нему с презрением, именуя его в своем кругу «Колей Балаболкиным»). Неприятие и в какой-то мере прямое сопротивление «реставрации» было присуще преобладающему большинству революционных деятелей.

«Загадочность» 1937 года во многом обусловлена тем, что открыто говорить о неприятии совершавшегося с 1934 года поворота было в сущности невозможно: ведь пришлось бы заявить, что сама власть в СССР осуществляет контрреволюцию! Но именно об этом и заявляли находившиеся за рубежом Троцкий и, – хотя и с совершенно иной оценкой, – Георгий Федотов.

И в высшей степени показательно, что именно к этому «диагнозу» присоединились многие из тех, кто, будучи посланы с политическими заданиями за границу, решили не возвращаться в СССР. Так, один из руководящих деятелей ОГПУ-НКВД Александр Орлов (урожденный Лейба Фельдбин), ставший в 1938 году «невозвращенцем», рассказывал позднее, что начиная с 1934 года «старые большевики» – притом, как он отметил, «подавляющее большинство» из их среды, – приходили к убеждению: «Сталин изменил делу революции. С горечью следили эти люди за торжествующей реакцией, уничтожавшей одно завоевание революции за другим... Они втайне надеялись, что сталинскую реакцию смост новая революционная волна... они помалкивали об этом. Но... молчание рассматривалось как признак протеста».

Все высказанное отнюдь не было оригинальной личной «версией» Орлова. Так, еще один «невозвращенец», сотрудник НКВД Игнатий Рейсс (Натан Порецкий) писал 17 июля 1937 года, что СССР является «жертвой открытой контрреволюции», и тот, кто «теперь еще молчит, становится... предателем рабочего класса и социализма... А дело именно в том, чтоб «начать все сначала»; в том, чтоб спасти социализм. Борьба началась...» (в сентябре 1937 года Рейсс был разыскан в Швейцарии группой под руководством специально присланного из Москвы виднейшего деятеля НКВД Шпигельгласа и убит).

То же самое согласно утверждали и другие тогдашние «невозвращенцы»: Вальтер Кривицкий (Самуил Гинзбург), по словам которого, в СССР осуществляют «ликвидацию революционного интернационализма, большевизма, учения Ленина и всего дела Октябрьской революции», Александр Бармин (Графф), объявивший, что в СССР произошел «контрреволюционный переворот», и «Каины рабочего класса... уничтожают дело революции», и т. д. (в некоторых из процитированных высказываний «контрреволюционный» поворот целиком приписан личному своеволию Сталина, но, как уже не раз говорилось, это заведомо примитивное объяснение; Троцкий и Федотов справедливо видели в совершавшейся метаморфозе воплощение объективной исторической закономерности послереволюционной эпохи, а не индивидуальный произвол).

В самом СССР противники «контрреволюции» редко решались говорить нечто подобное (разве только в кругу ближайших единомышленников), но несдержанные на язык это все же делали. Так, кадровый сотрудник НКВД, а затем заключенный ГУЛАГа, Лев Разгон (впоследствии – автор шумевших мемуаров) уже в наше время обнаружил в собственном следственном «деле» следующую агентурную информацию о своих речах 1930-х годов: «Говоря

о картине «Петр I» и других, Разгон заявляет: «Если дела так дальше пойдут, то скоро мы услышим “Боже, царя храни”...»

Восстановление дореволюционных «реалий» особенно бросалось в глаза и едва ли ни более всего раздражало революционных деятелей. Когда в середине 1930-х годов стали неожиданно возвращаться из ссылки «разоблаченные» в 1929—1930 годах как «монархисты» и «шовинисты» видные историки, сам этот факт, без сомнения, крайне возмущал тех деятелей, которые всего несколько лет назад так или иначе способствовали тотальной расправе над русской историографией.

Поистине «замечательно», что даже и в наши дни находятся авторы, негодующие по поводу «реабилитации» историков во второй половине 1930-х годов. Так, нынешний поклонник Троцкого В.З. Роговин гневно писал в 1994 году, что «коренной идеологический сдвиг» (это его – верное – определение) 1930-х годов «выдвинул на первый план историков «старой школы»... В 1939 году был избран академиком Ю. В. Готье, чьи дневники периода гражданской войны дышат неистовой ненавистью к большевизму и зоологическим антисемитизмом (об «антисемитизме» 1920–1930-х годов еще будет речь. – *В.К.*). Тогда же Высшей партийной школой был переиздан курс лекций по русской истории академика Платонова, не скрывавшего своих монархических убеждений и за шесть лет до того умершего в ссылке».

* * *

Помимо принадлежащих Троцкому и Федотову истолкований тех коренных сдвигов, которые привели в конечном счете к 1937 году, стоит процитировать еще одно своеобразное сочинение, написанное тогда же, в 1936 году, незаурядным историком Российской революции Б.И. Николаевским (1887—1966). За свою долгую жизнь он успел побывать и большевиком, и меньшевиком, руководил историко-революционным архивом в Москве, затем эмигрировал и занялся упорным и квалифицированным «расследованием» происходившего в XX веке в России. В конце 1936 – начале 1937 года он опубликовал в Париже под видом «письма» некоего «старого большевика» опыт объяснения состоявшегося в августе 1936 года судебного процесса над бывшими верховными революционными вождями Зиновьевым и Каменевым. Широко распространено мнение, что «письмо» это было-де попросту изложением мыслей Бухарина, который, находясь в феврале-апреле 1936 года по заданию ЦК ВКП(б) в Париже, подолгу беседовал с Николаевским. Но последний не раз опровергал эту версию, хотя и признавал, что «использовал некоторые рассказы Бухарина». Достаточно сказать, что одновременно с Бухариным Николаевского посещал тогда видный большевик А.Я. Аросев; были у составителя «письма», несомненно, и другие «источники».

Как определил впоследствии сам Б.И. Николаевский, в сочиненном им «письме» представлены «общие настроения, присущие «старым большевикам», на которых надвигалась новая эпоха, где они погибли...» Мы, эти большевики, говорится в «письме», видели, что с начала 1935 года «реформы следовали одна за другой, и все они били в одну точку: замирение с беспартийной интеллигенцией, расширение базы власти путем привлечения к активному участию в советской общественной жизни всех тех, кто на практике, своей работой в той или иной области положительного советского строительства показал свои таланты» и т. д. Между тем «мы («старые большевики». – *В.К.*) являемся все нежелательным элементом в современных условиях... заступиться за нас никто не заступится. Зато на советского обывателя сыпятся всевозможные льготы и послабления».

Утверждение о «нежелательности» этих самых большевиков имеет в «письме» двойственный характер: с одной стороны, признается определенная обоснованность этого «приговора», с другой же – вроде бы он вынесен (и несправедливо) лично Сталиным, по мнению которого неприемлемы «самые основы психологии старых большевиков. Выросшие в усло-

виях революционной борьбы, мы все воспитали в себе психологию оппозиционеров... мы все – не строители, а критики, разрушители. В прошлом это было хорошо, теперь, когда мы должны заниматься положительным строительством, это безнадежно плохо. С таким человеческим материалом... ничего прочного построить нельзя, а нам теперь особенно важно думать о прочности постройки советского общества, так как мы идем навстречу большим потрясениям, связанным с неминуемо нам предстоящей войной».

Здесь ясно проступает отмеченная «двойственность»: то ли эта характеристика «старых большевиков» объективна, то ли на них возведена напраслина. Таковы, очевидно, и были «общие настроения» тех, кто подвергся репрессиям (эта двойственность как бы объясняет слабое сопротивление «старых большевиков» своей участи). А дальше в «письме» идет речь о «выводе» Сталина: «...если старые большевики, та группа, которая сегодня является правящим слоем в стране, не пригодны для выполнения этой функции в новых условиях, то надо как можно скорее снять их с постов, создать новый правящий слой... С новой психологией, устремленной на положительное строительство».

* * *

Итак, выше были рассмотрены, в основном, сочинения трех весьма различных наблюдателей и толкователей того исторического сдвига, который породил феномен 1937 года, – Троцкого, Федотова и Николаевского. Все трое высказались «свободно», ибо находились вне СССР, и все три сочинения относятся к 1936 году. Вполне вероятен вопрос: почему я основываюсь на суждениях, высказанных еще до наступления самого 1937 года, до обрушившегося на большинство «правлящего слоя» беспощадного террора?

Можно бы доказать на множестве исторических примеров, что в периоды крайне драматических, катастрофических событий ослабляется или даже вообще утрачивается объективность восприятия и осмысления. И нетрудно убедиться, что в написанных позднее сочинениях тех же Федотова и Троцкого нет столь ясного видения происходящего, господствуют эмоционально-экспрессивные утверждения и оценки.

Стоит отметить, впрочем, что иногда действительный смысл происходившего как бы обнажался. Так, например, Алексей Толстой написал в 1938 году следующее: «Достоевский создавал Николая Ставрогина (главный герой романа «Бесы». – В.К.), тип опустошенного человека, без родины, без веры, тип, который через 50 лет (писатель ошибся – через 65 лет. – В.К.) предстал перед Верховным судом СССР как предатель...», – то есть получалось, что в 1937-м судили все-таки чуждых родине «бесов» революции...

Один из исследователей обратил внимание и на статью бывшего «сменовеховца» Исаея Лежнева (Альтшулера) в «Правде» от 25 января 1937 года о начавшемся 23 января суде над Пятаковым, Сокольниковым, Радеком, Серебряковым (все – бывшие члены ЦК) и другими: «Статья эта носит название «Смердяковы», и ее главной целью является доказать, что подсудимые не просто враги советской власти, а преимущественно враги русского народа... Лейтмотивом статьи являются слова Смердякова (героя романа Достоевского «Братья Карамазовы». – В.К.): «Я всю Россию ненавижу... Русский народ надо пороть-с», – которые, согласно Лежневу, отражают душевное состояние подсудимых...»

Тем не менее, несмотря на такого рода «проговоры», 1937 год проходил все же под знаком борьбы с контрреволюционерами. Георгий Федотов утверждал в 1936 году: «Происходящая в России ликвидация коммунизма окутана защитным покровом лжи. Марксистская символика революции еще не упразднена...» И объяснял это, во-первых, тем, что «создать заново идеологию, соответствующую новому строю, задача, очевидно, непосильная для нынешних правителей России», а, во-вторых, тем, что «отречься от своей собственной

революционной генеалогии – было бы безрассудно», – вот, смотрите, Франция уже 150 лет не отрекается от своей революции, не менее чудовищной, чем российская.

(Забегая далеко вперед, отмечу, что в России люди гораздо менее «расчетливы», чем во Франции, и множество из них сегодня напрочь «отрекается» от всего, что происходило в их родной стране с 25 октября 1917-го или даже с 14 декабря 1825 года... Но это, конечно, особенная проблема).

Федотов, как уже говорилось, сильно преувеличивал «контрреволюционность» политики 1930-х годов, но основное историческое движение определял верно. В частности, как ни неожиданно – и, для многих, возмутительно – это прозвучит, именно в 1930-е годы в стране начинает в какой-то мере утверждаться законность, правовой порядок. Господствует прямо противоположная точка зрения, согласно которой 1937 год был временем крайнего, беспрецедентного беззакония, что особенно ясно и страшно выразилось в избиениях и даже изощренных пытках «обвиняемых», от которых требовали признаний в выдуманных «преступлениях».

Между тем, совершенно очевидно, что преобладающее большинство казней в первые послереволюционные годы совершалось вообще без хоть какого-либо «разбирательства». Так, точно известно, что в 1921 году был вынесен всего лишь 9701 смертный приговор, но совершенно нелепо было бы полагать, что мы имеем тем самым сведения о количестве расстрелянных в этом году. Багрицкий, который отлично знал, что происходило на Украине в 1919—1921 годах, ибо сам побывал инструктором политотдела отряда красных, описывает «практику» воспламеняемого им комиссара продотряда:

«Выгребайте из канавы
Спрятанное жито!»
Ну, а кто подымет бучу
Не шуми, братишка:
Усом в мусорную кучу,
Расстрелять – и крышка!

Естественно, при этом ровно никакие юридические акции не предпринимались, и «приговор» нигде не фиксировался.

В 1930-х годах юриспруденция так или иначе начинает восстанавливаться. Это, между прочим, убедительно показано в исследовании американского правоведа Юджина Хаски «Российская адвокатура и Советское государство» (1986). Характерны названия разделов этого трактата: «Гражданская война и расцвет правового нигилизма» и «Конец правового нигилизма». Этот «конец» автор усматривает уже в событиях начала 1930-х годов, хотя тут же отмечает, что другой американский исследователь истории советской юриспруденции, П. Джуливер, в своей книге «Революционный правопорядок» (1976) «датирует начало поворота в правовой политике 1934—1935 годами», то есть временем многостороннего поворота, о котором подробно говорилось выше.

П. Джуливер, несомненно, датирует вернее, да и сам Ю. Хаски исходит только из того, что до указанной даты имели место лишь отдельные выступления в «защиту» юриспруденции, и сообщает, что «в начале 1930-х годов нарком юстиции РСФСР Н. Крыленко и некоторые другие оставались приверженцами нигилистического подхода к праву». Точно так же, пишет Хаски, «известный как «совесть партии» Аарон Сольц отказался отступить от революционных принципов». И так, и нарком, и влиятельнейший член Президиума Центральной контрольной комиссии ВКП(б), осуществлявший верховный партийный надзор за судебной практикой, были против утверждения правовых норм. Но к середине 1930-х годов этого рода сопротивление было сломлено.

* * *

Часто говорится о мнимой «беспрецедентности» характерных для 1937 года директив о заранее «подсчитанных» количествах «врагов», которых следует выявить. Но уже приводилось заявление одного из вождей, Зиновьева, в сентябре 1918 года:

«Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию (то есть РСФСР. – *В.К.*). С остальными нельзя говорить (и уж, конечно, нельзя устраивать следственные и судебные разбирательства! – *В.К.*) – их надо уничтожать». И, действительно, уничтожали...

Нельзя не видеть, что именно отсюда идет прямая линия к словам, написанным Бухариным ровно через восемнадцать лет, в сентябре 1936 года, по поводу казни самого Зиновьева с Каменевым: «Что расстреляли собак – страшно рад».

Но, как известно, следствие НКВД и судебные разбирательства «дела» Зиновьева и других длились полтора года – и это было «новым», в сравнении с 1918 годом, явлением...

Один из людей моего круга, П. В. Палиевский, еще на рубеже 1950—1960-х годов утверждал, что 1937 год – это «великий праздник», праздник исторического возмездия. Много позднее человек совершенно иного, даже противоположного мировосприятия, Давид Самойлов написал: «Тридцать седьмой год загадочен... Загадка 37-го в том, кто и ради кого скосили прежний правящий слой. В чьих интересах совершился всеобщий самосуд, в котором сейчас (это пишется в конце 1970-х – начале 1980-х; раньше люди этого типа думали иначе. – *В.К.*) можно усмотреть некий оттенок исторического возмездия. Тех, кто вершил самосуд, постиг самосуд».

Существенно, что даже «либеральный» идеолог понял в конце концов необходимость признать этот смысл 1937 года – смысл возмездия (пусть даже, как говорится, скрепя сердце: «некий оттенок»). Правда, тема «возмездия» решена Д. Самойловым слишком прямолинейно: вот, мол, те люди, которых «скашивают» в 1937-м, ранее, начиная с 1917-го, сами беспощадно «скашивали» других людей и потому в конце концов получили столь же беспощадное наказание. Это толкование, по сути дела, подразумевает, что в истории действует неотвратимый закон возмездия, благодаря которому насильники и палачи сами подвергаются репрессиям и казням.

Вообще-то вера в реальность такого закона существует. Супруга Михаила Булгакова Елена Сергеевна записала 4 апреля 1937 года в своем дневнике:

«В газетах сообщение об отрешении от должности Ягоды (в 1934—1936 годах – глава НКВД. – *В.К.*) и о предании его следствию... Отрадно думать, что есть Немезида...» (древнегреческая богиня возмездия). И даже о литераторах – рьяных «обличителях» Булгакова – в дневнике сказано (23 апреля 1937 года): «Да, пришло возмездие. В газетах очень дурно о Киршоне и об Афиногенове».

А в записи 27 апреля 1937-го она рассказывает, как встреченный на московской улице писатель Юрий Олеша «уговаривает М.А. (Булгакова. – *В.К.*) пойти на собрание московских драматургов, которое открывается сегодня, и на котором будут расправляться с Киршоном. Уговаривал выступить и сказать, что Киршон был главным организатором травли М.А. Это правда. Но М.А. и не подумает выступать с таким заявлением и вообще не пойдет...», – то есть не хочет принимать участия в «возмездии»...

М.М. Бахтин вспоминал о судьбе следователей ГПУ, которые в 1928—1929 годах стряпали его «дело», а также «дело» его близкого знакомого – историка Е.В. Тарле; в 1938 году этих следователей расстреляли: «Тарле мне написал с торжеством: “А знаете, наших-то ликвидировали”. Но я не мог разделить этого торжества».

Тем не менее можно все же понять людей, которые со своего рода языческим упоением воспринимали возмездие, обрушившееся на тех, кто в конце 1910-х – начале 1930-х годов так или иначе играли роль палачей и превратились в жертвы в 1937-м либо позднее. Но проблема, если вдуматься, достаточно сложна. Ведь в 1937-м погибли или оказались в заключении многие и многие люди, которых ни в коей мере нельзя отнести к категории «палачей», и уже одно это ставит под сомнение «закономерность», каковую вроде бы можно увидеть в казнях вчерашних палачей, – не говоря уже о том, что далеко не все из них получили возмездие (об этом мы также еще вспомним)...

Словом, представление, согласно которому люди, принимавшие участие в массовом терроре периода гражданской войны и, затем, коллективизации, именно потому, или, выражаясь попросту, именно «за это», сами были подвергнуты репрессиям в 1937-м, уместно, так сказать, в умозрительном плане, но едва ли может быть обосновано «практически», реально; возмездие в этом смысле, в этом аспекте являет собой, в сущности, метафизическую проблему.

Но есть и другой аспект дела: именно те люди, против которых были прежде всего и главным образом направлены репрессии 1937-го, создали в стране сам «политический климат», закономерно – и даже неизбежно – порождавший беспощадный террор. Более того: именно этого типа люди всячески раздували пламя террора непосредственно в 1937 году!

* * *

Важно отметить, что многочисленные современные авторы, предпринимающие попытки разграничить, отделить друг от друга приверженцев и противников террора 1937 года, очень часто причисляют к последним всех, либо по крайней мере почти всех пострадавших, ставших жертвами репрессий. При этом, в сущности, игнорируется тот факт, что ведь в те времена пострадала едва ли не наибольшая (в сравнении с другими «профессиями») доля сотрудников НКВД, которые, понятно, играли свою необходимую или даже решающую роль в репрессиях; впрочем, авторы многих сочинений – о чем еще пойдет речь – стремятся и среди «чекистов» отыскать последовательных противников террора.

Однако при объективном изучении реального хода дел в 1937 году указанное «разграничение» предстает как сомнительная либо даже вообще невыполнимая задача. Ибо, внимательно рассматривая «поведение» кого-либо из репрессированных тогда политических деятелей до момента ареста, мы едва ли не всякий раз обнаруживаем, что деятель этот сам приложил (или даже крепко приложил!) руку к развязыванию террора...

Обратимся, например, к не так давно опубликованной стенограмме «Февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года» (пленум этот длился 11 дней – с 23 февраля до 5 марта), после которого террор и приобрел весь свой размах. Стенограмма зафиксировала недвусмысленные призывы к беспощадному разоблачению «врагов», прозвучавшие из уст таких вскоре же подвергшихся репрессиям «чекистов», как К.Я. Бауман, Я.Б. Гамарник, А.И. Егоров, Г.Н. Каминский, С.В. Косиор, П.П. Любченко, В.И. Межлаук, Б.П. Позерн, П.П. Постышев, Я.Э. Рудзутак, М.Л. Рухимович, А.И. Стецкий, М.М. Хатаевич, В.Я. Чубарь, Р.И. Эйхе, И.Э. Якир и др. Нельзя не отметить также, что «разоблачавшийся» непосредственно на этом самом пленуме Н.И. Бухарин (в то время – кандидат в члены ЦК) в своих заявлениях осыпал проклятиями всех своих уже «разоблаченных» к тому времени сотоварищей...

Вот два достаточно выразительных «примера» из стенограммы этого пленума. 23 февраля 1937 года Н.И. Ежов «сетует»: «К сожалению, слишком много уродов в семье правых...» (то есть в окружении Бухарина). Р.И. Эйхе (которого, как говорится, никто специально за язык не тянул) прерывает Ежова: «Сплошь одни уроды». Спустя год сам Роберт Индрикович окажется «уродом»...

1 марта Ежов снова «жалуется» пленуму: «...должен сказать, что я не знаю ни одного факта... когда бы по своей инициативе позвонили и сказали: «Тов. Ежов, что-то подозрителен этот человек, что-то неблагополучно в нем, займитесь этим человеком» – факта такого я не знаю... (Постышев: А когда займешься, то людей не давали). Да. Чаще всего, когда ставишь вопрос об арестах, люди, наоборот, защищают этих людей. (Постышев: Правильно.)). Между тем и по сей день распространено представление о Постышеве как несчастной жертве террора; уж в таком случае и Ежова, арестованного годом позже Постышева, 10 апреля 1939-го, следует считать жертвой...

И еще один выразительный факт. В целом ряде сочинений, опубликованных в конце 1980 – начале 1990-х годов, говорится о борьбе против террора, на которую отважился тогдашний нарком здравоохранения РСФСР, кандидат в члены ЦК Г.Н. Каминский. До 1937 года говорить о его недовольстве террором никак невозможно; дело обстояло противоположным образом. Вполне возможно, что Григорий Наумович начал сопротивляться, когда смертельная опасность нависла над ним самим. Однако до того момента он вел себя совсем по-иному. Так, бывшему предсовнаркома, а с 1931 года наркому связи А.И. Рыкову в 1936 году предъявили обвинение в том, что он в апреле 1932 года готовил теракт против Сталина. Алексей Иванович возразил, что он тогда находился на отдыхе в Крыму, и в доказательство предъявил открытку, отправленную ему в то время из Москвы в Крым юной дочерью. Однако именно Каминский отмел этот аргумент: «Ты столько лет работал в связи, – «обличил» он Рыкова, – что любую открытку и штампы мог подделать»... Жестокая «ирония» времени: Каминский был расстрелян раньше Рыкова (первый – 10 февраля, второй – 15 марта 1938 года).

Показательно, что сами деятели НКВД, подвергшиеся репрессиям, но все же уцелевшие, обычно рассказывают о себе именно и только как о жертвах. В 1995 году были изданы мемуары руководящего сотрудника ВЧК-ОГПУ-НКВД М.П. Шрейдера «НКВД изнутри. Записки чекиста». В редакционном предисловии к ним утверждается, что их автор в 1937—1938 годах боролся-де за «честный профессионализм» и «не признавал “липовых” дел и людей, которые на его глазах фабриковали такие дела».

В 1937 году Шрейдер был заместителем начальника управления НКВД Ивановской области (начальником являлся прославленный чекист В.А. Стырне), а в феврале 1938 года по личному указанию Н.И. Ежова (о чем он сам сообщает в «Записках») получил немалое повышение: стал заместителем наркома внутренних дел Казахской ССР (наркомом был в то время свояк Сталина, комиссар госбезопасности 1-го ранга С.Ф. Реденс). Между тем, если верить Шрейдеру, в Ивановской области (то есть перед его повышением в должности) он, мол, всячески стремился противостоять «ежовскому» террору.

Но одновременно с книгой Шрейдера – хотя и совершенно независимо от нее, – в том же 1995 году, было опубликовано изложение сохранившейся в архиве г. Иваново стенограммы пленума тамошнего обкома партии, состоявшегося в августе 1937 года, – своего рода чрезвычайного пленума, которым командовали прибывшие из Москвы секретарь ЦК Л.М. Каганович и секретарь партколлегии Комиссии партийного контроля при ЦК М.Ф. Шкирятов. И уже пожелтевшая стенограмма показала, что (цитирую) «Шрейдер обрушился на секретаря горкома (Ивановского. – В.К.) партии Васильева. Он выразил возмущение по поводу того, что Васильев, имевший связь с врагом народа, занимает место в президиуме...

– У меня нет никаких (! – В.К.) данных о том, что Васильев враг, – сказал он (Шрейдер. – В.К.), – но я позволю себе выразить ему недоверие.

Затем Шрейдер обвинил начальника управления НКВД Стырне в том, что тот противодействовал репрессиям и имел связь с бывшим сотрудником НКВД Корниловым, который в 1936 году обвинялся в сотрудничестве с троцкистами. Стырне тут же был снят с работы, а

впоследствии арестован и расстрелян... Шрейдер выразил недоверие еще нескольким ответственным работникам, ничем это не мотивируя».

Между тем в мемуарах Шрейдер не только преподносит свои отношения со Стырне как истинно товарищеские, но и уверяет, что он не раз предостерегал этого знаменитого чекиста, раскрывая ему глаза на «ежовщину»!

Увы, подобного рода «забывчивость» типична для авторов изданных в последнее время мемуаров; так, например, Лев Разгон, публикуя в 1988 году свое ставшее тогда очень популярным «Непридуманное», где он гневно проклинал НКВД, ухитрился «забыть» даже и о том, что сам он в 1937 году был штатным сотрудником этого самого НКВД! Согласно его мемуарам, он занимался тогда трогательным делом издания книжек для детей...

Еще одни интересные воспоминания были изданы в 1983 году за рубежом: это книга идеологической, затем литературной деятельности, далее «диссидентки» и, наконец, эмигрантки Р.Д. Орловой (урожденной Либерзон; 1918—1984). В обобщающих своих суждениях Раиса Давыдовна присоединяется к типичному «разделению»: мол, были хорошие «мы» и некие мерзкие «они», которые и устроили террор 1937-го...

Нельзя не оценить правдивость мемуаристики. Так, рассказывая о своем собственном отце, не самом крупном, но все же руководящем деятеле, отстраненном от своего поста в 1937 году и ждавшем ареста (чего не произошло), Р.Д. Орлова честно признается: «...он спрашивает: «А если меня арестуют?» И я, не подумав ни мгновения: «Я буду считать, что тебя арестовали правильно». Сказала, и пол под ногами не содрогнулся... Принял ли он мои чудовищные слова как должное? Он и сам говорил, что по-другому нельзя».

Или другой пример. В первое издание уже упомянутого «Непридуманного» (1991) Льва Разгона вошел небольшой раздел «Военные», в центре которого – судьба двоюродного брата автора, Израиля Разгона – высокопоставленного армейского политработника, расстрелянного в конце 1937 года. В рассказе создается прямо-таки героический образ, речь идет о выдающихся «уме, честности и бесстрашии Израиля», о его благородной дружбе с легендарным героем гражданской войны Иваном Кожановым и т. п. Однако, переиздавая свое сочинение через три года, в 1994-м, Л. Разгон явно вынужден был выбросить этот краткий раздел (менее 20 страниц) из своей книги (все ее другие составные части вошли во второе издание), поскольку по документам было установлено, что именно его кузен Израиль Разгон «посадил» своего друга Ивана Кожанова, о чем как раз в 1991 году было сообщено в печати...

* * *

Прежде чем идти далее, нельзя не остановиться на возбуждающем страсти вопросе, который, по всей вероятности, уже возник в сознании читателей. Почему в обсуждение феномена «1937-й год» вовлеклось столь много еврейских имен?

Здесь неизбежна определенная реакция: эти имена, мол, тенденциозно выпячены в «антисемитских» целях. И неправильно было бы закрыть глаза на эту сторону дела, причем не только (и даже не столько) ради опровержения упреков в «антисемитской» тенденциозности, но и – прежде всего! – ради всестороннего уяснения реальной политической ситуации 1930-х годов. Выше цитировалось исследование израильского политолога М.С. Агурского, который не «побоялся» напомнить, что к 1922 году в верховном органе власти – Политбюро – состояли три (из общего количества пяти членов) еврея. Между тем в 1930-х годах в составе Политбюро (тогда – десять членов) имелся только один еврей – Каганович. Об этом очень часто говорится в сочинениях о тех временах с целью показать, что евреи тогда уже не играли первостепенной роли в политике.

Всецело естественный процесс постепенного «продвижения» во власть представителей «основного» населения страны действительно совершался, но колоссальная роль евреев

в верховной власти первых послереволюционных лет привела к чрезвычайно весомым результатам, – о чем недвусмысленно писал тот же М. С. Агурский. В его уже не раз цитированной книге есть специальное «приложение» под заглавием «Демографические сдвиги после революции», где прежде всего, как он сам сформулировал, «идет речь о массовом перемещении евреев из бывшей черты оседлости в центральную Россию», и особенно интенсивно – в Москву: «В 1920 г., – констатирует М.С. Агурский, – здесь насчитывалось 28 тыс. евреев, то есть 2,2% населения, в 1923 г. – 5,5%, а в 1926 г. – 6,5% населения. К 1926 г. в Москву приехали около 100 тыс. евреев» (с. 265).

Имеет смысл сослаться и на сочинение другого, гораздо более значительного, еврейского идеолога – В.Е. Жаботинского. На рубеже 1920—1930-х годов он привел в своей статье «Антисемитизм в Сов. России» следующие сведения:

«В Москве до 200 000 евреев, все пришлый элемент. А возьмите... телефонную книжку и посмотрите, сколько в ней Певзнеров, Левиных, Рабиновичей... Телефон – это свидетельство: или достатка, или хорошего служебного положения».

Из обстоятельного справочника «Население Москвы», составленного демографом Морицем Яковлевичем Выдро, можно узнать, что если в 1912 году в Москве проживали 6,4 тысячи евреев, то всего через два десятилетия, в 1933 году, – 241,7 тысячи, то есть почти в сорок раз больше! Причем население Москвы в целом выросло за эти двадцать лет всего только в два с небольшим раза (с 1 млн. 618 тыс. до 3 млн. 663 тыс.).

В сознание многих людей давно внедрено представление, что евреи тем самым вырывались, «освобождались» из чуть ли не «концлагеря» – «черты оседлости». Но вот, например, И.Э. Бабель записывает в дневнике об исчезавших на его глазах еврейских местечках в «черте оседлости»: «Какая мощная и прелестная жизнь нации здесь была...» Через много лет, в 1960-х, М.М. Бахтин рассказал мне о своей только что состоявшейся беседе с широко известным в свое время писателем Рувимом Фраерманом, который был старше Бабеля и еще лучше знал еврейскую жизнь в «черте оседлости». Р.И. Фраерман (1891—1972) с глубокой горечью говорил о том, что в пределах этой самой «черты» в течение столетий сложились своеобразное национальное бытие и неповторимая культура, которые теперь, увы, безвозвратно утрачены...

Однако среди родившихся позднее, чем Бабель и Фраерман, евреев господствовало иное мнение. Я рассказал тогда же о сетованиях Фраермана близкому мне поэту Борису Абрамовичу Слуцкому (1919—1986), и он не без гнева воскликнул: «Ну, Вадим, вам не удастся загнать нас обратно в гетто!» Подобное «намерение», разумеется, даже и не могло бы прийти мне в голову – уже хотя бы в силу его полнейшей утопичности. Тем не менее «реакция» Слуцкого была, несомненно, типичной для евреев, которые не могли иметь представления о реальной жизни в «черте оседлости», – несмотря даже на то, что жизнь эта нашла художественное и, более того, поэтическое воплощение, скажем, в прозе Шолом-Алейхема и живописи Шагала.

Могут, впрочем, возразить, что в произведениях Шолом-Алейхема и Шагала воссозданы не только «поэзия» жизни еврейских «местечек», но и ее тяготы и страдания. Однако такое возражение совершенно неосновательно, ибо литература и живопись того же времени, запечатлевшие русскую жизнь, ничуть не менее драматичны и даже трагедийны; собственно говоря, «поэзия бытия» и немыслима без тягот и страданий...

Но обратимся непосредственно к еврейскому «перемещению» 1920 – начала 1930-х годов. Сотни тысяч евреев после 1917 года бесповоротно уходили из тех городов и городков на западных землях России, где их предки жили в течение столетий, и устремлялись в центр России; только в Москву переселились к 1933 году, как мы видели, около четверти миллиона евреев!

Это своего рода «великое переселение», естественно, не могло не иметь самых существенных последствий. «Очень большое число евреев», резюмировал в своем исследовании М.С. Агурский, оказалось «в ряде жизненно важных областей государственной, экономической, социальной жизни».

Стоит сказать о том, что многие из пишущих об истории считают ненужной или даже вредящей истине самую постановку вопроса о роли «национального фактора» и, особенно, о роли евреев в истории России. Так, например, в 1992 году Г. А. Бордюгов и В. А. Козлов в своей совместной книге «История и конъюнктура» заявили:

«Мы собственными глазами видели, как в 1988 г. некоторые люди, опираясь на статью В. Кожина «Правда и истина» («Наш современник», 1988, № 4), составляли списки партийных работников 20—30-х годов с указанием их псевдонимов и фамилий и подсчитывали количество евреев в составе руководящих партийных органов. Очевидно, они считали, что это и есть та самая главная правда, та самая истина, до которой следует докапываться. Такие «простые» ответы были очень соблазнительны для неразвитого сознания, но это было нечто весьма и весьма чуждое как правде, так и истине. Заметим, что «простые ответы» часто возникают и от растерянности, и от незнания. Но есть незнание, которое ведет людей в библиотеки. А есть воинствующее невежество, которое зовет людей «бить жидов, спасать Россию»...»

К сожалению, подобные рассуждения отнюдь не редкость, и потому следует разобраться в их существе. Начну с конца. В течение последнего десятилетия (1988—1997) о весомой, а в отдельные периоды даже исключительно весомой роли евреев в трагической истории России 1910—1930-х годов писали и говорили очень многие авторы и ораторы, однако нельзя привести ни единого факта «битья жидов», — хотя межнациональных побоищ за это время в стране было сколько угодно... Бордюгов и Козлов, по всей вероятности, скажут, что такое все же могло бы случиться, и поэтому нельзя, мол, касаться столь «опасной» темы. При этом — хотели этого или не хотели наши авторы — неизбежно подразумевается, что нарушивший сей запрет человек предстает — пусть хотя бы «объективно», «невольно» — в качестве опаснейшего врага евреев, ибо люди с «неразвитым сознанием», прочитав его статью, примут решение «бить жидов».

Кстати сказать, согласившись с этим мнением, придется признать антисемитами М. Агурского и Д. Самойлова-Кауфмана, которые, не боясь острых углов, размышляли о непомерном «обилии» евреев в составе послеоктябрьской власти...

* * *

Конкретная «доля» евреев в важнейших, по определению М. Агурского, «областях жизни» 1930-х годов не выяснена со всей достоверностью, и вокруг этой проблемы нередко возникают сегодня горячие споры. Так, например, страстный борец против «антисемитизма» журналистка Евгения Альбац, признавая в своей книге об «органах», что «среди следователей НКВД-МГБ — и среди самых страшных в том числе — вообще было много евреев» (уже точно установленные факты никак не позволяют это игнорировать), все же утверждает: «... в процентном отношении — к общей численности еврейского народа в стране — евреев в НКВД было не больше, чем, скажем, русских или латышей».

Архивы ОГПУ-НКВД, в сущности, еще не изучены. Однако, что касается верховного руководства НКВД в середине 1930-х годов, оно доподлинно известно, ибо 29 ноября 1935 года в газете «Известия» было опубликовано сообщение о присвоении «работникам НКВД» высших званий — Генерального комиссара и комиссаров госбезопасности 1 и 2-го рангов (соответствовали армейским званиям маршала и командармов 1 и 2-го рангов, — то есть, по-нынешнему, маршала, генерала армии и генерал-полковника). И из 20 человек, получив-

ших тогда эти верховные звания ГБ, больше половины, – 11 (включая самого Генерального комиссара) были евреи, 4 (всего лишь!) – русские, 2 – латыши, а также 1 поляк, 1 немец (прибалтийский) и 1 грузин.

Стоит привести здесь прямо-таки поразительное заявление по поводу обилия евреев в «органах», сделанное принципиальным «юдофилом» А.М. Горьким еще в 1922 году:

«Я верю, что назначение евреев на опаснейшие и ответственные посты часто можно объяснить провокацией: так как в ЧК удалось пролезть многим черносотенцам, то эти реакционные должностные лица постарались, чтобы евреи были назначены на опаснейшие и неприятнейшие посты».

Закономерно, что Горький начал со слов «я верю» (а не «я знаю»), и, разумеется, он не смог бы назвать даже хотя бы одно имя из тех «многих черносотенцев», которые, сумев «пролезть» в ЧК, якобы заняли там положение, дающее им возможность назначать евреев на «ответственные посты»! К тому же – как уже было показано выше – суть дела состояла в назначении на такие посты не именно и только евреев, а вообще «чужаков», которые смотрели на русскую жизнь как бы со стороны и могли в тех или иных ситуациях «не щадить» никого и ничего... Часто можно столкнуться с утверждениями, что ВЧК и, затем, ГПУ вообще, мол, «еврейское» дело. Однако до середины 1920-х годов на самых высоких постах в этих «учреждениях» (постах председателя ВЧК-ОГПУ и его заместителей) евреев не было; главную роль в «органах» играли тогда поляки и прибалты (Дзержинский, Петерс, Менжинский, Уншлихт и др.), то есть, по существу, «иностранцы». Только в 1924 году еврей Ягода становится 2-м заместителем председателя ОГПУ, в 1926-м возвышается до 1-го зама, а 2-м замом назначается тогда еврей Трилиссер. А вот в середине 1930-х годов и глава НКВД, и его 1-й зам (Агранов) – евреи.

Впрочем, Е. Альбац может возразить, что, помимо самого верхнего «этажа», имелось множество руководящих сотрудников ОГПУ-НКВД, которые непосредственно осуществляли репрессии, и следует учитывать «национальные пропорции» не только на самом верху.

Документами, которые дали бы возможность точно выяснить эти «пропорции», мы пока не располагаем. Правда, не так давно киевский журнал «Наше минуле» опубликовал обширный свод «документов из истории НКВД УССР» (1993, № 1, с. 39—150), свидетельствующих, что на Украине евреи играли в репрессивных «органах» безусловно преобладающую роль. Но нас интересует центр страны, Москва, куда после 1917 года шел, по определению М.С. Агурского, «огромный приток еврейского населения», и множество евреев заняло чрезвычайно весомое положение «в ряде жизненно важных областей», к которым, понятно, относилось и ОГПУ-НКВД.

Ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации Александр Кокурин и сотрудник общества «Мемориал» Никита Петров опубликовали статистические данные о национальном составе НКВД в 1937 году, – правда, только о периферийных его сотрудниках; приводимые цифры предваряет следующее уклончивое разъяснение: «Статистические данные о состоянии (на 1 марта 1937 года) оперативных кадров УГБ (то есть местных «управлений госбезопасности». – В.К.) НКВД/ УНКВД (кадры ГУГБ Центра сюда не входят) выглядят так: общая численность – 23 857 человек... русские – 15 570 человек... евреи – 1776 человек...»

При этом остается совершенно неясным, каков был удельный вес тех и других среди «руководителей». Количество сотрудников «низших» званий (сержант ГБ, младший лейтенант, лейтенант) или вообще не имевших звания составляло 22 271 человек (имеются в виду местные УГБ) – то есть 93,4 процента (от 23857 человек), а количество сотрудников (опять-таки местных) с более или менее высокими званиями – от старшего лейтенанта ГБ (соответствовало нынешнему майору) до комиссара ГБ 1-го ранга (соответствовало генералу армии) – всего лишь 1585 человек, то есть 6,6 процента.

И архивисты должны были бы, конечно, сообщить, какая часть из 1776 евреев, являвшихся к марту 1937 года (то есть как раз ко времени широких репрессий) сотрудниками местных управлений ГБ, принадлежала к 22 271 носителю «низших» званий (и вообще не имевшим званий), а какая – к 1585 носителям высших. Публикаторы сведений, похоже, предпочли затушевать это соотношение...

Еще более важны, конечно, данные о национальном составе Главного управления ГБ (в Москве), которые в публикуемый материал вообще «не вошли» (по всей вероятности, опять-таки из-за опасений публикаторов быть обвиненными в «антисемитизме»).

Но точно известно, что в 1934—1936 годах во главе «центра» НКВД стояли два еврея и один русский (нарком Г.Г. Ягода и его заместители: 1-й – еврей Я.С. Агранов и 2-й – русский Г.Е. Прокофьев). В конце 1936 года впервые в истории ВЧК-ОГПУ-НКВД (о смысле этого – ниже) главой стал русский, Н.И. Ежов, Агранов остался 1-м замом, а из трех действовавших с конца 1936-го новых замов – М.Д. Бермана, Л.Н. Бельского (Левина) и М.П. Фриновского – только последний не был, возможно, евреем (точных сведений о его национальности у меня нет). Далее, «Главное управление ГБ Центра» состояло к 1937 году из 10 «отделов» (охраны, оперативного, контрразведывательного, секретно-политического, особого и т. д.), и начальниками по меньшей мере 7 (!) из этих 10 отделов были евреи.

И все же вполне достоверной и полной картины национального состава НКВД пока не имеется, – хотя вместе с тем едва ли есть основания сомневаться, что дело обстояло тогда так же, как и в других «жизненно важных» областях.

* * *

Чтобы показать, сколь значительной была в 1930-х годах роль людей еврейского происхождения в жизни столицы СССР, обратимся к такой, без сомнения, важной области, как литература, – к доподлинно известному нам национальному составу Московской организации ССП (Союза советских писателей), точнее, наиболее «влиятельной» ее части.

На первый взгляд может показаться, что это «перескакивание» от ОГПУ-НКВД к ССП неоправданно. Но можно привести целый ряд доводов, убеждающих в логичности такого сопоставления. Для начала вспомним хотя бы о том, что среди деятелей литературы того времени было немало людей, имевших опыт работы в ВЧК-ОГПУ-НКВД, – скажем, И.Э. Бабель, О.М. Брик, А. Веселый (Н.И. Кочкуров), Б. Волин (Б.М. Фрадкин), И.Ф. Жига, Г.Левин (Л.Г. Калмансон), Н.Г. Свиринов, А.И. Тарасов-Родионов и т. д.

Далее, своего рода «единство» с ОГПУ продемонстрировала большая группа писателей, побывавшая в августе 1933 года в концлагере Беломорканала, чтобы воспеть затем работу чекистов в широко известной книге, где выступили тридцать пять писателей во главе с А.М. Горьким.

Уместно привести также позднейшие (конца 1950-х – начала 1960-х годов) рассуждения писателя В.С. Гроссмана о И.Э. Бабеле и других: «Зачем он встречал Новый год в семье Ежова?.. Почему таких необыкновенных людей – его (Бабея. – В.К.), Маяковского, Багрицкого – так влекло к себе ГПУ? Что это – обаяние силы, власти?»

Особой «загадки» здесь нет, ибо Бабель сам служил в ВЧК, одним из наиболее близких Маяковскому людей был следователь ВЧК-ОГПУ и друг зампреда ОГПУ Агранова Осип Брик, Багрицкий же с чувством восклицал в стихах:

Механики, чекисты, рыбоводы,
Я ваш товарищ, мы одной породы...
и т. д.

Уже из этого, полагаю, ясно, что «сопоставление» ОГПУ-НКВД и ССП того времени не является чем-то несообразным. Что же касается национального состава «ведущей» части писателей Москвы, о нем есть точные сведения. Речь идет при этом не вообще о писателях, а о тех из них, которые имели тогда достаточно высокий официальный статус и потому в 1934 году стали делегатами всячески прославлявшегося писательского съезда, торжественно заседавшего шестнадцать дней – с 17 августа по 1 сентября.

Московская делегация была самой многочисленной: из общего числа около 600 делегатов съезда (со всей страны, от всех национальностей) к ней принадлежала почти треть – 191 человек. (Следует иметь в виду, что в опубликованном тогда «мандатной комиссией» съезда подсчете указана цифра 175, но здесь же оговорено: «не все анкеты удалось полностью обработать», и, согласно поименному списку делегатов, от Москвы участвовало в съезде на 16 человек больше).

Национальный состав московских делегатов таков: русские – 92, евреи – 72, а большинство остальных – это жившие в Москве иностранные «революционные» авторы (5 поляков, 3 венгра, 2 немца, 2 латыша, 1 грек, 1 итальянец; в кадрах НКВД, как мы видели, тоже было немало иностранцев). И если учесть, что население Москвы насчитывало к 1934 году 3 млн. 205 тыс. русских и 241,7 тыс. евреев, «пропорция» получается следующая: один делегат-русский приходился (3205 тыс.: 92) на 34,8 тысячи русских жителей Москвы, а один делегат-еврей (241,7 тыс.: 72) – на 3,3 тысячи московских евреев... Из этого, в сущности, следует, что евреи тогда были в десять раз более способны занять весомое положение в литературе, нежели русские, – хотя ведь именно русские за предшествующие революции сто лет создали одну из величайших и богатейших литератур мира!..

Но проблема проясняется, если вспомнить, что делегатами съезда 1934 года не являлись, например, Анна Ахматова, Михаил Булгаков, Павел Васильев, Николай Заболоцкий, Сергей Клычков, Николай Клюев (он был арестован за полгода до съезда), Михаил Кузмин, Андрей Платонов, – без которых нельзя себе представить русскую литературу того времени, – а также множество других значительных писателей.

Стихослагатель Безыменский заявил на съезде: «В стихах типа Клюева и Клычкова... мы видим... воспевание косности и рутины при охаивании всего... большевистского... Под видом «инфантилизма» и нарочитого юродства Заболоцкий издевался над нами... Стихи П. Васильева в большинстве своем поднимают и живописуют образы кулаков...»

Не было, понятно, на съезде и наиболее выдающихся русских мыслителей, органически связанных (как это вообще присуще русской мысли) с литературой, – Михаила Бахтина, Алексея Лосева, Павла Флоренского, которые к тому времени были репрессированы... На съезде задавали тон совсем другие «идеологи» – Иоганн Альтман, Михаил Кольцов (Фридлянд), Исай Лежнев (Альтшулер), Карл Радек (Собельсон) и т. п.

Виктор Шкловский провозгласил на одном из первых заседаний съезда: «Я сегодня чувствую, как разгорается съезд, и, я думаю, мы должны чувствовать, что если бы сюда пришел Федор Михайлович, то мы могли бы судить его как наследники человечества, как люди, которые судят изменника, как люди, которые сегодня отвечают за будущее мира. Ф.М. Достоевского нельзя понять вне революции и нельзя понять иначе, как изменника».

В данном случае в типичной для Шкловского претенциозной риторике выразился весьма существенный смысл: литературу необходимо отсечь от Достоевского и, в конечном счете, от всего наиболее глубокого в русской литературе.

Накануне съезда вышла книга его активного делегата И. Лежнева (Альтшулера) «Записки современника», где было немало проклятий в адрес Достоевского и выдвигалось четкое требование:

«...пора бросить набившие оскомину пустые разговоры о добре и зле по Толстому и Достоевскому». Вскоре И. Лежнев при содействии Давида Заславского добился – вопреки

даже воле самого Горького! – запрета издания «Бесов» Достоевского (запрет этот действовал затем более двадцати лет).

* * *

Как уже сказано, меня наверняка обвинят в тенденциозном подборе имен и фактов, предпринятом в «антисемитских» целях. Однако ситуация 1930-х годов такова, что подобные обвинения могут предъявлять либо совершенно бесчестные, либо попросту не блещущие умом оппоненты. Чтобы доказать это, обращусь к суждениям одного обладавшего ясным умом писателя, размышлявшего впоследствии – на рубеже 1970—1980-х годов – о «вхождении» евреев в русскую жизнь и культуру. Он четко отграничил две принципиально различные «волны» в «русском еврействе» – дореволюционную и послереволюционную.

В первой «волне» так или иначе имело место (цитирую) «вживание еврейского элемента в сферу русской интеллигенции». Но после 1917 года «через разломанную черту оседлости хлынули многочисленные жители украинско-белорусского местечка, прошедшие только начальную ступень ассимиляции... непереваренные, с чуть усвоенными идеями, с путаницей в мозгах, с национальной привычкой к догматизму... Это была вторая волна зачинателей русского еврейства, социально гораздо более разноперая, с гораздо большими претензиями, с гораздо меньшими понятиями. Непереваренный этот элемент стал значительной частью населения русского города... Тут были... многочисленные отряды красных комиссаров, партийных функционеров, ожесточенных, поднятых волной, одуренных властью. Еврейские интеллигенты шли в Россию (имеется в виду Россия до 1917 года. – В.К.) с понятием об обязанностях перед культурой. Функционеры шли с ощущением прав, с требованием прав... Им меньше всего было жаль культуры, к которой они не принадлежали».

Перед нами совершенно верный «диагноз», к которому мало что можно добавить. А любителям выискивать в таких размышлениях «антисемитизм» сообщаю, что снова цитирую рассуждения Давида Самуиловича Кауфмана (1920—1990) – поэта, известного под именем Д. Самойлов. В порядке уточнения скажу только, что, во-первых, людям, о коих он говорит, не только не было «жаль» русской культуры; она в ее глубоком смысле была им чужда или даже враждебна. А кроме того, они в значительной или даже в полной мере оторвались и от той культуры, носителями которой были их отцы и деды.

Так, игравший одну из ведущих ролей на писательском съезде 1934 года Ицик Фефер (он стал после него членом Президиума Правления Союза писателей) в своей речи заявил о скончавшемся накануне крупнейшем еврейском поэте Хаиме-Нахмане Бялике (1873—1934), что тот писал «о разрушенном Иерусалиме и о потерянной родной земле, но это была буржуазная ложь...» И вынес Бялику совсем уж тяжкий приговор: «Перед смертью он (Бялик. – В.К.) заявил, что гитлеризм является спасением, а большевизм проклятием еврейского народа» (кстати сказать, как совершенно точно известно, Фефер в 1940-х годах был немаловажным секретным сотрудником НКВД-МГБ; не исключено, что это его сотрудничество началось намного раньше).

Выше уже шла речь о том, что неверно говорить в XX веке о евреях «вообще», ибо есть евреи, сохраняющие свою национальную сущность, евреи, так или иначе вжившиеся в русскую (или иную) культуру, и, наконец, те из них, кто утратили еврейскую культуру и не обрели реального приобщения к русской. И это в высшей степени существенные различия; именно последний «тип» и был «востребован» в условиях революционного катаклизма, и, в частности, именно люди этого типа играли значительнейшую роль и в литературе, и в других «жизненно важных областях», – включая ОГПУ-НКВД.

До 1937 года они беспощадно расправлялись с «чужими», но в конце концов дело дошло до жестокой расправы в своей собственной среде, вплоть до родственников... Каза-

лось бы, этому должна была препятствовать тысячелетняя (сложившаяся в «рассеянии») мощная традиция еврейской сплоченности и взаимовыручки, однако традиция эта действовала в условиях, когда евреи так или иначе противостояли «чужой» для них власти; когда же они сами в громадной степени стали властью, извечный «иммунитет» начал утрачиваться... Напомню, что прозорливый Василий Розанов в 1917 году в своем «Апокалипсисе нашего времени» предостерегал евреев от обретения власти, утверждая, что «их место» (политическое) – «у подножия держав».

Как уже сказано, на политической сцене подвизались евреи, которые, не войдя в русскую жизнь, вместе с тем «ушли» из своей национальной жизни, хотя и могли вдруг обратиться к ней в момент потрясения, – особенно на пороге смерти. А. Орлов-Фельдбин рассказал о дикой сценке: «20 декабря 1936 года, в годовщину основания ВЧК-ОГПУ-НКВД Сталин устроил для руководителей этого ведомства небольшой банкет... Когда присутствовавшие основательно выпили, Паукер (комиссар ГБ 2-го ранга, т. е. генерал-полковник. – В.К.)... поддерживаемый под руки двумя коллегами... изображал Зиновьева, которого ведут в подвал расстреливать (это было ранее, 25 августа 1936 года. – В.К.). Паукер... протер руки к потолку и закричал: “Услышь меня, Израиль, наш Бог есть Бог единый!”»

Не исключено, что, когда 14 августа 1937 года повели на расстрел самого Паукера, и он кричал нечто подобное (ведь и сам рассказавший о Зиновьеве и Паукере резидент НКВД в Испании Орлов-Фельдбин, бежавший в июле 1938 года в США, уже в сентябре этого года посетил там синагогу...)

И вполне естественно усматривать особенный – и существенный – смысл в том, что накануне 1937 года главой «органов» был (впервые!) назначен русский, Ежов, хотя 1-м замом остался Агранов (к тому же получивший теперь и должность начальника Главного Управления Госбезопасности), а другими замами – М. Берман и Бельский-Левин, – не говоря уже о 7 (из 10) начальниках отделов Главного управления Госбезопасности. Ежов полновластно управлял НКВД менее двух лет; летом 1938 года (по другим сведениям, даже ранее, уже в апреле) к нему был приставлен Берия, тут же начавший перехватывать управление в свои руки (хотя официально Ежов был заменен Берией на посту наркома позднее, в ноябре). Но Ежов «успел» уничтожить множество главных деятелей НКВД – таких, как Ягода, Агранов, Паукер, Слуцкий, Шанин, Бокий, Островский, Гай и т. д., которым, вероятно, очень нелегко было бы уничтожить друг друга (или даже, пожалуй, брат брата...). Ежов выступал как своего рода беспристрастный арбитр...

* * *

Теперь целесообразно обратиться к широко известным мемуарам Льва Разгона. Его опубликованное в 1988—1989 годах более чем трехмиллионным (!) тиражом «Непридуманное» вызвало поистине сенсационный интерес, но, возможно, именно потому довольно быстро было, в сущности, забыто. Когда всего через пять лет, в 1994-м, Разгон переиздал свои мемуары (к тому же со значительными дополнениями и более «завлекательным» названием – «Плен в своем Отечестве»), тираж их оказался почти в 700 (!) раз меньшим – всего 5 тыс. экз.

Рассказы Разгона были восприняты массой читателей наскоро, бездумно, и об этом вполне уместно сожалеть, ибо, несмотря на то, что в его сочинении, вопреки заглавию, немало «придуманного», оно дает очень существенный материал для понимания феномена «1937 год». Речь идет при этом не столько о «фактической» стороне мемуаров, сколько о воссозданном – или, вернее, как бы невольно воссоздавшемся – в них сознании (и, соответственно, поведении) самого автора и его окружения, его «среды».

В глазах Разгона «центр» этой среды – его собственный «семейный клан». Я вовсе не навязываю это определение Льву Эммануиловичу; он сам говорит, например: «Мой двоюродный брат, Израиль Борисович Разгон, был самым знаменитым в нашем семейном клане. Сын мелкого музыканта, игравшего на еврейских свадьбах...» Да, буквально: кто был ничем, тот стал всем... После 1917 года «Израиль комиссарил на Западном фронте», был «главнокомандующим Бухарской народной армии... Потом отправился военным советником в Китай... Вершиной его китайской карьеры была должность начальника политического управления Китайской народной армии... Затем много лет был заместителем командующего Черноморским флотом, заместителем командующего Балтийским флотом...» – весьма высокое положение.

Другой двоюродный брат Разгона стал заместителем начальника Московского уголовного розыска и членом так называемой «тройки», которая отправляла в ГУЛАГ «социально вредные элементы». Согласно рассказу Разгона, его кузену регулярно приносили «огромную – в несколько сотен листов – кипу документов. Не прерывая разговора со мной, Мерик («полное» имя этого своего кузена Разгон не сообщил. – *В.К.*) синим карандашом подписывал внизу каждый лист... Он не заглядывал в эти листы, а привычно, не глядя, подмахивал. Изредка он прерывался, чтобы потрясти уставшей (! – *В.К.*) рукой». Разгон толкует сие занятие своего кузена как неприятную «повинность» чиновника, которого, как и других крупных чиновников, назначили «членом тройки»: «...почти все они подписывались таким же образом, и единственный, кто реально решал участь этих людей («социально вредных». – *В.К.*), был тот сержант, лейтенант или капитан, кто составлял бумагу, под которой подписывались остальные». Об этом типичнейшем для книги Разгона перекладывании «вины» с «высших» на самых «низших» мы еще побеседуем.

Упоминает Разгон и о своем родном старшем брате, которого называет «Соля». О его карьере не сообщается, но показательно, что в 1928 году Соля пригласил младшего брата отдохнуть в Крыму на богатейшей даче, принадлежавшей в свое время самому П.Н. Милюкову.

Что касается личной карьеры Разгона, она поначалу была вроде бы скромной: он вел работу с юными пионерами, бывал пионервожатым, сочинял (об этом, правда, не упомянуто в мемуарах) в конце 1920 – начале 1930-х книжки для «Библиотеки пионера-активиста». Но затем Разгон вступил в очень «престижный» брак: его супругой стала дочь одного из главных деятелей ВЧК-ОГПУ-НКВД Г.И. Бокия, к тому же ко времени женитьбы Разгона она была падчерицей находившегося тогда на вершине своей карьеры партаппаратчика И.М. Москвина, к которому в начале 1920-х годов «перешла» супруга Бокия вместе с младшей дочерью.

Москвин до 1926 года являлся одним из сподвижников «хозяина» Ленинграда – Зиновьева, но, по рассказу самого Разгона, во время острой борьбы с левой оппозицией «был самым активным в противодействии зиновьевцам» и за эту заслугу «взлетел на самый верх партийной карьеры» – стал членом Оргбюро ЦК и кандидатом в члены Секретариата ЦК, войдя тем самым в высший эшелон власти, состоявший всего только из трех десятков человек (члены Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК).

Стоит сказать еще и о том, что «переход» жен от одного к другому руководящему деятелю характерен для того времени и обусловлен как раз «клановостью», «кастовостью» правящего слоя. Слой этот, естественно, состоял главным образом из мужчин, и своего рода «дефицит» соответствующих определенным критериям женщин приводил к тому, что, скажем, супруга члена ЦК Пятницкого-Таршиса стала затем супругой члена Политбюро Рыкова, жена другого члена ЦК, Серебрякова, перешла к кандидату в члены Политбюро Сокольникову-Бриллианту и т. п.

Бокий сохранил дружественные отношения с бывшей женой и постоянно, – по сообщению Разгона, «почти каждую неделю», – посещал квартиру Москвина. И деятель пионерского движения Разгон решил сделать карьеру в НКВД под руководством отца своей жены. Как уже отмечалось, в первом издании своего «Непридуманного» Разгон об этом «скромно» умолчал. Всячески обличая и проклиная НКВД, он утверждал, что он-то в 1937 году занимался изданием книг для детей, сотрудничая с уже знаменитым тогда Маршаком. Однако это его возвращение в сферу деятельности, в которой он подвизался в юные годы, произошло после его увольнения из НКВД.

16 мая 1937 года был арестован Бокий. Разгон указал в своих мемуарах иную, противоречащую документам дату этого ареста – 7 июня; перед нами, вероятно, дата увольнения из «органов» самого Разгона, которую он поэтому счел датой ареста своего тестя. Вместо НКВД Разгон стал служить в Детиздате, причем, очевидно, на достаточно высокой должности, поскольку, по его словам, занимался разработкой планов этого издательства совместно с Маршаком. Спустя год, 18 апреля 1938 года, Разгон был арестован и осужден на пять лет заключения (осудили его, в частности, как уже сказано, за обличение «контрреволюционности» нового идеологического курса страны, возрождающего-де монархию).

Можно предвидеть, что кто-либо усомнится в целесообразности подробного обсуждения мемуаров одного из сотрудников НКВД. Но, во-первых, история в конечном счете воплощается в судьбах отдельных людей, и только долгое господство в историографии XX века работ, сводивших все и вся к социально-политическим схемам, мешает увидеть и понять это. Во-вторых, мемуары Разгона весьма небезынтересны – и не только тем, что они сообщают, но и тем, о чем они умалчивают.

По-своему замечателен уже тот факт, что Разгон, подробно рассказывая о себе в «Непридуманном», не сказал ни слова о своей службе в проклинаемом им теперь, спустя много лет, НКВД, – надеясь, вероятно, на уничтожение или полную недоступность соответствующих документов. В 1992 году была издана книга Евгении Альбац, посвященная беспощаднейшему обличению ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ, которые, по ее определению, с 1917 года осуществляли «геноцид в отношении собственного народа». Она особо отмечала, что в НКВД «было много евреев», ибо революция подняла на поверхность, как определила Альбац, «все самое мерзкое... вынесла на простор Отечества именно подонков народа (в данном случае – еврейского. – В.К.). И в НКВД, на эту кровавую работу, пришли те, для кого она была возможностью самоутвердиться, ощутить свою власть». Евреи, «трудившиеся в органах, – утверждает Альбац, – были лучше образованы... а потому быстрее продвигались по служебной лестнице, да еще благодаря своему генетическому страху особо усердствовали, опасаясь, что их уличат в «мягкости» к своим... Расплата наступила скорее, чем они предполагали».

«Оценка» предельно резкая, но в то же время книга Альбац посвящена не кому-нибудь, а бывшему сотруднику НКВД Разгону! Более того, ему уделена в книге особая глава под названием «Немного о любви», и он назван «бесконечно дорогим и близким» автору человеком... Очевидно, Разгон, – несмотря на всю «близость» к Альбац, – утаил и от нее свою службу в НКВД, столь ненавистном ей, и это, мягко говоря, несимпатичный поступок.

Но, к прискорбию для Разгона, несколько позже историк Т.А. Соболева заинтересовалась фигурой его тестя и начальника Бокия, по сохранившимся все же документам установила, что в возглавляемом им «Спецотделе» НКВД служил уцелевший Лев Эммануилович, и обратилась к последнему за информацией. Поэтому во втором издании мемуаров (1994 года) Разгону, во-первых, волей-неволей пришлось признаться (правда, он сделал это в одной беглой фразе), что он таки служил в НКВД, и, во-вторых, совсем по-иному, чем в первом издании, охарактеризовать своего тестя.

В первом издании мемуаров Бокий был преподнесен как своего рода исключение, уникальн в чекистских кругах: он помогает спасти от неминуемой гибели одного из великих князей, оказывает услуги готовому эмигрировать Шляпину и т. п. И, вообще, как написал Разгон, в Бокии «при всех некоторых странностях» (именно такая формулировка!) «было какое-то обаяние».

Во втором издании своих мемуаров – уже после общения с историком Т.А. Соболевой – Разгон, по-прежнему оговаривая, что его тесть Бокий иной человек, «нежели Ягода, Паукер, Молчанов, Гай и другие», что он человек «из интеллигентной семьи, хорошего воспитания, большой любитель и знаток музыки», все же вынужден был не ограничиться подобными «штрихами». Мемуарист теперь «вспомнил», что именно Бокий «был автором идеи создания концентрационного лагеря и первым его куратором... Ни образование, ни происхождение, ни даже профессия нисколько не мешали чекистам быть обмазанными невинной кровью с головы до ног... – «вспомнил» во втором издании Разгон. – Бокий... после убийства Урицкого стал председателем Петроградской ЧК и в течение нескольких месяцев... руководил «красным террором»... С 1919 года был начальником Особого отдела Восточного фронта... невозможно подсчитать количество невинных жертв на его совести...»

Но, уверял здесь же Разгон, позднее, после завершения гражданской войны, Бокий-де отошел от кровавых дел и (цитирую) «с 1921 года и до самого своего конца был создателем и руководителем отдела, который даже не был отделом ОГПУ, а официально считался «при»... в этом отделе никого и никогда не арестовывали и не допрашивали».

Разгон в очередной раз ухитрился «забыть», что, согласно документам, в середине 1920-х годов, то есть в уже «мирное время», в ОГПУ было «для осуществления внесудебной расправы... организовано Особое совещание... в его состав входили В.Р. Менжинский, Г.Г. Ягода и Г.И. Бокий». Кроме того, Разгон без всяких оснований «вывел» возглавлявшийся Бокием с 1921 по 1937 год «Спецотдел» за рамки ОГПУ-НКВД, ибо, согласно документам, во время службы там Разгона это был именно один из отделов (9-й) Главного Управления Госбезопасности (ГУГБ) НКВД, и сам Бокий имел звание комиссара ГБ 3-го ранга (т. е. генерал-лейтенанта).

Вполне понятно, что Разгон, пытаясь «отделить» Бокия от НКВД, думал прежде всего о собственной репутации. Но одновременно с выходом второго издания его мемуаров вышла в свет основанная на тщательном исследовании фактов книга Т.А. Соболевой, в которой установлено, что возглавлявшийся Бокием Спецотдел «являлся частью репрессивного аппарата» и с течением времени становился «все больше вовлекаемым в поток репрессий».

Важно отметить, что Т.А. Соболевой вовсе не свойственна какая-либо предубежденность по отношению к Бокию и его сотрудникам; напротив, она высказывает предположение, что «кровавый террор», в который они были «вовлекаемы», «тяжким бременем лег на души и совесть честных партийцев. Многие начинали осознавать ужас трагедии» (там же). Факты, однако, убеждают, что «осознание» начиналось лишь тогда, когда террор доходил непосредственно до самих этих «честных партийцев»...

Между прочим, Разгон, пытаясь «отделить» Бокия (и, конечно, самого себя) от репрессивной машины, вместе с тем не смог преодолеть стремления показать особую значительность своего тестя и написал, что Бокий и возглавляемый им Спецотдел «были, пожалуй, самыми закрытыми во всей сложной и огромной разведывательно-полицейской машине... Бокий из всех возможных и невозможных по своим обязанностям фигур вокруг сосредоточения власти был самым информированным, самым знающим, от него не могли укрыться никакие тайны»; не исключено, что Разгон намекнул здесь на фамилию своего тестя – Бокий, – которая, согласно авторитетному исследованию филолога Б. Унбегауна, происходит от древнееврейского слова, означающего «сведущий человек», и имела распространение среди евреев Украины.

Все вышеизложенное нельзя не сопоставить со следующей возмущенной сентенцией из мемуаров Разгона: «...никто из многих тысяч людей, служивших в этих огромных домах на Лубянской площади, никто из них... не выступил устно или письменно со словами и слезами покаяния»...

Но помилуйте! Ведь сам Разгон служил в этих самых «домах», однако в его простран-ных письменных излияниях не найти и намека на его собственное «покаяние»... В гневе он бессознательно проговаривается, что после его ареста (18 апреля 1938 года) его «ночной Москвой везли к знакомому проклятому дому»; дом был ему действительно «знаком», поскольку до июня 1937 года он сам в нем подвизался...

И здесь мы подходим к главному: сущности самосознания подобных Разгону людей, занимавшихся в 1937 году «пожиранием» друг друга. Вот одно поистине ярчайшее проявление этой сущности. Разгон с крайним, прямо-таки яростным негодованием пишет о том, что приговоры 1937 года нередко включали в себя пункт о «конфискации имущества» репрессированных, которое затем выставлялось на продажу в магазинах «случайных вещей», – вещей, как определяет Разгон, «награбленных энкавэдэшниками» (употребив презрительное прозвание в первом издании своих мемуаров, он, очевидно, полагал, что его собственная принадлежность к этим самым «дэшникам» останется тайной). «Осенью 37-го года я проходил по Сретенке мимо одного такого магазина... – вспоминал Разгон. – И, войдя, сразу же в глубине магазина увидел наш диван... Со львами, вырезанными из черного дерева, по краям... рядом с диваном в магазине стояла мебель из кабинета» (москвинского). И, как поясняет тут же Разгон, это была мебель из «какой-то крупночиновой петербургской квартиры, доставшейся секретарю Севзапбюро Москвину, и затем... перевезенная в Москву». И Разгон с предельным гневом заявляет, что расправившиеся с Москвиным «энкавэдэшники», которые конфисковали и выставили на продажу его мебель, «были не только убийцами, но и мародерами».

Здесь с разительной ясностью запечатлелось разгоновское «самосознание»: ему и подобным ему субъектам даже не может прийти в голову, что, исходя из его собственного «простодушного» рассказа, определение «мародеры» приходится отнести (и с гораздо большими основаниями!) к его собственному семейному кругу, которому «досталась» – вернее сказать, была просто присвоена (а не куплена при распродаже конфискованного имущества) мебель (затем перевезенная в Москву, – в другую «доставшуюся» квартиру), принадлежавшая, вполне вероятно, человеку, убитому во время «красного террора», руководимого председателем Петроградской ЧК Бокием... Тут наиболее прискорбен (и, в сущности, чудовищен) тот факт, что Разгон не усматривает ничего «компрометантного» в этом своем рассказе о «нашем» (москвинском) диване и прочем...

* * *

Едва ли не самый характерный мотив мемуаров Разгона – так или иначе выразившееся в них «убеждение», что до 1937 года все обстояло, в общем, благополучно. Разгон вспоминает, в частности, что даже и сам 1937 год он «встречал в Кремле у Осинских... встреча... была такой веселой... мы пели все старые любимые песни... тюремные песни из далекого прошлого. Которое не может повториться...» (кстати, к этому времени уже были расстреляны Зиновьев и Каменев, – но ведь тот же Москвин беспощадно боролся с ними еще десятью годами ранее, в 1926 году).

Разгон говорит с крайним негодованием о наметившемся к концу 1930-х годов своего рода «сближении» тех, кого он называет «маленькими и ничтожными людьми», с верховной властью, – и здесь он в известной мере прав. Характерно, что видный деятель НКВД, гене-

рал-лейтенант Павел Судоплатов, вспоминает, как он с некоторым даже удивлением воспринимал поведение нового главы (с ноября 1938 г.) своего наркомата:

«Берия часто был весьма груб в обращении с высокопоставленными чиновниками, но с рядовыми сотрудниками, как правило, разговаривал вежливо. Позднее мне пришлось убедиться, что руководители того времени позволяли себе грубость лишь по отношению к руководящему составу, а с простыми людьми члены Политбюро вели себя подчеркнуто вежливо».

И именно это изменение роли и положения «простых людей» было неприемлемо для Разгона и его круга. Так, в мемуарах другого сотрудника НКВД, К. Хенкина (племянника популярнейшего в 1930-х годах актера), который вообще во многом «перекликается» с Разгоном, с крайним негодованием говорится о постепенной замене «кадров» в «органах»: «...на место исчезнувших пришли другие. Деревенские гогочущие хамы. Мои друзья (по НКВД. – В.К.) называли их... «молотобойцы»...» То ли дело его, Хенкина, «высший начальник» – полковник ГБ «Михаил Борисович Маклярский, наблюдавший до войны за миром искусства»: «Михаил (Исидор) Борисович был человек немного плутоватый, но вовсе не злой. Любящий отец и заботливый муж, неплохой, по советским понятиям, товарищ».

Следует учитывать, что Хенкин, в отличие от Разгона, в 1973 году эмигрировал «по израильской визе», хотя отнюдь не поселился на «исторической родине», а стал сотрудником пресловутой радиостанции «Свобода» (ранее он много лет выполнял те же функции во французской редакции московского контрпропагандистского радио; эта способность с успехом делать одно и то же дело и «здесь», и «там» по-своему замечательна...). В 1980-м мемуары Хенкина были опубликованы эмигрантским издательством «Посев», а в 1991-м переизданы в Москве.

Любопытен его рассказ о том, как ему, прежде чем его удостоили поста на «Свободе», пришлось доказывать представителю спецслужб США, что он не столь уж заслуженный деятель НКВД. Американца смущало, в частности, то, что Хенкин проживал в сталинской «высотке» на Котельнической набережной. В ответ Хенкин не без ловкости представил дело так, что в этот дом поселяли «известных» людей: «...в моем подъезде была квартира Паустовского, в пятом жил Вознесенский, в девятом – Твардовский и Фаина Григорьевна Раневская... жили в этом доме Евтушенко, Зыкина, Уланова...» Однако, во-первых, Хенкин отнюдь не принадлежал к подобным «знаменитостям», а, во-вторых, для тех, кто хотя бы в общих чертах знает сей дом, не является секретом, что среди его насельников преобладали высокие чины МГБ.

Но вновь обратимся к суждению Хенкина о том, что место его «друзей» (точнее – «исчезавших» друзей его друзей) в НКВД занимают «деревенские хамы», эти страшные «молотобойцы». В определенном смысле Хенкин прав, хотя тот процесс замены «кадров», о котором он говорит, был весьма длительным и завершился только в 1950-х годах... Тем моим читателям, которые – это не исключено – удивятся, почему я уделяю столь большое внимание «концепции» Хенкина, следует учитывать, что сей мемуарист «откровеннее» других высказался о том, о чем говорили и говорят многие. Так, не какой-нибудь второстепенный «энкавэдэшник» вроде Хенкина, а сам Никита Хрущев с прискорбием заявил в своих воспоминаниях, что в 1937—1938 годах, когда репрессии обрушились на «честных партийцев», шли также (цитирую) «аресты чекистов. Многих я знал, как честных, хороших и уважаемых людей... Яков Агранов (тот самый, который в 1921 году вел «дело» Николая Гумилева, а в 1934-м приказал арестовать Ключева и Мандельштама. – В.К.) – замечательный человек... Честный, спокойный, умный человек. Мне он очень нравился... был уполномоченным по следствию, занимался (в 1930-м году. – В.К.) делом Промпартии (как давно установлено, в основе своей сфальсифицированным. – В.К.). Это действительно был следователь!.. Арестовали и его и тоже казнили».

И далее своего рода «обобщение»: «Берия, – утверждает Хрущев, – завершил начатую еще Ежовым чистку (в смысле уничтожения) чекистских кадров еврейской национальности. Хорошие были работники. Сталин начал, видимо, терять доверие к НКВД и решил брать туда на работу людей прямо с производства, от станка... Им достаточно было какое-то указание сделать и сказать: «Главное арестовывать и требовать признания... бить его (ср. «молотобойцы» Хенкина. – В.К.), пока не сознается, что он «враг народа»...»

Буквально все процитированные утверждения Хрущева заведомо искажают действительность, и надо прямо сказать, что нынешняя публикация этих и подобных им страниц хрущевских мемуаров без каких-либо комментариев – дело просто-таки возмутительное.

Ведь никуда не денешься от того факта, что именно восхваляемые Хрущевым первоначальные «чекистские кадры» (а вовсе не пришедшие им на смену позже) осуществляли террор 1937 года (он вообще-то начался еще в 1936-м, при Ягоде), а с определенного момента начали уничтожать друг друга (факты приводились выше). Далее, совершенно лживо утверждение, согласно которому в 1937—1938 годах «изничтожались» именно «кадры еврейской национальности»: во-первых, обилие погибших тогда евреев всецело обусловлено обилием их в «руководстве» НКВД, а во-вторых, действительная «чистка кадров еврейской национальности» имела место намного позднее, в начале 1950-х годов, и сам Хрущев, ставший в 1949 году секретарем ЦК именно «по кадровым вопросам», играл в этой «чистке» очень существенную или даже вообще главную роль – чем, очевидно, и объясняется предпринятая им в мемуарах грубая фальсификация положения в 1937 году.

Но главная и поистине возмущающая ложь Хрущева состоит в том, что «самое страшное» в НКВД началось будто бы тогда, когда туда стали брать «людей от станка» (или «от сохи»). Тот факт, что такие люди после 1937—1938 годов стали занимать все более значительное место и все более высокое положение в НКВД и, позднее, МГБ, несомненен (так, в 1939 году заместителем – и затем даже 1-м замом – наркома НКВД назначается доподлинный крестьянин С.Н. Круглов, до 1929 года живший и трудившийся в тверской деревне).

Однако именно с 1939 года масштабы террора самым кардинальным образом сократились. Хрущев беззастенчиво лгал, уверяя, что «новые кадры» (от станка и сохи) занялись буквальным «вышибанием» признаний у «врагов народа» и, естественно, их казнями. В последние годы были с полной точностью выяснены и опубликованы сведения о вынесенных на основе «деятельности» НКВД и, позднее (с 1946 года), МГБ смертных приговорах «врагам». В течение 1937—1938 годов, когда во главе еще стояли превозносимые Хрущевым имевшие многолетний стаж «чекистские кадры» (правда, как раз в эти годы «изничтожаемые», точнее, сами себя уничтожавшие), были приговорены к смерти 681 692 «врага», в 1939—1940-м – 4201 «враг», а в течение 1946—1953 годов были приговорены к смерти 7895 человек.

Мне, вполне вероятно, возразят, что это чрезвычайно резкое сокращение количества смертных приговоров объясняется не сменой «кадров» в НКВД-МГБ, а тем, что «наиболее опасные» реальные или мнимые «враги» («враги» Сталина или тогдашней верховной власти в целом) были, в основном, уничтожены в 1937—1938 годах, и позднее, так сказать, уже некого было казнить... Однако даже если и согласиться с подобным истолкованием столь кардинального сокращения казней (в 360 раз!), оно не колеблет высказанные ранее соображения: «деревенские хамы», пришедшие в НКВД на смену прежним «чекистским кадрам», отнюдь не проявляли той, унесшей сотни тысяч жизней, кровожадности, которая была присуща их предшественникам, – хотя и Хенкин, и Хрущев, и многие другие утверждали и утверждают – совершенно безосновательно – обратное.

А истинная суть дела заключается в том, что после 1937 года решительно изменилось само общее положение вещей в стране, и поднимавшиеся наверх «деревенские хамы» соответствовали этому новому положению...

* * *

Следует сказать еще вот о чем. С 1991 года всецело господствовало представление о второй половине 1930-х годов как о самом «негативном» периоде в истории послереволюционной России; даже перечисляя какие-либо «достижения» этих лет, их толковали как своего рода чисто пропагандистские акции, «организованные» с целью «заслонить» от народа чудовищную реальность.

Но в наши дни стали, наконец, появляться исследования, которые, отнюдь не закрывая глаза на насилия и кровавый террор, вместе с тем выявляют «позитивный» смысл этого времени. Весьма основательно делает это историк «новой волны», никак не связанный с коммунистическим догматизмом, – М.М. Горинов. Особенное удовлетворение вызывает его работа «Черты новой общественной системы», в которой он пишет: «Если попытаться определить общую доминанту, направление советского общества в 30-е годы (стоило бы уточнить: во вторую половину 30-х. – В.К.), то, думается, вряд ли следует их рассматривать в парадигме «провала» в «черную дыру» мировой и русской истории. На наш взгляд, в этот период происходит болезненная, мучительная трансформация «старого большевизма» в нечто иное... В этот период в экономике на смену эгалитаристским утопиям рубежа 20—30-х гг. идет культ инженера, передовика, профессионализма; более реалистичным становится планирование... В области национально-государственного строительства реабилитируется сама идея государственности...»

Охарактеризовав признаки этой «трансформации» в целом ряде сфер бытия страны, М.М. Горинов подводит итог: «Таким образом, по всем линиям происходит естественный здоровый процесс реставрации, восстановления, возрождения тканей русского (российского) имперского социума. Технологическая модернизация все больше осуществляется на основе не разрушения, а сохранения и развития базовых структур традиционного общества».

«Реставрация» – разумеется, весьма относительная – России после катаклизмов конца 1910-х – начала 1920-х и конца 1920-х – начала 1930-х годов была результатом именно «естественного» движения истории, которое можно упрощенно истолковать по аналогии с движением маятника: революция – НЭП; коллективизация – «реставрационные» процессы второй половины 1930-х годов.

Вполне понятно и по-своему «оправдано» присущее в 1930-х годах людям связывание всего происходившего с именем Сталина, ибо порожденные объективно-историческим ходом вещей «повороты» (тот же поворот к патриотизму), так или иначе «санкционировались» генсеком и воспринимались под знаком его имени. С конца 1920-х годов многие люди воспринимали движение истории «под знаком Сталина», и есть существенный смысл в анализе изменений в «оценке» генсека, совершившихся за этот период в сознании, например, писателей и поэтов.

Сейчас, скажем, широко известно, что Осип Мандельштам в ноябре 1933 года написал предельно резкие стихи о Сталине, а всего через три с небольшим года, 18 января 1937-го, начал работу над стихотворением, являющим собой восторженную «оду» Сталину...

Об этом – поразительном в глазах многих нынешних авторов – изменении в сознании поэта есть уже целая литература, но почти вся она крайне поверхностна. Так, почти не учитывается, что это изменение было типичным для наиболее значительных писателей 1930-х годов, – писателей, в чьем творчестве воплощалось служение России, а не прислуживание – подчас прямо-таки лакейское – господствующей в данный момент политической тенденции. Слово «лакейское» здесь вполне уместно; М.М. Бахтин еще в 1920-х годах говорил о «лакействе» как об определяющем качестве сочинений уже знаменитого тогда Ильи Эренбурга.

«Лакей», помимо прочего, всегда готов превзойти своего «хозяина» в агрессивности по отношению к врагам. И. Эренбург писал 24 июля 1942 года: «Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово «немец» для нас самое страшное проклятие. Отныне слово «немец» разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать...» и т. д. И даже находящиеся вдали от фронта немки, утверждает Илья Григорьевич – не женщины: «Можно ли назвать женщинами этих мерзких самок?» Между тем ранее, 23 февраля 1942 года, Сталин в своем общеизвестном приказе отверг мнение, «что советские люди ненавидят немцев именно как немцев, что Красная Армия уничтожает немецких солдат именно как немцев, из-за ненависти ко всему немецкому... Это, конечно... неумная клевета...» и т. д.

Кто-либо, возможно, скажет, что Сталин лицемерил, ибо цитированные статьи Эренбурга все же публиковались. Однако после того, как наши войска заняли значительную часть Германии и убеждение, что «немцы – не люди» могло привести, а подчас и приводило к самым прискорбным последствиям, поток регулярных статей Эренбурга прекратился. Между 11 апреля и 10 мая 1945 года они не публиковались, а 18 апреля в «Правде» появилась директива начальника Агитпропа ЦК Г.Ф. Александрова под деликатным названием «Товарищ Эренбург упрощает». Позднее Илья Григорьевич с негодованием писал в своих мемуарах о пережитых им тогда «многих трудных часах», но, право же, все происшедшее было совершенно разумным...

Целесообразно сказать и об «экстремизме» другой знаменитости – Корнея Чуковского. Читая его изданный в 1994 году «Дневник. 1930—1969», многие его поклонники были шокированы запечатленным на его страницах безудержным воспеванием Сталина, которое прекратилось только после «партийных» обличений генсека. Но и удивление, и недовольство подобными записями в дневнике Чуковского, по сути дела, нелепо. Оно обусловлено внедренным за последние десятилетия в головы многих и многих людей ложным представлением, согласно которому все их «любимые» писатели 1920—1930-х годов якобы были настроены антисталински и даже антисоветски, и если и заявляли публично нечто иное, то только из опасения репрессий и т. п.

Из того же дневника Чуковского ясно, что такие будто бы оппозиционные вождю (и основам СССР вообще) люди, как Борис Пастернак и Юрий Тынянов, полностью разделяли его преклонение перед Сталиным. Нетрудно показать, что то же самое было присуще Бабелю, Зощенко, Вс. Иванову, Маршаку, Олеше, Паустовскому, Шкловскому и другим знаменитым делегатам писательского съезда 1934 года.

Словом, восхищение Корнея Чуковского Сталиным никак не выделяет его из рядов его коллег. И действительно удивиться можно другому – тому, что этот прославленный «друг детей» сумел далеко «превзойти» вождя в своей «революционной» агрессивности.

В мае 1943 года он отправил следующее (недавно впервые опубликованное) послание: «Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

После долгих колебаний я наконец-то решил написать Вам это письмо. Его тема – советские дети».

Стоило бы привести сие письмо целиком, но оно довольно пространное, и потому ограничусь отдельными цитатами из него. Отметив, что большинство советских детей его удовлетворяет («уже одно движение тимуровцев... является великим триумфом всей нашей воспитательной системы»), Корней Иванович сообщает вождю, что, вместе с тем, есть и «обширная группа детей, моральное разложение которых внушает мне большую тревогу... Около месяца назад в Машковом переулке у меня на глазах был задержан карманный вор», который «до сих пор как ни в чем не бывало учится в 613-й школе... во втором классе... Фамилия этого школьника Шагай... РайОНО возражает против его исключения... мне известно большое количество школ, где имеются социально-опасные дети, которых необходимо оттуда изъять... Вот, например, 135-я школа Советского района... в классе 3

«В» есть четверка – Валя Царицын, Юра Хромов, Миша Шаховцев, Апрель, – представляющая резкий контраст со всем остальным коллективом... Сережа Королев, ученик 1-го класса «В», занимался карманными кражами в кинотеатре «Новости дня»... я видел 10-летних мальчишек, которые бросали пригоршни пыли в глаза обезьянкам (в зоопарке. – В.К.)... Мне рассказывали достоверные люди о школьниках, которые во время детского спектакля, воспользовавшись темнотою зрительного зала, стали стрелять из рогаток в актеров...

Для их перевоспитания, – выдвигает свою «программу» Чуковский, – необходимо раньше всего основать возможно больше трудколоний с суровым военным режимом... Основное занятие колоний – земледельческий труд. Во главе каждой колонии нужно поставить военного. Для управления трудколониями должно быть создано особое ведомство... При наличии этих колоний можно произвести тщательную чистку каждой школы: изъять оттуда всех социально-опасных детей...

Прежде чем я позволил себе обратиться к Вам с этим письмом, – заключает «друг детей», – я обращался в разные инстанции, но решительно ничего не добился... Я не сомневаюсь, что Вы, при всех Ваших титанически-огромных трудах, незамедлительно примете мудрые меры...

С глубоким почитанием писатель К. Чуковский.

Во многих нынешних сочинениях о сталинских временах с предельным негодованием говорится о том, что имел место указ, допускавший изоляцию «социально-опасных» детей, начиная с 12-летнего возраста. Но «друг детей» Чуковский не мог примириться с тем, что на свободе остаются «социально-опасные» первоклассники – то есть 7–8-летние!...

Цитируемое послание лишний раз свидетельствует, что разграничение людей 1930–1940-х годов на «сталинских опричников» и «гуманных интеллигентов» не столь легко провести. Ведь Сталин не оправдал выраженных в письме надежд Чуковского, не предпринял предложенных «мер» по созданию детского ГУЛАГа...

Ясно, что для сочинения подобного письма необходимо было вытравить в себе духовные основы русской литературы. И Чуковского, и других авторов этого круга нельзя считать русскими писателями; речь может идти о «революционных», «интернациональных», в конце концов, «нигилистических», но только не о писателях, порожденных тысячелетней Россией.

* * *

В заключение имеет смысл перевести разговор в иную плоскость – обратиться к проблеме экономического развития во второй половине 1930-х годов. Вообще-то эта проблема еще не так давно была на первом плане в работах историков (хотя «сведение» истории к развитию экономики – едва ли плодотворное занятие), и читателям, интересующимся этой стороной дела, нетрудно обрести соответствующую информацию. И все же целесообразно охарактеризовать здесь общее состояние экономики после «1937-го», ибо оно, это состояние, по-своему подтверждает, что это время было все же трагедией определенного социально-политического слоя, а не народа – то есть бытия страны в целом.

В ходе совершавшегося с 1934 года «поворота» основные показатели промышленного производства увеличились к 1940 году более чем в два раза – что являло собой, в сущности, беспрецедентный экономический рост. За вторую половину 1930-х добыча угля выросла почти на 120%, выплавка стали – на 165%, производство электроэнергии – даже на 200%, цемента на 115% и т. д. Не столь резко увеличилась добыча нефти – на 53%, поскольку тогда были освоены, по существу, только ее бакинское и грозненское месторождения, однако в целом прирост количества энергоносителей (пользуясь популярным ныне термином) был очень внушительным. Достаточно сказать, что если в дореволюционное время Россия располагала в 5(!) раз меньшим количеством энергоносителей, чем Великобритания, и в 2,6

раза меньшим, нежели Германия, то в 1940-м СССР в этом отношении «обогнал» и первую (хоть и не намного – на 5%), и вторую (на 33%) и уступал только США. Примерно так же обстояло дело и с выплавкой стали.

По-своему знаменательно, что после революции в промышленности действительно произошел беспрецедентный сдвиг, притом, как отметил М.М. Горинов, «рост тяжелой промышленности осуществлялся невиданными доселе темпами. Так, за 6 лет СССР сумел поднять выплавку чугуна с 4,3 до 12,5 млн. тонн. Америке понадобилось для этого 18 лет».

Сегодня есть немало охотников доказывать или, точнее, уверять (ибо убедительных аргументов не имеется), что если бы революция «подарила» России не диктатуру, а экономическую свободу, достижения ее промышленности были бы еще более грандиозны, а к тому же и сельское хозяйство пышно расцвело бы – несмотря на неблагоприятные российские условия.

Подобные «альтернативные» проекты сами по себе могут представлять определенный интерес, но они, строго говоря, ровно ничего не дают истинному пониманию истории и даже вредят этому пониманию, ибо при постановке вопроса в плане «если бы... то...» мыслимая возможность затемняет, заслоняет реальную историческую действительность.

И необходимо осознать, что для «альтернативного» мышления типично противопоставление конструируемого им «проекта» предполагаемому «проекту» того или иного «руководителя», «вождя» (будь то Ленин, Сталин, Хрущев и т. д.); это вполне естественно, ибо каждый такой проект являет собой субъективное мнение, которое поэтому предлагается, в сущности, взамен реализованного, но так же будто бы субъективного – ленинского или сталинского – проекта, – а не объективного хода истории.

В этом сочинении я стремился показать, что движение истории определяется не замыслами и волеизъявлениями каких-либо лиц (пусть и обладавших громадной властью), а сложнейшим и противоречивым взаимодействием различных общественных сил, и «вожди» в конечном счете только «реагируют» – притом, обычно с определенным запозданием (как было, например, при введении нэпа или при повороте середины 1930-х годов к «патриотизму») на объективно сложившуюся в стране – и мире в целом – ситуацию.

Наконец, в самом ходе истории есть, как представляется, смысл, который, правда, трудно выявить, но который значительней всех наших мыслей об истории. Никто до 1941 года не мог ясно предвидеть, что страна будет вынуждена вести колоссальную – геополитическую – войну за само свое бытие на планете с мощнейшей военной машиной, вобравшей в себя энергию почти всей Европы. Но вполне уместно сказать, что сама история страны (во всей ее полноте) это как бы «предвидела», – иначе и не было бы великой Победы!

Приложение А. Север Причины сталинских репрессий. Малоизвестные факты

Революционеры или бизнесмены?

Безусловно, что одной из причин сталинских репрессий стала вопиющая коррупция в высшем эшелоне государственной власти. Свой рассказ об этом мы начнем с «демона революции» Льва Троцкого. Оставим в стороне его политическую деятельность – о ней написано достаточно подробно, а поговорим о том, как он, находясь на государственной службе, занимался бизнесом.

В 1917 году возвращавшийся из десятилетней эмиграции Лев Троцкий сделал остановку в Христиании (Осло) и оттуда отправил в Российскую империю вот такую лаконичную (без предлогов и знаков препинания) телеграмму:

«После месячного плена англичан приезжаю Петроград семьей 5/18 мая».

Она была адресована дяде (брату матери) предпринимателю Абраму Львовичу Животовскому. Как показали дальнейшие события, возвращение племянника в Российскую империю сначала создало дяде и его братьям проблемы (пришлось эмигрировать на Запад), а потом позволило не только компенсировать потери в России, но и войти в элиту парижского «бизнес-сообщества». Понятно, что и сам Лев Троцкий не упустил свой шанс заработать с помощью предприимчивых родственников. И вся его политическая карьера тесно переплелась с различными «бизнес-проектами». Расскажем о некоторых из них.

В 1919 году американское правительство оптом продало оставшиеся от Первой мировой войны гигантские военные склады во Франции и Бельгии Нью-Йоркскому банковскому консорциуму, который с огромной выгодой стал их распродавать. Эту финансовую структуру создал шведский банкир Олоф Ашберг. В молодости он увлекался социализмом, но дальше дискуссий с другими шведскими социал-демократами дело не пошло.

Ашберг наладил тесное сотрудничество с Троцким, его старшим братом Александром Бронштейном (по утверждению писателя Анатолия Рыбакова, расстрелянным в 1937 году в Курской тюрьме) и их парижским родственником. Один из совместных проектов – создание в августе 1922 года первого советского коммерческого банка, вошедшего в историю под названием «Российский коммерческий банк». Олоф Ашберг стал его первым директором. Позже контроль над банком перешел к Госбанку РСФСР. 7 апреля 1924 года банк был переименован в «Банк внешней торговли СССР» (Внешторгбанк СССР). В 1988 году банк был еще раз переименован и стал называться «Внешэкономбанк СССР».

Другой более ранний совместный проект – продажа золота Российской империи (не только принадлежащего государству, но и изъятого у частных лиц и организаций) на 20—30% ниже его реальной рыночной стоимости. Какие комиссионные на этом заработали братья Бронштейны и их дядя – тема для отдельного разговора. А мы пока поговорим о другом коммерческом проекте – закупке американского военного снаряжения, обмундирования и подвижного состава.

Для прикрытия этой деятельности Максимом Литвиновым в Христиании (Осло) была создана подставная «Норвежско-русская торговая компания», а оплачивалось все золотом через банки Ревеля. В конце 1920-го – начале 1921 года в оплату обуви, одежды, консервов, а также 100 локомотивов и 1600 железнодорожных вагонов к ним было переведено через Ревель в кладовые нью-йоркских банков более 50 тонн золота на сумму 65 млн. золотых

рублей. Сколько заработали братья на этих поставках – опять-таки сказать сложно. Известно лишь, что Александр Бронштейн после окончания Гражданской войны уехал обратно в провинцию, где жил в качестве скромного советского служащего.

Лев Троцкий и его земляк Лев Каменев оказались замешанными в еще одной финансовой афере. До Октябрьской революции «Русский торгово-промышленный банк» входил в десятку крупнейших кредитно-финансовых учреждений Российской империи. После революции в Париже и Лондоне продолжали действовать два его филиала. Однажды руководство этих структур объявило себя владельцами бизнеса и отказалось подчиняться правлению банка. Разразился громкий скандал. Владелец банка удалось через суд вернуть свой лондонский банк, а вот парижский они потеряли. Его директор, некто Кон, продал французскому банку особняк, а вырученную от сделки сумму, ну и еще активы «Русского торгово-промышленного банка» (свыше пяти миллионов франков) он передал в доверительное управление парижскому банкиру Животовскому, дяде по материнской линии Льва Троцкого и родственнику Льва Каменева. Предполагалось, что банкир, используя родственные связи, получит концессию на горно-промышленные предприятия Криворожского общества. Банкир два раза ездил в Москву, но сделка так и не была совершена.

Вот как об этом деле сообщила 18 декабря 1923 года эмигрантская газета «Накануне» в статье под громким заголовком «Первая французская концессия в России». Следует заметить, что она симпатизировала Советской России, поэтому пафосный стиль вас не должен удивлять.

«Общество криворожских рудников», основанное в 1881 году, с капиталом в 5 млн. франков (на самом деле оно называлось «Французское общество криворожских руд» и имело уставной капитал 6 млн. франков. – *Авт.*), который впоследствии доведен до 30 млн., в настоящее время получает концессию на эксплуатацию рудных и угольных богатств Криворожского завода и нескольких металлургических заводов. Срок концессии – 50 лет. Значение концессии не только в возобновлении с весны будущего года богатых Криворожских рудников, угольных шахт и заводов, но и в том, что эта концессия, не уступающая по своим размерам Урквартовской, которая, как известно, не ратифицирована Советским правительством, является первой производственной концессией французских капиталов».

А далее в статье сообщалось, что одним из посредников при проведении переговоров был Абрам Львович Животовский – дядя Льва Троцкого.

Возможно, одна из причин неудачи предпринимателя – незнание им реальной обстановки в регионе. Еще в марте 1920 года было создано районное управление рудников Криворожского и Никопольского бассейнов («Райруда»), а в ноябре 1921 года заработали первых три восстановленных рудника. А в 1922 году начал функционировать техникум, где готовили специалистов. Так что иностранцы опоздали.

Была и другая причина «провала» миссии Абрама Животовского: в то время Лев Троцкий увлекся политической борьбой и осенью 1923 года возглавил левую оппозицию.

Возможно, этим объясняется и «провал» другого проекта, где снова фигурирует «демон революции». В июне 1922 года на страницах издаваемой в Берлине (газета с точно таким же названием выходила и в Париже) русской эмигрантской газеты «Двуглавый орел» была опубликована серия заметок под общим названием «Письма экономиста». В одной из них говорилось, что в 1921 году в Париже планировалось создать «замаскированный советский банк, для каковой цели большевики согласились ассигновать 25 млн. франков. Инициаторами этого дела в Париже были евреи: Высоцкий, Златопольский, Добрый, Цейтлин, братья Животовские, Лесин и другие...». Автор статьи ссылается на опубликованный в 1921 году газетой «Новое время» текст «копии письма Гуковского к Животовскому, найденный при обыске ЧеКа квартиры его сожительницы г-жи Арнольд в Москве». Согласно автору статьи из этого документа видно, что «организация такого банка была одобрена самим Брон-

штейном, который вместе с Гуковским и некоторыми другими большевиками должен был быть пайщиком, а в качестве директоров оказались приемлемы Лесин, Добрый, Шкаф и некоторые другие».

* * *

А вот факты о деятельности другого «советского олигарха». В отечественной литературе принято изображать Григория Зиновьева безвинной жертвой диктатора Иосифа Сталина. Однако торговый представитель Советской России в Ревеле (Эстония) Георгий Соломон в изданной в 1930 году в Париже своей книге «Среди красных вождей» показал, кем же на самом деле был Григорий Зиновьев. Разумеется, все это он сообщил, когда перебрался на Запад.

Кто-то скажет, что свидетельство первого советского высокопоставленного невозвращенца (занимал пост директора фирмы «Аркос» в Лондоне) не может служить доказательством, т. к. он «злобно клеветает на советский строй». К сожалению, все изложенное ниже подтверждается документами. В 1920 году его направляют в Эстонию, где и произошел описанный ниже эпизод.

«Я к Коминтерну не имел никакого отношения и являлся лишь его «банкиром», причем в моих книгах велся точный учет всем переведенным на его счет суммам. Могу сказать только одно, что денег на счет Коминтерна переводилось много... Будущий историк сможет, если книги эти не будут уничтожены, точно установить суммы выброшенных на дело «мировой революции» народных сбережений, которые я с таким трудом превращал в актуальную валюту. — Я сказал: «на дело мировой революции». Приведу из этой сферы один эпизод, из которого читатель увидит, как расширительно толковался этот термин и его потребности. Я опишу этот эпизод подробно, чтобы читателю были ясны все его детали.

Мне подают полученную по прямому проводу зашифрованную телеграмму. Она подписана «самим» Зиновьевым. Вот примерный ее текст:

«Прошу выдать для надобностей Коминтерна имеющему прибыть в Ревель курьеру Коминтерна товарищу Сливкину двести тысяч германских золотых марок и оказать ему всяческое содействие в осуществлении им возложенного на него поручения по покупкам в Берлине для надобностей Коминтерна товаров. Зиновьев».

И вслед за тем ко мне является без доклада, и даже не постучав, и сам «курьер» Коминтерна. Это развязный молодой человек типа гостиннодворского молодца, всем видом и манерами как бы говорящий «а мне наплевать!». Он спокойно, не здороваясь и не представляясь, усаживается в кресло и, имитируя своей позой «самого» Зиновьева, говорит:

— Вы и есть товарищ Соломон?.. Очень приятно... Я Сливкин... слышали?.. да, это я товарищ Сливкин... Курьер Коминтерна, или, правильнее, доверенный курьер самого товарища Зиновьева... Еду по личным поручениям товарища Зиновьева, — подчеркнул он.

Я по своей натуре вообще не люблю амикошонства (чванства. — *Авт.*), и, конечно, появление «товарища» Сливкина при описанных обстоятельствах вызвало у меня обычное в таких случаях впечатление. Я стал упорно молчать и не менее упорно глядеть не столько на него, сколько в него. Люди, знающие меня, говорили мне не раз, что и мое молчание, и глядение «в человека» бывают очень тяжелыми. И, по-видимому, и на Сливкина это произвело удручающее впечатление: он постепенно, по мере того как говорил и как я молчал, в упор глядя на него, стал как-то увядать, в голосе его слышались нотки какой-то неуверенности в самом себе и даже легкая дрожь, точно его горло сжимала спазма. И манеры, и поза его стали менее бойкими... Я все молчал и глядел...

– Да, по личным поручениям товарища Зиновьева... по самым ответственным поручениям, – как бы взвинчивая себя самого, старался он продолжать, постепенно начиная заикаться:

– Мы с товарищем Зиновьевым большие приятели... э-э-э, мы... то есть он и я... Вот и сейчас я командирован по личному распоряжению товарища Зиновьева... э-э-э... никого другого не захотел послать... э-э-э... пошлем, говорит, товарища Сливкина... он, говорит, как раз для таких деликатных поручений... э-э-э... Меня все знают... вот и в канцелярии у вас... все... э-э-э... спросите кого хотите про Сливкина, все скажут... э-э-э... душа... э-э-э... человек...

Он окончательно стал увядать. Я был жесток – продолжал молчать и глядеть на него моим тяжелым взглядом...

– А что, собственно, вам угодно? – спросил я его, наконец.

– Извините, товарищ Соломон... э-э-э... верно, я так без доклада позволил себе войти... извините... может быть, вы заняты?..

– Конечно, занят, – ответил я. – Что же вам все-таки угодно?

И он объяснил, что явился получить ассигнованные ему двести тысяч германских марок золотом и что так как он едет с «ответственным» поручением самого товарища Зиновьева, то и позволил себе войти ко мне без доклада и даже не постучать. Он предъявил мне соответствующее удостоверение, из которого я узнал, что «он командирован в Берлин для разного рода закупок по спискам Коминтерна, находящимся лично у него, закупки он будет производить лично и совершенно самостоятельно, лично будет сопровождать закупленные товары», что я «должен ему оказывать полное и всемерное содействие, по его требованию предоставлять в его распоряжение необходимых сотрудников...» и что «отчет в израсходовании двухсот тысяч марок Сливкин представит лично Коминтерну».

– Хорошо, – сказал я, прочтя его удостоверение, – идите к главному бухгалтеру, у него имеются все распоряжения...

Он ушел. Была какая-то неувязка в документах. Он кричал, бегал жаловаться, всем и каждому, тыча в глаза «товарища Зиновьева», свое «ответственное поручение».

– Кто такой этот Сливкин? – спросил я Маковецкого, который в качестве управделами должен был все знать.

– Просто прохвост, – ответил Маковецкий. – Но все дамы Чуковского от него просто без ума. Он всем всегда угождает. Одна говорит: «товарищ Сливкин, привезите мне мыла Коти»... «духов Аткинсона» – просит другая. Он всем все обещает и непременно привезет... Вот увидите, и вам привезет какой-нибудь презент, от него не отвяжешься... Но он действительно очень близок Зиновьеву... должно быть, по исполнению всяких поручений...

И он замолк, так как был человеком скромным и целомудренно не любил касаться житейской грязи...

Перед отъездом Сливкин зашел и ко мне проститься, доложив о себе через курьера.

– Я зашел проститься, – сказал он, – и спросить, нет ли у вас каких-либо поручений?.. что-нибудь привезти из Берлина?.. Пожалуйста, не стесняйтесь, все что угодно... денег у меня достаточно... хватит...

– Нет, благодарю вас, – ответил я, – мне ничего не нужно... Желаю вам счастливого пути...

Он ушел, видимо разочарованный...

Недели через три я получаю от него телеграмму из Берлина, в которой он сообщает, что прибывает с «ответственным грузом» такого-то числа с таким-то пароходом, и требовал, чтобы к паровой пристани по пристанской ветке были поданы два вагона для перегрузки товара и для немедленной отправки его в Петербург. Между тем, у нас в это время шла спешная отправка, чуть не по два маршрутных поезда в день, разных очень срочных това-

ров. И поэтому мой заведующий транспортным отделом, инженер Фенькеви, никак не мог устроить так, чтобы к прибытию парохода затребованные Сливкиным вагоны ждали его. Линия была занята составом, продвинутым к другому пароходу, с которого перегружался спешный груз... Словом, коротко говоря, по техническим условиям было совершенно невозможно немедленно удовлетворить требование Сливкина. И поэтому у Сливкина тотчас же по прибытии начались всевозможные недоразумения с Фенькеви. А. Фенькеви был мужчина серьезный и никому не позволял наступать себе на ногу. Сливкин скандалил, кричал, что его «груз специального назначения», по «требованию Коминтерна», и что «это саботаж». Фенькеви возражал ему серьезными и убедительными доводами... Наконец Сливкин пришел ко мне с жалобой на Фенькеви. Я вызвал его к себе: в чем дело?..

– Прежде всего, – ответил Фенькеви, – линия занята маршрутным составом (40 вагонов), линия одна, отогнать маршрутный поезд мы не можем, не задержав на два дня срочных грузов – земледельческие орудия, а затем...

– А, понимаю, – сказал я. – Когда же вы можете подать два вагона?..

– Завтра в шесть утра. Сегодня к вечеру мы закончим погрузку, отгоним груженный состав ночью, и он тотчас же пойдет по расписанию в Москву. И тотчас будет подан на пристань новый состав в 40 вагонов же, и из них два вагона в хвосте поезда останутся у парохода для тов. Сливкина...

– Нет, я должен спешить! К черту орудия, пусть подождут, ведь мои грузы по личному распоряжению товарища Зиновьева... я буду жаловаться, пошлю телеграмму, – кричал Сливкин.

– Ладно, – ответил я, – делайте что хотите, я не могу отменить срочных грузов...

Сливкин, разумеется, посылал телеграммы... В ответ получались резкие ответы, запросы. Я не отвечал. Но тут вышло еще недоразумение. Сливкин настаивал на том, чтобы оба его товарных вагона были завтра прицеплены к пассажирскому поезду. Железнодорожная администрация, конечно, наотрез отказала в этом. Хлопотал Маковецкий, Фенькеви – администрация стояла на своем: только министр может разрешить это. И я должен был обратиться лично к министру, который, в конце концов, разрешил это, лишь для меня...

Все мы были измучены этим грузом «для надобности Коминтерна». Все сбились с ног, бегали, писались бумаги, посылались телеграммы... И дорогое время нескольких человек тратилось в угоду Зиновьеву... его брюху... Фенькеви лично руководил перегрузкой. Когда все было, наконец, окончено, он явился дать мне отчет. Он был мрачен и раздражен.

– А что это за груз? – спросил я вскользь.

– Извините, Георгий Александрович, – я не могу спокойно об этом говорить... Столько всяких передраг, столько гадостей, жалоб, кляуз... и из-за чего?.. Противно, тьфу, этакая гадость!.. Все это предметы для стола и тела «товарища» Зиновьева, – с озлоблением произнес он это имя. – «Ответственный груз», ха-ха-ха!.. Всех подняли на ноги, вас, всю администрацию железной дороги, министра, мы все скакали, все дела забросили... Как же, помилуйте! У Зиновьева, у этого паршивого Гришки, царскому повару (Зиновьев, по слухам, принял к себе на службу бывшего царского повара) не хватает разных деликатесов, трюфелей и черт знает чего еще для стола его барина... Ананасы, мандарины, бананы, разные фрукты в сахаре, сардинки... А там народ голодает, обовшивел... армия в рогожевых шинелях... А мы должны ублажать толстое брюхо ожиревшего на советских хлебах Зиновьева... Гадость!.. Извините, не могу сдержаться... А потом еще драгоценное белье для Лилиной и прочих, – духи, мыла, всякие инструменты для маникюра, кружева и черт его знает что... Ха, «ответственный груз», – передразнил он Сливкина и отплюнулся. – Народные деньги, куда они идут! Поверите, мне было стыдно, когда грузили эти товары, сгореть хотелось! Не знаю, откуда, но все знали, какие это грузы... Обыватели, простые обыватели смеялись. И зло смеялись – люди говорили не стесняясь: «Смотрите, куда советские тратят деньги голод-

ных крестьян и рабочих... ха-ха-ха, небось Гришка Зиновьев их лопают да на своих девок тратит...»

Все было улажено, Сливкин уехал со своим «специальным грузом для надобностей Коминтерна». Перед отъездом он зашел ко мне проститься. Он был доволен: так хорошо услужил начальству... А я был зол... Прощаясь, он протянул мне какую-то коробку и сказал:

– А вот это вам, товарищ Соломон, маленький презент для вашей супруги, флакон духов, настоящие «Коти»...

– Благодарю вас, – резко ответил я, – ни я, ни моя жена не употребляем духов «Коти»...

– Помилуйте, товарищ, это от чистого сердца...

– Я уже сказал вам, – почти закричал я, – не нужно... Прощайте...

А Сливкин был действительно рубаха-парень. Всем служащим Гуковского и самому Гуковскому он привез разные презенты. Мои же сотрудники и сотрудницы, как и я, отклонили эти презенты.

Сливкин приезжал еще раз или два и все с «ответственными» поручениями для Коминтерна, правда, не столь обильными. А вскоре прибыл и сам Зиновьев. Я просто не узнал его. Я помнил его, встречаясь с ним несколько раз в редакции «Правды» еще до большевистского переворота: это был худощавый юркий парень... По подлой обязанности службы (вспоминую об этом с отвращением) я должен был выехать на вокзал навстречу ему. Он ехал в Берлин. Ехал с целой свитой... Теперь это был растолстевший малый с жирным, противным лицом, обрамленным густыми курчавыми волосами, и с громадным брюхом...

Гуковский устроил ему в своем кабинете роскошный прием, в котором и мне пришлось участвовать. Он сидел в кресле с надменным видом, выставив вперед свое толстое брюхо, и напоминал всей своей фигурой какого-то уродливого китайского божка. Держал он себя важно... нет, не важно, а нагло. Этот ожиревший на выжатых из голодного населения деньгах каналья едва говорил, впрочем, он не говорил, а вещал... Он ясно дал мне понять, что очень был «удивлен» тем, что я, бывая в Петербурге, не счел нужным ни разу зайти к нему (на поклон?)... Я недолго участвовал в этом приеме и скоро ушел. Зиновьев уехал без меня. И Гуковский потом мне «дружески» пенял:

– Товарищ Зиновьев был очень удивлен, неприятно удивлен, что вас не было на пароходе, когда он уезжал... Он спрашивал о вас... хотел еще поговорить с вами...

Потом в свое время, на обратном пути в Петербург, Зиновьев снова остановился в Ревеле. Он вез с собою какое-то колоссальное количество «ответственного» груза «для надобностей Коминтерна». Я не помню точно, но у меня осталось в памяти, что груз состоял из 75 громадных ящиков, в которых находились апельсины, мандарины, бананы, консервы, мыла, духи... но я не бакалейный и не галантерейный торговец, чтобы помнить всю спецификацию этого награбленного у русского мужика товара... Мои сотрудники снова должны были хлопотать, чтобы нагрузить и отправить весь этот груз... для брюха Зиновьева и его «содкомов»...

Но эти деньги тратились, так сказать, у меня на виду. А как тратились те колоссальные средства, которые я должен был постоянно проводить по разным адресам, мне неизвестно... Может быть, когда-нибудь и это откроется... Может быть, откроется также и то, что Зиновьев не только «пожирал» народные средства, но еще и обаграл свои руки народной кровью... Так, один из моих сотрудников, Бреслав, рассказывал мне, как на его глазах произошла сцена, которую даже он не мог забыть... Он находился в Смольном, когда туда к Зиновьеву пришла какая-то депутация матросов из трех человек. Зиновьев принял их и, почти тотчас же выскочив из своего кабинета, позвал стражу и приказал:

– Уведите этих мерзавцев на двор, приставьте к стенке и расстреляйте! Это контрреволюционеры...

Приказ был тотчас же исполнен без суда и следствия... Я был бы рад, если бы Бреслав подтвердил это...».

...Известно, что «барин» Григорий Зиновьев в 1936 году по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевско-го центра» был приговорен к расстрелу.

* * *

Среди тех, кто хранил свои сбережения за границей, был Яков Ганецкий, с августа 1920 года по декабрь 1921 года – полномочный и торговый представитель РСФСР в Латвии. Полномочным представителем РСФСР в Эстонии в то же время был назначен Исидор Гуковский (до перехода на дипломатическую службу он занимал пост наркома финансов и был членом коллегии наркомата государственного контроля РСФСР).

Назначив Исидора Гуковского и Якова Ганецкого на ключевые посты, большевики столкнулись с проблемой контрабанды и хищения переправляемых через границу драгоценностей.

Чтобы читатель имел представление о происходящих в Ревеле безобразиях, автор процитирует несколько страниц из воспоминаний Георгия Соломона. Вот что он пишет в своих мемуарах:

«Сотрудники Гуковского жили и работали в этой же гостинице (речь идет о «Петербургской гостинице». – *Авт.*). Жили грязно, ибо все это были люди самой примитивной культуры. Тут же в жилых комнатах помещались и их рабочие бюро, где они и принимали посетителей среди неубранных постелей и сваленных в кучу по стульям и столам грязного белья и одежды, среди которых валялись деловые бумаги, фактуры. Большинство поставщиков были «свои» люди, дававшие взятки, приносившие подарки и вообще оказывавшие сотрудникам всякого рода услуги.

С самого раннего утра по коридорам гостиницы начиналось движение этих темных гешефтмахеров. Они толпились, говорили о своих делах, о новых заказах. Без стеснения влезали в комнаты сотрудников, рассаживались, курили, вели оживленные деловые и частные беседы, хохотали, рассказывали анекдоты, рылись без стеснения в деловых бумагах, которые, как я сказал, валялись повсюду, тут же выпивали с похмелья и просто так. Тут же валялись опорожненные бутылки, стояли остатки недоеденных закусок... Тут же сотрудники показывали заинтересованным поставщикам новые заказы, спецификации, сообщали разные коммерческие новости... тайны...

У Гуковского в кабинете тоже шла деловая жизнь. Вертелись те же поставщики, шли те же разговоры... Кроме того, Гуковский тут же лично производил размен валюты. Делалось это очень просто. Ящики его письменного стола были наполнены сваленными в беспорядочные кучи денежными знаками всевозможных валют: кроны, фунты, доллары, марки, царские рубли, советские деньги... Он обменивал одну валюту на другую по какому-то произвольному курсу. Никаких записей он не вел и сам не имел ни малейшего представления о величине своего разменного фонда.

И эта «деловая» жизнь вертелась колесом до самого вечера, когда все – и сотрудники, и поставщики, и сам Гуковский – начинали развлекаться. Вся эта компания кочевала по ресторанам, кафе-шантанам, сбиваясь в тесные, интимные группы... Начинался кутеж, шло пьянство, появлялись женщины... Кутеж переходил в оргию... Конечно, особенное веселье шло в тех заведениях, где выступала возлюбленная Гуковского... Ей подносились и Гуковским, и поставщиками, и сотрудниками цветы, подарки... Шло угощение, шампанское лилось рекой... Таяли народные деньги...

Так тянулось до трех-четырех часов утра... С гиком и шумом вся эта публика возвращалась по своим домам... Дежурные курьеры нашего представительства ждали возвраще-

ния Гуковского. Он возвращался вдребезги пьяный. Его высаживали из экипажа, и дежурный курьер, охватив его со спины под мышки, втаскивал смеющегося блаженным смешком «хе-хе-хе» наверх, укладывал в постель... На первых же днях моего пребывания в Ревеле мне пришлось засидеться однажды в своем кабинете за работой до утра, и я видел эту картину втаскивания Гуковского к нему в его комнату.

Услыхав возню и топот нескольких пар ног, я вышел из кабинета в коридор и наткнулся на эту картину. Хотя и пьяный, Гуковский узнал меня. Он сделал движение, чтобы подойти ко мне, и безобразно затрепыхался в руках сильного и крупного Спиридонова, державшего его, как ребенка.

– А-а! – заплетающимся, пьяным языком сказал он. – Соломон?.. по ночам работает... хи-хи-хи... спасает народное достояние... А мы его пропиваем... день, да наш!.. – И вдруг совершенно бешеным голосом он продолжал:

– Ссиди!.. хи-хи-хи!.. сстарайся (непечатная ругань)!.. уж я не я, а будешь ты в Чеке... фьюить!.. в Чеку!.. в Чеку!.. к стенке!..

– Ну, ну, иди знай, коли надрызгался, – совсем поднимая его своими сильными руками и говоря с ним на «ты», сказал Спиридонов. – Нечего, не замай других... ведь не тебе чета...

И он внес его, скверно ругающегося и со злобой угрожающего мне, в его комнату...».

Хотя пьянки – это только вершина айсберга. Георгий Соломон случайно выяснил, что при заключении сделок сотрудники Гуковского, да и он сам, требовали от потенциальных поставщиков до 40% вознаграждения от суммы контракта. Так, фирма «Эрикссон» попыталась продать Советской России 800 аппаратов Морзе. Первоначальная цена (включая все «накладные расходы» – транспортировку, упаковку и т. п.) прозвучала как 960 шведских крон за аппарат. А когда коммерсант узнал, что ему не надо платить «откат», то цена сразу же снизилась до 600 шведских крон. И таких примеров можно привести множество.

Другой способ бизнеса Гуковского. Заключение контрактов, внесение предоплаты в размере 50% и все... Дальнейшие обязательства не выполнялись. Когда заключенные Гуковским договора изучили профессиональные юристы, то они признали их мошенническими.

А вот еще иллюстрация на тему того, как «советские сановники обращались с переданными им для продажи драгоценностями». Снова цитата из мемуаров Георгия Соломона:

«Приведу со слов самого Гуковского, как он получил пакет с разными драгоценностями. Они были кое-как завернуты в бумажки, никакой описи к пакету не было приложено.

– Вот видите, как мне верят, – хвастался Гуковский. – От меня не потребовали даже расписку в получении, просто взяли и послали весь пакет на мое имя за одной только печатью. Я стал выбирать из пакета камни и изделия, а бумаги выбрасывал в сорную корзину... Ну, вот, через несколько дней мне потребовалось взять из корзины клочок бумаги. Запустил я в нее руку, и вдруг мне попался какой-то твердый предмет, обернутый в бумагу. Я его вытащил. Что такое?.. Хе-хе-хе!.. Это оказалась диадема императрицы Александры Федоровны, хе-хе-хе! Оказалось, что я ее по нечаянности выбросил в корзину, хе-хе-хе!..».

Комментарии излишни...

В мае 1921 года Исидора Гуковского вызвали в Москву. Но до Москвы «дипломат» не доехал – умер в Ревеле. А Яков Ганецкий был расстрелян в 1937 году и считается одной из безвинных жертв сталинских репрессий.

* * *

Комиссариатом финансов Советской России руководил Григорий Сокольников (Гирш Бриллиант) – весьма интересная личность. Мы не будем рассказывать обо всех его деяниях, а коснемся только одного – так называемой валютной интервенции.

В 1922 году в Советской России одновременно существовало две денежных (валютных) системы.

В первой использовались совзнаки (советские казначейские знаки, расчетные знаки РСФСР, денежные знаки РСФСР (СССР), которые использовались с 1919 по 1924 год. В силу ряда причин они были подвержены значительному обесценению. Так, при выпуске совзнаков образца 1922 года 1 рубль новых денежных знаков приравнивался к 10 000 старых. При выпуске совзнаков образца 1923 года 1 рубль новых денежных знаков приравнивался к 100 рублям образца 1922 года или 1 000 000 более старых.

Во второй использовались червонцы, которые начали выпускаться с октября 1922 года. Эти деньги были полностью обеспечены государством запасами драгоценных металлов и иностранной валютой, товарами и векселями надежных предприятий. Червонец был встречен населением с доверием и рассматривался, скорее, не как средство обращения, а как надежная ценная бумага. К тому же червонец котировался на большинстве валютных бирж Западной Европы и использовался во внешнеторговых операциях не только государственными организациями, но и частными.

Одновременно на финансовом рынке Советской России существовал еще один объект инвестирования – золото. Основные источники его поступления – оставшиеся у населения еще с царских времен золотые монеты, а также поступившие из-за рубежа. Другой источник поступления – золото, добытое старателями в Сибири.

С октября 1925 года по апрель 1926 года по указанию Григория Сокольникова была проведена «валютная интервенция» – продажа государством золота предпринимателям. Ее цель – изменить соотношение курса червонца. В результате от этой операции выиграли только частники. Они скупили золота на сумму 29 млн. рублей и иностранной валюты на сумму 21 млн. рублей. В результате бизнесмены получили около 50 млн. рублей для оплаты контрабанды, незаконных переводов за границу и финансовых спекуляций.

Расскажем о финансовых операциях на примере Закавказья:

«Основными пунктами валютной деятельности Закавказья являются несколько наиболее крупных городов, а именно: Баку, Тифлис, Батум, Эривань, Ганджа, Ленинакан, Кутаис, Джульфа, Нахичевань, Потти. Эти города, в свою очередь, обслуживают менее значительные пункты в провинции.

Таким образом, для определения приблизительного объема нелегальных валютных операций в закавказском масштабе достаточно выявить общий характер деятельности валютных рынков в указанных выше городах.

Главными объектами биржевого оборота являются: английские фунты, американские доллары, турецкие бумажные лиры и золотая десятка. В некоторых районах в валютном обороте участвуют также и персидские серебряные краны, операции с которыми приняли довольно интенсивный характер в середине 1925/26 г. на бакинском валютном рынке.

По имеющимся данным можно приблизительно установить, что 30% всех сделок с валютой проходят один оборот и оседают в твердых руках, 50% имеют двукратное обращение и 20% – преимущественно мелкие операции – оборачиваются три-четыре раза.

Суточный валютнооборот по отдельным городам представляется в следующих цифрах: Баку – 40—45 тыс. руб., Тифлис – 20—25 тыс. руб., Батум – 10—13 тыс. руб., Эривань – 3—4 тыс. руб., Ганджа – 2 тыс. руб., Ленинакан – 10—13 тыс. руб., Кутаис – 1—1 1/2 тыс. руб., Потти – 1 1/2 тыс. руб., Джульфа – 1—2 тыс. руб., Нахичевань – 1 1/2—2 тыс. руб. и остальные мелкие пункты – 5 тыс. руб., а всего в пределах Закавказья суточный валютнооборот выражался в среднем ориентировочно в 100 тыс. руб. Хотя средняя прибыль на валютных операциях бывает весьма разнообразна, но если даже принять во внимание самый минималь-

ный процент (2—2,5) и перевести его на годовой расчет, то получится чудовищно крупный барыш на спекулятивный частный капитал.

Последнее обстоятельство послужило причиной тому, что свободный частный капитал в крайне незначительном размере по сравнению с имеющимися у него возможностями участвовал на закавказском рынке в сделках с государственными займами.

Значительную роль в спекулятивных валютных операциях играет нелегальный вывоз за границу валюты и золота. Способы вывоза самые разнообразные, и основными являются следующие: обмен золота на привозимые контрабандные товары, переотправка через дипломатов иностранных миссий, через команды иностранных судов и т. д.

Вывоз же драгоценных камней за истекший год выразился в сравнительно незначительных цифрах, что объясняется отчасти сильным вздорожанием бриллиантов (в среднем на 40%).

Наряду со скупкой и продажей валюты особое место в спекулятивной деятельности на черных биржах Закавказья занимают так называемые бараты – нелегальные переводные операции персидских купцов, способствующие переброске в Персию в значительных размерах иностранной валюты и золота.

Баратные операции развиты главным образом в Азербайджане. Первоначальная клиентура – персидские рабочие на нефтяных и рыбных промыслах – с течением времени пополнилась персидскими купцами. Посредством баратных контор купцы переводили на родину излишки валюты, получавшиеся вследствие разницы на ввозе и вывозе товаров. Ввиду явной выгоды подобных операций большинство персидских купцов стали сокращать размеры своих коммерческих товарных операций и переходить на посредническую, комиссионную работу. Центр тяжести был ими перенесен на ярмарочную торговлю, и они своей деятельностью создавали резкие скачки во взаимоотношении курсов червонца и персидских кран посредством искусственного доведения баратов до 38 кран за червонец.

Суточный размер баратных переводов в период, следовавший за окончанием ярмарок, доходил до 100 тыс. руб. Если персидские купцы, пользуясь баратами, получали крупные выгоды, то персидские рабочие, переводившие деньги своим семьям в Персию, теряли на курсовой разнице от 25 до 30% своего жалованья.

Помимо переводов в баратные конторы сдавались персидскими подданными деньги на хранение. Последний факт еще более усиливал возможности контор по проведению крупных спекуляций валютой. Успешная борьба с баратными конторами приводит к значительному уменьшению ажиотажа на валютном рынке Закавказья.

Совершенно обособленно на валютном рынке группируются внутренние операции ростовщического типа – ломбардные и дисконтные. Получаемая частным капиталом от последних прибыль колебалась в месяц от 10 до 15% по первым и от 8 до 10% по вторым видам этих операций. Ввиду того что общая сумма вложения в них средств не превышала по Закавказью ориентировочно 500 тыс. руб., особого влияния на валютный рынок они оказать не могли».

Расскажем теперь о деяниях одного из подчиненных Григория Сокольников – Льва Волина. Последний с сентября 1923 года заведовал Особым отделом Валютного управления Наркомфина. Одна из задач этого подразделения – контроль над ситуацией, а если быть точнее, то попытка заставить часть маклеров действовать в интересах государства, на «черной валютной бирже» в Москве. Она функционировала на площади перед зданием официальной валютной биржи. Также сотрудники Особого отдела следили за частной торговлей золотом и драгоценностями в столице Советской России.

С 1924 года Лев Волин занимался организацией размещения на иностранных биржах акций и облигаций Российской империи, которые все еще пользовались спросом. При этом знающие его люди отмечали, что во время заграничных турне жил он, говоря современным

языком, не по средствам, при этом часто хвастался своими высокопоставленными покровителями среди руководства страны.

Хотя эти «высокопоставленные друзья» не спасли его от ареста в марте 1926 года. В мае того же года по приговору суда он вместе с двумя своими сотрудниками, А. Чепелевским и Л. Рабиновичем, был расстрелян. Еще несколько человек были приговорены к различным срокам тюремного заключения.

Отдельные журналисты утверждают, что чекисты требовали от Льва Волина дать показания в отношении Григория Сокольникова, но то ли улик оказалось недостаточно, то ли подследственный упорно молчал, но нарком финансов был арестован только в 1936 году и приговорен к десяти годам тюремного заключения. Если отбросить в сторону политическую окраску его дела, то можно предположить, что речь шла о преступлениях в экономической сфере. Обычно «троцкистов» сразу расстреливали, а не давали «червонец»...

Из ювелиров – в главного чекиста

А теперь мы кратко расскажем о самом высокопоставленном еврее в органах госбезопасности – нарcome внутренних дел Генрихе Ягоде.

Генрих (Енох) Григорьевич (Гершеневич) Ягода родился 19 ноября 1891 года в городе Рыбинске, в семье золотых дел мастера Гершеля Фишелевича Ягоды (он же Григорий Филиппович) и его супруги Марьи Гавриловны (урожденная Ласса-Хася), дочери симбирского часового мастера. Позже семья переехала в Нижний Новгород и поселилась в центре города на улице Ковалиха (по иронии судьбы, сейчас она улица Горького) в доме под № 19. Ювелирный промысел отец восьми детей прекрасно совмещал с революционной деятельностью. В 1904 году полиция внезапно нагрянула с обыском и обнаружила подпольную типографию. Домовладелец сумел выкрутиться, свалив все на квартирантов из числа большевиков. Это не спасло от потерь. В 1905 году на баррикадах Сормова сложил голову старший брат Генриха Ягоды – Михаил. А в 1916 году на фронте расстреляли его младшего брата Льва – тот отказался идти в бой.

Самому Генриху тоже была уготована недолгая жизнь. Страдал он туберкулезом и малокровием, а еще в 1907 году пятнадцатилетним подростком примкнул к нижегородским анархистам-коммунистам. Через год его поймали, но вскоре отпустили. По всей видимости, полиции о подростке сообщил лидер нижегородских анархистов-коммунистов – Иван Алексеевич Чемборисов, который совмещал политическую деятельность с тайным сотрудничеством с Департаментом полиции. Опасных для Российской империи затей Генрих Ягода не бросил: неплохо освоил скупку и перепродажу динамита, ездил в Москву за «пудом гремучего студня» и вынашивал планы ограбления банка в Нижнем Новгороде. Одновременно он поддерживал связь с эсерами. Его партийные клички той эпохи: «Темка», «Сыч» и «Одинокый».

В 1912 году Генриха Ягоду задержали в Москве: будучи евреем, он не имел права жить в Москве и поселился там по подложному паспорту, оформленному на имя некоего Галушкина у своей сестры Розы – члена партии анархистов. Жандармы отметили, что молодой человек имел намерение перейти в православие и устроиться на работу в старой столице. Как и его отец, он сумел выйти «сухим из воды». Суд приговорил его к двум годам ссылки в Симбирск, где у деда был свой дом.

Амнистия по случаю трехсотлетия дома Романовых позволили Генриху Ягоде в 1913 году не только вернуться из ссылки, но и поселиться в Петербурге. Для этого ему пришлось принять православие и формально отказаться от иудаизма. Хотя теперь у него появилась новая вера – коммунизм. Сложно сказать, сам ли он примкнул к большевикам или надумали отец с братьями, но с осени 1913 года он трудился статистиком и сотрудничал с легальным

партийным журналом «Вопросы страхования». В этом ему помог троюродный брат Яков Свердлов.

В 1915 году Генриха Ягоду мобилизовали на войну. В отличие от своего брата Льва Генрих не стал демонстрировать «пацифистских» убеждений. Он дослужился до ефрейтора 20-го стрелкового полка 5-го армейского корпуса, а осенью 1916 года был ранен и демобилизован.

Вернувшись в Петроград, с головой ушел в революцию, работал в военной организации большевиков и Петроградском совете, поучаствовал и в захвате власти в октябре 1917 года в Москве. С ноября 1917 года по апрель 1918 года – ответственный редактор газеты «Крестьянская беднота». А затем в жизни скромного статистика и журналиста произошел кардинальный перелом. Новой бюрократии требовались грамотные делопроизводители, а родство и тесное знакомство с председателем ВЦИК Яковом Свердловым позволяли рассчитывать на хорошую карьеру. Двадцатилетнего Генриха Ягоду в апреле 1918 года устроили управляющим делами Высшей военной инспекции – он ведал демобилизацией старой армии, выезжал на многочисленные в 1918 году фронты. В сентябре 1919 года он лишился этого поста, но без работы сидел недолго. Молодого трудоголика заметил Феликс Дзержинский – в ноябре 1919 года Генриха Ягоду назначили управляющим делами Особого отдела ВЧК. Управлять делами ему определенно нравилось – меньше чем через год он стал отправлять ту же должность в масштабах всей Чeka. Тогда же он стал членом коллегии ВЧК. В январе 1921 года его назначили заместителем начальника Особого отдела ВЧК-ГПУ. В марте 1922 года он занял аналогичную должность, но уже в Секретно-оперативном управлении ВЧК-ГПУ-ОГПУ СССР (в июле 1927 года он станет начальником этого управления и проработает на этом посту до 1929 года). Одновременно, с июня 1922 года по октябрь 1929 года он возглавлял Особый отдел ГПУ РСФСР-ОГПУ СССР. С сентября 1923 года – 2-й заместитель Председателя ГПУ-ОГПУ СССР. Затем он стал 1-м заместителем председателя ОГПУ, а в июле 1931 года просто заместителем председателя ОГПУ. Пост наркома внутренних дел (ОГПУ было преобразовано в НКВД в июле 1934 года) он формально занял в июле 1934 года, хотя фактически произошло это значительно раньше. Его предшественник, Вячеслав Рудольфович Менжинский (председатель ОГПУ с июля 1926 года) в последние годы своей жизни (умер в мае 1934 года) тяжело болел и большинство функций по управлению ведомством передал своему заместителю – Генриху Ягоде.

Генрих Ягода подстраховался – женился на Иде Авербах – племяннице Якова Свердлова. Другой мощный рычаг – организация возвращения из-за границы Максима Горького. В этой операции активное участие принял Леопольд Авербах – брат супруги. Он специально ездил к «буревестнику революции» в Италию, чтобы уговорить его вернуться в Советский Союз.

За делами карьерными Генрих Ягода не забывал и о своей внеслужебной жизни. Генрих Ягода, его родители и пять сестер, тесть Авербах с родней, а также особо приближенные лица роскошно жили в советской столице. У всех были квартиры в центре Москвы и уютные дачи в ближнем Подмосковье. Через неделю после ареста были аккуратно подсчитаны все «спецрасходы» по обслуживанию бывшего наркома и его семьи. Только за 9 месяцев 1936 года они составили 3 млн. 718 тысяч рублей – деньги по тем временам громадные. Среди изъятых у него вещей – «резинный искусственный половой член». Экзотический по тем временам предмет – для скучающей супруги Иды, ибо помимо государственных дел Генрих Ягода успевал «ходить на сторону». Нарком питал нежные чувства к вдове сына Максима Горького, Надежде Алексеевне (Тимоше). Для нее на казенные деньги была куплена дача в Жуковке (160 тысяч рублей). В том же поселке обитала некая гражданка Галл. Дача стоила лубянской казне всего-то 25 тысяч, но кровать туда завезли за 30 тысяч...

* * *

В архиве ФСБ РФ хранятся очень любопытные документы. Содержание большинства из них соответствует действительности. Начнем с результатов обыска у Генриха Ягоды. Оговоримся сразу, ревизию ценностей проводили только на его квартире, а ведь были еще и многочисленные родственники. И им тоже кое-что перепало, но об этом ниже. А пока автор дает шанс читателю представить себе, как жил «скромный» нарком внутренних дел Советского Союза:

«1937 года, апреля 8 дня. Мы, нижеподписавшиеся, комбриг Ульмер, капитан госуд. безопасности Деноткин, капитан госуд. безопасности Бриль, ст. лейтенант госуд. безопасности Березовский и ст. лейтенант госуд. безопасности Петров, на основании ордеров НКВД СССР за № 2, 3 и 4 от 28 и 29 марта 1937 года в течение времени с 28 марта по 5 апреля 1937 года производили обыск у Г. Г. Ягода в его квартире, кладовых по Милютинскому переулку, дом 9, в Кремле, на его даче в Озерках, в кладовой и кабинете Наркомсвязи СССР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.